
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306938 2

128
139
140

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerox by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1961

A

ОГЛАВЛЕНІЕ.

LIBRARY
NOV
UNIVERSITY OF TORONTO

Г. Ю. Феддерсъ.

Эволюція типа „страннаго человѣка“ у Лермонтова по его драматическимъ произведеніямъ, поэмамъ и роману „Герой нашего времени“ въ связи съ перепиской и мотивами личной жизни писателя.

ОПЫТЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1914.

Печатано по постановленію Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородко.

Предсѣдатель Общества *В. И. Петръ.*

ГЛАВА I.

—Лермонтовъ и „анчаръ человѣческой жизни“. —Лермонтовъ—„странный человѣкъ“.

Въ рѣдкія, истинно божественныя минуты человѣческой жизни, когда сознаніе уносится въ смутную эпоху довременнаго хаоса мірового, оно, подавленное громадностью представшаго предъ умственнымъ взоромъ таинственнаго міра, не имѣющаго ни начала, ни конца,—инстинктивно фиксируетъ свое вниманіе на томъ громадномъ, жизнетворномъ началѣ, что мощной волной гремитъ въ неизмѣримыхъ пространствахъ и протяженностяхъ этого хаоса.

Человѣческое сознаніе, затуманенное въ эти мгновенія съ точки зрѣнія повседневнаго обычнаго состоянія его, но просвѣтленное незримымъ перстомъ невѣдомаго высшаго начала,—это сознаніе во всемъ, что можетъ только обнять, осмыслить, радостно ищетъ и чувствуетъ это гордое, смѣющееся надъ своимъ же твореніемъ, вѣчное, но и многострадальное жизнетворное начало.

И въ тихой, какъ минорная нѣжная симфонія, чистой, какъ кристаллъ первозданныхъ горныхъ вершинъ, музыкѣ невѣдомо откуда бѣгущаго ручья...

И въ холодномъ, сѣромъ, густомъ мракѣ вѣчности, ревниво, осторожно, медленно открывающемъ сознанію то тотъ, то другой уголокъ необъятнаго хаоса, съ тѣмъ, чтобы потомъ сразу насмѣшливо задернуть надо всѣмъ непонятную фату и уйти куда то, въ невѣдомыя глубины широкой, колыхающейся пеленой...

И въ нестерпимомъ, ослѣпительномъ, но въ то же время нѣжномъ, прозрачномъ сіяніи, вступающемъ въ вѣчную отнынѣ борьбу съ густымъ, сѣрымъ сумракомъ, но одинаково равнодушно закрывающемъ человѣческому сознанію всякую возможность постичь, понять что либо...

И необыкновенная музыка ручья, и нелѣпый въ своей огромности и протяженности сумракъ, наконецъ, сказочное сіяніе вѣчности,—все это, первозданное, гигантское, необъяснимое по самому существу своему, отнынѣ дѣлается для сознанія объектомъ вѣчныхъ стремленій, надеждъ несбыточныхъ, экзальтированныхъ, подчасъ болѣзненныхъ,—слѣдовательно—и причиной вѣчныхъ, невыносимыхъ мукъ этого сознанія въ его земномъ существованіи.

Чудная чаша довременнаго хаоса, къ которой суждено прикасаться немногимъ избраннымъ душамъ человѣчества, сыграетъ потомъ, во всей дальнѣйшей земной жизни этихъ душъ, слишкомъ безжалостную, грустную роль: она заполнитъ эти души воспоминаніемъ о чемъ то неясномъ, она заполнитъ эти души вѣчнымъ болѣзненнымъ стремленіемъ къ чему то, „тамъ“ надъ обыденнымъ сознаніемъ моего „ я“, въ странѣ воспоминаній; она, незамѣтно для слабой, полной недоумѣнія души человѣческой, превратится для нея, наконецъ, въ гибельный смертоносный анчаръ въ огромной пустынѣ.

Вершина его уносится далеко, далеко въ безоблачныя выси, туда, „гдѣ лучшихъ дней воспоминанья“, гдѣ впервые было дано откровеніе душѣ человѣческой; можетъ быть она и теряется въ чашѣ довременнаго хаоса; но мощные, древніе корни, довѣрчиво разросшіеся въ землѣ, не находятъ въ ней, въ этой пустынѣ, жизненныхъ силъ, но питаются моремъ горькихъ, ядовитыхъ слезъ обездоленнаго человѣчества. Немногія, избранныя души въ своихъ безпокойныхъ видѣніяхъ жадно ищутъ эту чашу довременности, въ своихъ больныхъ грезахъ тянутся къ этому страшному анчару, какъ посреднику между господиномъ—небомъ и рабыней—землей, и безсмысленно погибаютъ у подножія его, такъ и не понявъ таин-

ственной, уходящей въ хаосъ, вершины его. Потому что отравленъ анчаръ, потому что то, что могло и должно было стать спасеніемъ избраннаго человѣческаго духа на землѣ, стало смертоноснымъ именно отъ дыханія погрязшей въ жалкихъ мысляхъ, думахъ и желаніяхъ земной массы и того, что на ней...

Таинственная, неизмѣримая, могущественная первооснова всего, чудная чаша хаоса перваго—обманула человѣчество, и лучшіе представители его преждевременно, съ мучительной тоской въ душѣ и—что самое ужасное—въ недоумѣніи погибаютъ отъ одного только, быть можетъ, слишкомъ дерзкаго прикосновенія къ роковому анчару человѣческой жизни, отъ одной только благородной, свѣтлой попытки храбро взглянуть вверхъ, въ уходящую въ довременную высь листву вѣтвей его... Ибо роковымъ образомъ отравлено страшное дерево жизни и смерти...

И вотъ, вся коротенькая земная жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова, этого чуткаго изъ чуткихъ избранника русской мысли и русской души, не что иное, какъ высоко трагическое, недоумѣнное печальное хожденіе вокругъ непонятнаго страшнаго анчара жизни, идола, холоднаго, недоступнаго, равнодушнаго и жестокаго. „Неизбѣжность высшаго міра,—говоритъ критикъ-поэтъ С. А. Андреевскій, — проходитъ полнымъ аккордомъ чрезъ всю лирику Лермонтова. Онъ самъ весь пропитанъ кровной связью съ надзвѣзднымъ пространствомъ. Здѣшняя жизнь ниже его. Онъ всегда презираетъ ее, тяготится ею“. Всю свою жизнь Лермонтовъ напряженно, до душевной боли внимательно искалъ чего то внѣ земной жизни, что могло бы хотя немного осмыслить, объяснить эту жизнь, помочь переносить ее; всю свою жизнь присматривался къ тому, что менѣе всего интересовало другихъ; всю свою жизнь отворачивался поэтому отъ средняго человѣка съ обыкновеннымъ мышленіемъ, взглядами, привычками, и упорно, злобно бывалъ чаще всего съ самимъ собой, своими грезами, своими видѣніями.

Здѣсь самая простая разгадка того, почему Лермонтовъ не могъ любить никого, почему простая привязанность къ человѣку быстро представлялась ему смѣшной и странной, и онъ спѣшилъ сдѣлать этому человѣку что нибудь непріятное, а, если можно, то и злое. Станетъ понятной и некрасивая страсть Лермонтова поиздѣваться надъ человѣкомъ, завѣдомо заурядныхмъ и слабымъ противъ него; какъ будто поэтъ силой своего сарказма въ такихъ случаяхъ хотѣлъ произвести переворотъ въ слабой, привыкшей къ угнетенію душѣ, своего рода сильную реакцію; какъ будто онъ разсчитывалъ пробудить въ ней протестъ какого то высшаго начала изъ того мудраго довременнаго хаоса, именно въ заурядномъ субъектѣ,—протестъ, который объяснилъ бы ему, Лермонтову, то, чего онъ не зналъ и что страстно стремился познать. И, не найдя ничего, кромѣ надутой обиды, Лермонтовъ бросалъ свой экспериментъ, свою жертву, и—угрюмый, почти больной—залѣзалъ въ холодную раковину своего одиночества. И тогда никто не смѣлъ заговорить съ нимъ. Это исключительное положеніе одинокаго, страннаго, „нездѣшняго“ человѣка—не капризъ судьбы. Это, быть можетъ, фатальное наслѣдство предковъ поэта. И вотъ что читаемъ по этому поводу въ прекрасной публичной лекціи Вл. Соловьева о Лермонтовѣ. „Въ пограничномъ съ Англіей краю, Шотландіи, вблизи монастырскаго города Мельроза, стоялъ въ 13 в. замокъ Эрсильдонъ, гдѣ жилъ знаменитый въ свое время и еще болѣе прославившійся впослѣдствіи рыцарь Томасъ Лермонтъ. Славился онъ, какъ вѣдунъ и прозорливецъ, смолоду находившійся въ какихъ то загадочныхъ отношеніяхъ къ царству фей, и потомъ собиравшій любопытныхъ людей вокругъ огромнаго стараго дерева на холмѣ Эрсильдонъ, гдѣ онъ прорицательствовалъ и между прочимъ предсказалъ шотландскому королю Альфреду III его неожиданную и случайную смерть. Вмѣстѣ съ тѣмъ эрсильдонскій владѣлецъ былъ знаменитъ, какъ поэтъ, и за нимъ осталось прозвище стихотворца, или по тогдашнему риѳмача—Thomas the Rhumer. Конецъ его былъ загадоченъ: онъ про-

палъ безъ вѣсти, уйдя вслѣдъ за двумя бѣлыми оленями, присланными за нимъ, какъ говорили, изъ царства фей [1])". Вспомнимъ колоссальный поэтическій талантъ М. Ю. Лермонтова, его поразительное видѣніе своей смерти („стих. Сонъ"); наконецъ, его жуткую смерть подъ проливнымъ дождемъ и при громовыхъ раскатахъ у подножія Машука; сопоставимъ все это съ приведеннымъ свидѣтельствомъ Вл. Соловьева, и мы поймемъ то, что раньше казалось такимъ непонятнымъ, именно—необыкновенно раннее душевное развитіе Лермонтова, опередившее развитіе нормальнаго юноши на 5—6 лѣтъ, въ связи съ этимъ чуднымъ и какъ бы унаслѣдованнымъ тяготѣніемъ къ абсолютному, сверхчеловѣческому идеалу, познанію его. Такія тяготѣнія, такія возможности духа, заложенныя въ молодомъ организмѣ, естественно и необходимо обладаютъ поразительной динамической силой, поразительной потребностью постоянно развиваться, расти, стать выше другихъ сторонъ души 2-го порядка и, наконецъ, найти полное удовлетвореніе въ достиженіи торжества этого духа, торжества проникновенія въ сущность вещей.

„Лермонтовъ,—читаемъ у того же Вл. Соловьева,—несомнѣнно былъ геній, т. е. человѣкъ уже отъ рожденія близкій къ сверхчеловѣку, получившій задатки для важнаго дѣла, способный, а слѣдовательно обязанный его исполнить [2])". У такихъ натуръ въ сущности нѣтъ юношества, а послѣ короткаго, чаще всего неудачнаго дѣтства сразу приходитъ зрѣлость. И въ этомъ ихъ трагедія, въ частности трагедія Лермонтова. Ибо они сразу дѣлаютъ страшно рискованный болѣзненный скачекъ черезъ свою юность. Они не знаютъ и не могутъ знать той поры, когда умъ юноши совершаетъ подготовительную аналитическую работу надъ окружающимъ его земнымъ міромъ, когда онъ присматривается не только къ отрицательнымъ, но и къ положительнымъ явленіямъ, когда

---

[1]) Вл. Соловьевъ. Лермонтовъ. „Вѣст. Евр." 1901, II, 445.

[2]) Вл. Соловьевъ. Лермонтовъ „Вѣстн. Евр." 1901, II, 445.

есть время понять и оцѣнить эти послѣднія, найти, быть можетъ, въ нихъ путеводную точку и, если не всю жизнь, то, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ держаться ея. Они не могутъ знать этой, правда, сумбурной, подчасъ смѣшной и ошибочной, но зато всегда беззлобной поры человѣческой жизни, и въ этомъ ихъ глубокая драма. Послѣ нѣжныхъ въ своей беззаботности, дорогихъ въ своей простотѣ и непосредственности впечатлѣній дней дѣтства сразу предстанетъ передъ такими натурами пестрое, быстро вертящееся колесо жизни, увлекающее въ ненужномъ водоворотѣ мысли и желанія милліардовъ людей, колесо, на которомъ начертаны только мелкія обязанности человѣка и ничего не говорится о правахъ его духа, законныхъ и вѣчныхъ. И въ этомъ еще болѣе глубокая драма этихъ натуръ. И отъ безобразнаго по своей ненужности и жестокости столкновенія этихъ двухъ жизненныхъ полосъ рождается третья печальнѣйшая драма души—ея надрывъ на землѣ, ея разломъ, ея смертельная рана, съ которой она, однако,—проклятая на землѣ и не принятая въ небесахъ—еще долго промучится въ безплодномъ одиночествѣ посреди прямо-таки Икаровыхъ попытокъ взлетѣть къ солнцу пониманія, проникновенія,—попытокъ, смѣшныхъ и странныхъ для обыкновенныхъ людей.

И вотъ человѣкъ дѣлается страннымъ въ глазахъ другихъ людей. Съ этой минуты для него абсолютно исчезаетъ возможность когда нибудь почувствовать интересъ, желаніе того, что принято называть нормальнымъ, человѣческимъ, исчезаетъ возможность замѣтить тѣ истинно прекрасные моменты въ жизни, которые блуждающими, робкими огоньками вспыхиваютъ изрѣдка тамъ и сямъ.

Зато томительнымъ, изсушающимъ огнемъ горятъ въ мозгу заложенныя природой возможности и потребности познанія жизнетворнаго начала, духа вѣчнаго. Они, эти эмбріоны высшаго духа, обладаютъ большой динамической силой, безостановочно толкаютъ умъ все дальше и дальше, и онъ, смѣлый, идетъ безразсудно въ самые запутанные лабиринты надчело-

вѣческихъ міровъ, непонятныхъ, незнакомыхъ, но чудныхъ, баюкающихъ именно этой своей недоступностью.

Лермонтовъ уже въ 14 лѣтъ почувствовалъ и созналъ смутно себя, свой богатый міръ, свое странное положеніе среди людей, свое призваніе быть постоянно страннымъ, ищущимъ человѣкомъ, презрительно относящимся ко всему, что— не онъ, не его міръ, не его видѣнія.

Тогда, въ 14 лѣтъ, онъ не могъ еще предвидѣть той четвертой, своей послѣдней драмы, которая будетъ и прелюдіей его ранней могилы; не могъ предвидѣть, что отъ героическихъ и демоническихъ образовъ прійдется прійти къ Печорину и въ немъ воплотить, въ послѣдней формаціи, образъ ищущаго, недовольнаго человѣка.

Великое это было счастье, потому что преждевременное сознаніе этого краха своей богоборческой души, сознаніе такого въ сущности мѣщанскаго конца всѣхъ своихъ исканій, какимъ оказался Печоринъ,—это сознаніе могло бы свести съ ума хрупкаго, впечатлительнаго поэта.

Въ творчествѣ Лермонтова это исканіе большой, сильной натуры, воплотившей въ себѣ общечеловѣческое идеальное представленіе о развитіи всѣхъ силъ ума и сердца, проходитъ толстой красной нитью, какъ лейтмотивъ всего того, что онъ написалъ. И если лирика его является главнымъ образомъ безнадежнымъ, то усталымъ, то гнѣвнымъ стономъ больной, страдающей души, стономъ, не дающимъ никакихъ надеждъ, никакихъ перспективъ, то его эпическое и драматическое творчество представитъ длинную цѣпь попытокъ, то слабыхъ и неувѣренныхъ, то гордыхъ, то судорожно мечущихся,—если не отыскать и показать другимъ, то хотя бы представить себѣ лично образъ существа, отказавшагося отъ міра, его интересовъ, его жалобъ, и упорно ищущаго гдѣ то, по ту сторону, что такъ хорошо передается нѣмецкимъ терминомъ: „Jenseits grübelnde“.

Соотвѣтственно импульсамъ его личной жизни, это исканіе въ ранніе юношескіе годы съ одной стороны будетъ про-

исходить въ средѣ своихъ же родственниковъ, съ другой стороны изберетъ объектомъ страну и людей съ прирожденнымъ пылкимъ, независимымъ характеромъ— Испанію. Здѣсь скажется трогательная наивность полудѣтской души поэта, говорящаго уже языкомъ искусившагося въ жизни человѣка.

ГЛАВА II.

—„Испанцы". — Черновые наброски, опыты и письма 1828—31 г.г.

„Испанцы", трагедія въ 5 дѣйствіяхъ—первая попытка ашего писателя представить молодого энтузіаста, не такого, акъ всѣ, впечатлительнаго, благороднаго, носящаго роковымъ бразомъ въ душѣ презрѣніе къ людямъ. Уже здѣсь, правда, лабо и ходульно, намѣчаются черты протестанта противъ становленныхъ „презрѣнными людьми" порядковъ, протестанта притомъ озлобленнаго; черты, повторяемъ, очень слабыя мало мотивированныя общимъ моральнымъ обликомъ героя, олодого испанца Фернандо, и только съ внѣшней стороны отивированныя отношеніемъ къ нему людей.

Причину выбора испанца героемъ С. Шестаковъ [1]) бъясняетъ такъ: „Испанія—говоритъ онъ—страна грандовъ, о всему свѣту прославившихся своею гордостью, страна любви чувствительныхъ женщинъ, страна смѣлыхъ любовниковъ, стительныхъ отцовъ и мужей, наконецъ, страна кинжала и ножа; прибавьте къ этому священную инквизицію... итрыхъ, пронырливыхъ іезуитовъ... вспомните жидовъ и еретиковъ, тысячами сожигаемыхъ на кострахъ... и вы поймете, очему молодое воображеніе поэта увлечено именно этой страной". И далѣе: „Какая другая земля могла представить болѣе егкихъ данныхъ для составленія драмъ, нежели Испанія?...

---

[1]) Шестаковъ. Юнош. произвед. Лермонтова, „Рус. Вѣстникъ" 1857, V, VI.

тутъ на каждомъ шагу преступленіе и кровь. А молодое воображеніе не можетъ представить себѣ трагическаго происшествія безъ убійства и крови".

Подобное толкованіе вполнѣ пріемлемо съ точки зрѣнія 1-ой редакціи „Испанцевъ", когда, по замыслу автора, Фернандо долженъ броситься на патера Соррини, похитившаго у него его возлюбленную, дать ему поцѣлуй Іуды и въ это время заколоть его. Здѣсь мы не видимъ еще намековъ на тѣ слова, которыя говоритъ Фернандо во 2-ой редакціи. Здѣсь, очевидно, для юнаго драматурга важнѣе всего была внѣшняя, чисто испанская интрига, съ убійствомъ, кострами, предательствами и проч.

Но во 2-ой редакціи главное вниманіе обращено на идейный міръ Фернандо; внѣшняя же интрига дается, какъ аксессуары, разжигающіе ненависть Фернандо къ людямъ и приводящіе его на костеръ.

Не приводя здѣсь содержанія „Испанцевъ" [1]), я остановлюсь только на тѣхъ немногихъ чертахъ трагедіи, которыя дадутъ намъ право поставить ее въ ряду психологическихъ экспериментовъ и исканій Лермонтова, рисующихъ его „страннаго человѣка".

Уже въ посвященіи читаемъ такую строфу:

Нѣтъ! Не для свѣта я писалъ—
Онъ чуждъ восторгамъ вдохновенья:
Нѣтъ! не ему я обѣщалъ
Свои любимыя творенья.

Не опредѣляя болѣе близко выраженія „любимыя творенія", Лермонтовъ уже здѣсь тщательно и предусмотрительно отгораживаетъ себя отъ свѣта, которому ничего не обѣщаетъ. Далѣе, уже въ текстѣ драмы, Фернандо, узнавъ о томъ, что онъ пріемышъ, а не сынъ Альвареса, говоритъ грустно про себя:

---

[1]) См. Юношескія драмы Лермонтова, изд. подъ редакціей П. Ефремова, С.-Петербургъ, 1880.

Такъ, такъ, совсѣмъ забытый сирота...
Въ великомъ божьемъ мірѣ ни одной
Ты не найдешь души себѣ родной!...

Но уже во 2-ой сценѣ слышимъ рѣзкія боевыя нотки езсознательнаго мизантропа: на свиданіи съ Эмиліей Фернандо еожиданно восклицаетъ:

Всѣ тѣ же—только люди! Еслибъ ты
Не причислялась къ нимъ, то я бъ ихъ проклялъ!

Эмилія.

Да развѣ ты не человѣкъ же?

Фернандо.

О, я себя бы вмѣстѣ съ ними проклялъ!

Эмилія.

За что это?

Фернандо.

За то, что не могу
Я видѣть хладнокровно, какъ они
Стараются другъ другу дѣлать зло
. . . . не могу
Я видѣть общаго стремленья къ ничему...

Мы имѣемъ уже 2 мотива ненависти Фернандо:—стремленіе людей вредить другъ другу и безцѣльность ихъ существованія. Авторъ оставляетъ однако въ глубокой тайнѣ прошедшее Фернандо, и намъ приходится вѣрить Фернандо на слово и подразумѣвать какую-то драму. Во 2-омъ актѣ Фернандо въ разговорѣ съ еврейкой Ноэми какъ бы вскользь и такъ же таинственно замѣчаетъ:

Я былъ добръ!

3-ье дѣйствіе не даетъ намъ ничего цѣннаго для пониманія психологіи героя. Узнавъ о похищеніи своей возлюблен-

ной Эмиліи сластолюбивымъ патеромъ Соррини, Фернандо безсвязно восклицаетъ:

Я отомщу! Чтобъ цѣлый міръ... Я то свершу.
Что—я не знаю самъ еще, но землю
Мой подвигъ испугаетъ. .

И далѣе, обращаясь къ старому еврею:

Довольно! Никогда не буду счастливъ...
Отнынѣ отдаюся мести,
Союзъ съ землей и небомъ разрываю.

Довольно наивно звучатъ эти демоническія клятвы „испугать землю подвигомъ и разорвать союзъ съ землей и небомъ“ въ устахъ убитаго горемъ влюбленнаго: слишкомъ индивидуаленъ въ данномъ случаѣ мотивъ, чтобъ разражаться проклятіемъ небу и землѣ. Но, предположивъ на минуту эту любовную причину несуществующей, мы все же вполнѣ понимаемъ ужасныя проклятія Фернандо: полумальчикъ Лермонтовъ даетъ полный просторъ своей безсознательной пока непріязни къ человѣчеству и, не будучи еще въ состояніи детально разобраться въ человѣческихъ отношеніяхъ, надѣляетъ героя до nec plus ultra сатаникскими угрозами, не сознавая, насколько онѣ въ данномъ случаѣ неконкретны, подчасъ смѣшны.

Одинъ только разъ, именно въ монологѣ Фернандо надъ трупомъ убитой имъ Эмиліи, въ 5-мъ дѣйствіи, мы чувствуемъ искреннюю, вполнѣ естественную ноту:

Какъ я великъ!
Пожертвовалъ собой, своей душой,
Пожертвовалъ такимъ созданьемъ,
Чтобъ освободить Эмилію.

Когда Фернандо съ благоговѣніемъ называетъ свою душу „такимъ созданьемъ“, мы вполнѣ можемъ простить ему слова: „Какъ я великъ“! Въ эти минуты онъ дѣйствительно великъ. Но уже черезъ двѣ минуты авторъ теряетъ вѣрный тонъ: когда за Фернандо приходятъ служители инквизиціи, онъ со скрежетомъ восклицаетъ:

Я здѣсь одинъ... весь міръ противъ меня!
Весь міръ противъ меня: какъ я великъ!

Отождествлять злобныя инсинуаціи противъ него Соррини и пристрастный приговоръ трибунала съ заговоромъ всего міра—конечно смѣшно и не логично. Еще менѣе къ мѣсту повтореніе здѣсь фразы: „Какъ я великъ!“ Тѣмъ болѣе, что и погибаетъ то Фернандо на кострѣ и не какъ мученикъ и апостолъ извѣстной, хотя бы религіозной идеи, а только, какъ одна изъ тысячъ подобныхъ жертвъ происковъ іезуитовъ. Невыдержанный и неясный по существу, подчасъ противорѣчащій даже психологіи нормальнаго человѣка, характеръ Фернандо все же является цѣннымъ для насъ и типичнымъ свидѣтельствомъ міросозерцанія Лермонтова въ 1830 году, преисполненнаго смутной, но рѣшительной ненависти къ людямъ, но не сумѣвшаго найти для кипѣвшихъ въ немъ думъ и чувствъ лучшаго выраженія, чѣмъ слабый въ психологическомъ отношеніи, подчасъ ходульный образъ Фернандо, напоминающій любого героя „французскаго романтизма“ [1]). „Лермонтовъ въ тѣ годы смотрѣлъ свысока на тѣ стороны жизни, которыя либо не согласовались, либо плохо вязались съ его излюбленнымъ настроеніемъ“ [2]). Трагедія „Испанцы“ была напечатана, и всѣ данныя говорятъ о томъ, что въ рукописи она была окончена Лермонтовымъ, и что надо предположить, что и Фернандо и отецъ, старикъ еврей, гибнутъ [3]).

Каковы же были тѣ думы, настроенія юнаго писателя, которыя помогли бы намъ объяснить столь рѣшительно и рѣзко обрисованный образъ Фернандо? Можно ли, слѣдовательно, признать „Испанцевъ“ первымъ серьезнымъ, жизненнымъ credo Лермонтова? Объ этомъ, конечно, лучше всего разскажутъ черновые наброски и опыты его въ періодъ 1828—1830 г., не напечатанные нигдѣ. Въ нихъ, въ этихъ учени-

[1]) Котляревскій, Лермонтовъ, 90.
[2]) Котляревскій, Лермонтовъ, 91.
[3]) Сочин. Лермонтова, ред. Висковатова, IV, 116.

ческихъ тетрадяхъ [1]) писателя, среди груды ненужнаго сырья, изрѣдка яркой блесткой сверкаютъ тѣ грѣшныя мысли страннаго и—что важнѣе всего—одинокаго человѣка, что впослѣдствіи приведутъ къ Демону и Печорину.

Во второй тетради, въ отрывкѣ „Портретъ", читаемъ:

Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ
Смѣется рѣдко; чаще вновь
Клянетъ онъ міръ—гдѣ вѣчно сиръ—
Коварство, зависть и любовь.
Все проклялъ онъ, какъ ложный сонъ,
Какъ призракъ дымныя мечты.
Холодный умъ, средь мрачныхъ думъ,
Не тронутъ слезы красоты.
Вездѣ одинъ, природы сынъ,
Не зналъ онъ друга межъ людей...

Затѣмъ, въ отрывкѣ „Мой демонъ", явно подражая Пушкину:

Собранье золъ его стихія.
Носясь межъ дымныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя...
. . . .
Сидитъ унылъ и мраченъ онъ.
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
Онъ презрѣлъ чистую любовь,
Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
Онъ равнодушно видитъ кровь...

Далѣе, послѣ 2-го очерка „Демона", идутъ стихи:

Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой.
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.
Прочтя, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы—на свѣтѣ съ нимъ одни!

---

[1]) С. Дудышкина, ученическ. тетради Лермонтова, „Отеч. Записки", 1859, VII, XI.

Мысль объ одиночествѣ все болѣе и болѣе овладѣваетъ Лермонтовымъ. Такъ, въ 3-ей тетради, въ повѣсти „Преступникъ“ читаемъ:

Молчитъ въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей
. . . .
Я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой.

Въ неоконченномъ либретто оперы „Цыгане“ старый цыганъ говоритъ предъ очагомъ:

Что за жизнь!... Одному, да одному...

Въ черновомъ стихотвореніи той же тетради:

Настанетъ день, и міромъ осужденный,
Чужой въ родномъ краю,
. . . .
Я кончу жизнь мою...

И ниже, въ отрывкѣ:

„Я вопрошалъ природу, и—она
Меня въ свои объятья приняла
. . . .
Но, потерявъ отчизну и свободу,
Я вдругъ нашелъ себя—въ себѣ одномъ!
Нашелъ спасенье...

И еще ниже, въ 38-мъ отрывкѣ:

И всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одинъ,
Какъ замка мрачнаго пустого
Ничтожный властелинъ.

Въ отрывкѣ „Прелестницѣ“:

Я людямъ руку жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ.

Въ 5-ой тетради, въ стихахъ „М. Ф. М—вой“:

Любилъ сначала жизни я
Угрюмое уединенье,
Гдѣ укрывался весь въ себя...

Тамъ же:

Умъ мой не по пустякамъ
Къ чему то тайному стремился.

Тамъ же:

Уснуло все—и я одинъ лишь не спалъ.

Въ 6-ой тетради, обращаясь къ Байрону:

Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.

И, наконецъ, въ 8-ой тетради, въ стих. „Св. Елена", говоря о Наполеонѣ:

Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было тайной...

Теперь, послѣ приведенныхъ цитатъ, намъ станетъ вполнѣ понятенъ весь ужасъ неопредѣленныхъ сомнѣній и настроеній, весь ужасъ духовнаго одиночества, который переживалъ тогда Лермонтовъ. Натура чуткая, необыкновенная,—онъ, конечно, не могъ вникнуть въ мотивы глухой, но упорной борьбы, происходившей изъ за него въ то время между его бабушкой и отцомъ, Юріемъ Петровичемъ. Уже теперь Лермонтовъ настолько былъ далекъ отъ мелкихъ интересовъ людскихъ и отъ ихъ еще болѣе мелкихъ и пошлыхъ средствъ къ осуществленію того или другого стремленія, что трудно даже опредѣлить, на чьей сторонѣ стоялъ въ данномъ случаѣ поэтъ. „Доброе, отзывчивое сердце мальчика—говоритъ А. Скабичевскій [1])—инстинктивно потянулось къ обижаемому и пренебрегаемому старику. Далѣе, въ одномъ письмѣ Лермонтова къ бабушкѣ, читаемъ: „Папенька сюда пріѣхалъ, и вотъ уже двѣ картины извлечены изъ моего портфеля, слава Богу, что такими любезными мнѣ руками". Наконецъ, отцу Лермонтовъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній, бабушкѣ—ни одного. Съ

[1]) А. Скабичевскій, М. Ю. Лермонтовъ, его жизнь и дѣятельность.

ругой стороны—въ драмѣ „Странный человѣкъ"—отецъ выставленъ далеко не симпатично. Важнѣе всего было то, что 6-ти лѣтній Лермонтовъ во всей этой драмѣ, закончившейся мертью отца, увидѣлъ прежде всего новое свидѣтельство лобы и взаимнаго недоброжелательства людей, новое свидѣельство невозможности мыслить и чувствовать такъ, какъ сѣ вокругъ, новое доказательство необходимости „къ чему то айному стремиться"; и съ глубокой скорбью, но твердой руой онъ вписываетъ въ свою тетрадь, благоговѣйно подражая Пушкину, холодно-расчетливыя слова:

Я людямъ руки жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ.

То обстоятельство, что въ письмахъ этого періода (1828—831) мы не находимъ ничего подобнаго,—за исключеніемъ исьма К. Н. Поливанову (1831), гдѣ вскользь замѣчаетъ: „Мы ъ тобой не для свѣта созданы",—ясно показываетъ, насколько ажнымъ считалъ въ это время Лермонтовъ свой внутренній, икому невидимый процессъ, процессъ вынашиванія въ себѣ одинокаго страннаго человѣка", непонятаго въ собственной емьѣ, непонятнаго для общества. Обо всемъ этомъ онъ поробно,—быть можетъ слишкомъ страстно, но во всякомъ слуаѣ глубоко искренно,—разскажетъ въ своихъ автобіографичекихъ драмахъ—„Menschen und Leidenschaften" и „Странный еловѣкъ",—относящихся къ этому же періоду. Въ нихъ онъ первые подниметъ свое забрало протестанта-страдальца и ордо заклеймитъ современное ему общество съ его этикой; дѣсь онъ, какъ и потомъ въ „Маскарадѣ", выступитъ прямымъ идейнымъ предтечей Ибсена съ его борьбой противъ уржуазнаго „сплоченнаго большинства".

ГЛАВА III.

—„Menschen und Leidenschaften“. — „Странный человѣкъ“.—„Два брата“.

Въ краткомъ введеніи къ трагедіи „Menschen und Leidenschaften“ („Люди и страсти“)—въ рукописи существуетъ только нѣмецкій заголовокъ—П. Висковатовъ говоритъ: „Вся исторія дѣтства поэта и несчастныхъ отношеній семейныхъ нарисованы здѣсь съ поразительной точностью, и ничто не въ состояніи такъ пояснить странность характера Михаила Юрьевича, какъ эта трагедія“ [1]).

Посмотримъ, однако, насколько самый текстъ драмы подтвердитъ слова „нарисованы съ поразительной точностью“.

Будучи по сюжету дѣйствительно исторіей распри и разрыва бабушки поэта и его отца, трагедія эта однако ни въ коемъ случаѣ не является правдивой и точной передачей этой исторіи. Написанная въ сгущенныхъ тонахъ Шиллеровской трагедіи „Коварство и Любовь“, она, къ тому же, крайне слаба по неестественному типу героя. Въ самомъ дѣлѣ: Юрій Николаевичъ Волинъ—сирѣчь Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ въ 1830 г.—сразу при встрѣчѣ съ пріятелемъ Заруцкимъ поражаетъ фальшивымъ мелодраматическимъ тономъ:

Я не тотъ Юрій, котораго ты зналъ прежде...
Тотъ, который предъ тобою, есть одна тѣнь: чело-

---

[1]) Сочиненія Лермонтова, IV, 117.

вѣкъ полуживой, почти безъ настоящаго и безъ будущаго, съ однимъ прошедшимъ, котораго никакая власть не можетъ выразить. [1])

И немного ниже:

Я не знаю, отъ колыбели какое-то странное предчувствіе мучило меня; часто я во мракѣ ночи плакалъ надъ хладными подушками, когда вспоминалъ, что у меня нѣтъ совершенно никого, никого на цѣломъ свѣтѣ—кромѣ тебя... Меня никто послѣ тебя не понималъ. [2])

Сравнимъ эту цитату съ тѣмъ, что говоритъ о дѣтствѣ Саши Арбенина (т. е. самого себя) Лермонтовъ въ отрывкѣ изъ неоконченной повѣсти:

Онъ выучился думать... Воображеніе стало для него новой игрушкой... Въ продолженіи мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. [3])

Какъ видно, авторъ съ первой же страницы даетъ понять читателю о необыкновенномъ характерѣ, о необыкновенномъ обликѣ своего героя; сразу даетъ 4 важныхъ опредѣленія: отсутствіе настоящаго и будущаго, какое то неизвѣстное прошедшее и, наконецъ, роковое одиночество среди людей. Схема дана сразу, наивно, какъ во всѣхъ юношескихъ драмахъ Лермонтова,—и по этой схемѣ мы сразу припоминаемъ образъ Фернандо изъ „Испанцевъ". Пойдемъ дальше. Юрій влюбленъ въ свою кузину Любовь и именно поэтому не можетъ жениться на ней; Фернандо также встрѣчаетъ неодолимыя препятствія въ своемъ „нравѣ" и совѣтуетъ Эмиліи уйти въ монастырь. Вообще сцены свиданія и въ томъ и въ другомъ случаѣ уди-

[1]) Сочин. Лермонтова, IV, 122.
[2]) Сочин. Лермонтова, IV, 124.
[3]) Сочин. Лермонтова, V, 369.

вительно сходны. И Фернандо, и Юрій,—оба говорятъ почти одно и то же, испытывая притомъ противоположныя чувства. Фернандо говоритъ: „Я былъ добрымъ“; Юрій, преображенный мгновеннымъ счастьемъ любви дорогой дѣвушки, восклицаетъ: „мысли, въ которыхъ адская ненависть къ людямъ и къ самому себѣ—мысли мои вдругъ прояснились... я снова сталъ любить людей, сталъ добръ попрежнему“. Обратимъ вниманіе на то, что Юрій говоритъ: „ненависть къ людямъ и *къ самому себѣ*“; послѣднее—новая черта въ эволюціи одинокаго человѣка.

Далѣе, находясь въ томъ же экстазѣ, Юрій говоритъ:

Любимъ... любимъ... какъ я богатъ!

Сопоставимъ это съ подобными словами Фернандо въ діаметрально противоположномъ положеніи:

Весь міръ противъ меня! Какъ я великъ!

Приведенныя параллели въ достаточной мѣрѣ показываютъ родственность образовъ Фернандо и Юрія. Въ чемъ же разница? Въ чемъ эволюція типа? И здѣсь, какъ и всегда, намъ придется считаться съ удивительною неуравновѣшенностью міросозерцанія самого автора. Именно въ то время, какъ Фернандо—въ значительной степени героическій образъ, идеализированный авторомъ, образъ во многихъ случаяхъ почти отвлеченный, Юрій Волинъ—уже въ значительно болѣе конкретныхъ отношеніяхъ къ семьѣ, обществу, и импульсы его драмы—въ семьѣ русской. Съ другой стороны, Фернандо —прежде всего прямолинеенъ и по своему логиченъ; Юрій же производитъ впечатлѣніе нервно разстроеннаго ипохондрика, переходящаго отъ одного аффекта къ другому. Такъ, послѣ счастливой сцены съ Любовью онъ, узнавъ отъ дяди о лишеніи бабушкой отца наслѣдства, дико вскрикиваетъ:

Люди... люди!... Зачѣмъ я не могу любить
васъ, какъ бывало... Я узналъ тебя, ненависть,

жажда мщенія... мщенія... Ха! ха! ха! какъ это сладко, какой нектаръ земной!...

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ словахъ—сладострастная жажда мести, наслажденіе этой мыслью—черты демоническія par excellence. Сопоставимъ эти слова съ тирадой Фернандо:

Я отомщу... Чтобъ цѣлый міръ...
Я то свершу...
Что—я не знаю самъ еще, но землю
Мой подвигъ испугаетъ...

Или же съ тонкимъ, ядовитымъ сарказмомъ печоринскихъ словъ:

А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души...

Или:

Эта мысль доставляетъ мнѣ необъятное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю вампира!

Сравнимъ все это и мы поймемъ, что имѣемъ дѣло съ явленіями одного порядка.

Самая катастрофа здѣсь уже значительно сложнѣе, чѣмъ въ „Испанцахъ“, гдѣ авторъ совершенно скрылъ отъ насъ внутренній міръ Фернандо предъ казнью, просто уведя его со сцены.

Въ данномъ же случаѣ уже сдѣлана попытка нарисовать картину постепеннаго душевнаго разстройства Юрія, приводящаго его къ самоубійству. Такъ, въ длинномъ монологѣ его, уже убѣжденнаго въ измѣнѣ Любови,—мы чувствуемъ надвигающееся безуміе. Вотъ это сильное мѣсто:

. . . . Слышишь, говорятъ, безумецъ, какъ могъ ты повѣрить женщинѣ? Клятвы ея... на пескѣ, вѣрность... на воздухѣ... Бѣги, бѣги, уже зараза смертельная въ крови твоей... Бѣги далеко изъ родины... гдѣ для тебя ничего больше нѣтъ... Бѣги туда, гдѣ нѣтъ женщинъ... Гдѣ же

этотъ край благословенный? Пущусь искать его...
Стану бродить по свѣту, пока найду и погибну...
Гдѣ?

Но уже черезъ нѣсколько страницъ творческое чутье покидаетъ автора, и предсмертный монологъ Юрія въ высшей степени надуманъ и по своей разсудочности напоминаетъ скучныя философскія рацеи Франца Моора изъ „Разбойниковъ".

Наконецъ, что весьма знаменательно, Юрій уже органически не можетъ хладнокровно говорить съ людьми, выслушивать ихъ, и самое отравленіе его—плодъ печальнаго недоразумѣнія въ разговорѣ съ Любовью. Здѣсь мы встрѣчаемся съ еще одной важной чертой лермонтовскаго „страннаго человѣка": съ его апріорнымъ недовѣріемъ къ людямъ, даже стремленіемъ бѣжать отъ нихъ. Эта особенность впослѣдствіи разовьется пышнымъ цвѣтомъ брезгливости и ненависти къ людямъ.

Итакъ, къ пустынному одиночеству преслѣдуемой души Фернандо присоединяется въ образѣ Юрія ненависть къ самому себѣ, какъ морально больному существу, нервная разстроенность, переходящая порою въ острое помѣшательство, и все увеличивающееся непониманіе людей, недовѣріе и боязнь ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ „странный человѣкъ" отнынѣ будетъ носить въ себѣ черты самого автора.

Чѣмъ далѣе мы будемъ подвигаться по скорбному пути несчастнаго „страннаго человѣка", тѣмъ рѣзче и опредѣленнѣе будетъ расти очевидная невозможность для него жить среди людей, тѣмъ безсмысленнѣе по своей жестокости будутъ удары этихъ людей. Можно сказать, что трагическій моментъ полнаго разрыва съ людьми, моментъ потери послѣднихъ связующихъ нитей совѣсти, довѣрія, любви—близится гигантскими шагами. Вмѣстѣ съ тѣмъ близится и апогей душевной боли страннаго человѣка; когда съ одной стороны воспоминанія дѣтства и природное мягкосердечіе и довѣрчивость по инерціи заставляютъ еще ждать чего-то отъ людей, надѣяться на что-то; съ другой же стороны, каждый лишній

ченъ рѣзкимъ диссонансомъ вторгается въ этотъ еще какимъ то чудомъ поддерживаемый душевный покой, растравляя его, грубо задѣвая нѣжнѣйшія стороны едва слагающейся душевной организаціи. И столкновеніе этихъ противоположныхъ теченій неизбѣжно создаетъ такой водоворотъ сердца и ума, изъ котораго можетъ быть два выхода только: или же физическая смерть слабаго субъекта, или же—въ случаѣ достаточно сильной нервной организаціи—абсолютная и вѣчная потеря души его для людей, для всего того, что внѣ его, съ сохраненіемъ однако своего физическаго „я“, своей внѣшней оболочки въ средѣ тѣхъ же людей. Теперь, на рубежѣ 30-хъ годовъ, 16-ти лѣтній Лермонтовъ не въ состояніи еще представить себѣ другого выхода изъ подобнаго конфликта, какъ первый: колоссальная несправедливость земная, возмутительная вѣчная борьба людей между собой такъ подавляютъ его чуткую, необыкновенную душу, что онъ не мыслитъ другого исхода, какъ уничтоженіе полное, абсолютное: и тѣла, и духа. Потому то въ его представленіи это и происходитъ такъ просто: мы видимъ Фернандо спокойно уходящимъ на казнь, какъ на должное; мы видимъ Юрія Волина, послѣ разсудочнаго монолога принявшаго ядъ и спокойно усѣвшагося въ кресло ждать смерти, какъ должнаго.

Обратимся теперь къ третьему произведенію, романической драмѣ „Странный человѣкъ“, и мы опять таки будемъ поражены тѣмъ, прямо таки азіатскимъ фанатизмомъ и готовностью, съ какими герой встрѣчаетъ свое уничтоженіе. Семейный автобіографическій элементъ, легшій въ основу и этой драмы, служитъ однако скорѣе внѣшней канвой для дальнѣйшей эволюціи типа „страннаго человѣка“. Какова же эта канва и поскольку она важна именно для исторіи „страннаго человѣка“? Несчастная судьба начинаетъ рано преслѣдовать Арбенина (героя драмы). Еще въ младенчествѣ лишается онъ матери, которую отецъ его выгоняетъ изъ дому. Но воспоминаніе о ней сохранилось въ памяти ребенка. Несчастная женщина, жившая до сихъ поръ въ своей маленькой деревенькѣ, стра-

даетъ и нравственно и физически; ея болѣзнь становится опасною, и вотъ она пріѣзжаетъ въ Москву, чтобы примириться съ мужемъ при посредствѣ сына. Но надежда ея разбивается о непреклонный, сухой, черствый характеръ отца. Молодой Арбенинъ теряется; его нравственныя и умственныя силы потрясены глубоко. Страшная исповѣдь матери передъ смертью и проклятіе отца довершаютъ ударъ. Онъ близокъ къ сумасшествію. Но есть еще одно спасеніе, есть еще одинъ узелъ, крѣпко связывающій нить его жизни. Это—любовь къ дѣвушкѣ, которой „онъ вѣритъ, какъ Богу". Но любимая дѣвушка, обѣщавшая ему свою любовь, выходитъ замужъ за другого, котораго онъ считалъ своимъ другомъ. И Арбенинъ сходитъ съ ума и умираетъ.

Такимъ образомъ потрясающая трагедія героя еще разъ перенесена авторомъ на семейную почву; но уже изъ предисловія Лермонтова къ драмѣ видно, насколько семья отступаетъ на второй планъ передъ чѣмъ то большимъ и важнымъ—обществомъ.

> Справедливо ли описано у меня *общество*—не знаю! По крайней мѣрѣ оно всегда останется для меня собраніемъ людей—безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня. [1])

Итакъ, то, что было неясно еще въ предыдущей драмѣ, здѣсь разъясняется: авторъ открыто на сторонѣ „страннаго человѣка", обладающаго искрой небеснаго огня; съ другой стороны, Арбенины и Загорскины уже не сами по себѣ, это уже—не уголокъ патріархальный со всѣми его достоинствами и недостатками, это уже—представители общества того времени, чего то громоздкаго, равнодушнаго, это уже люди, отвѣтственные за то, что они сдѣлаютъ съ несчастнымъ Вл. Арбенинымъ.

---

[1]) Сочиненія Лермонтова. Редакція П. Висковатова, т. IV, ст. 178.

Масштабы раздвигаются авторомъ. Перчатка брошена въ лицо всѣмъ довольно смѣло: авторъ открыто принялъ сторону несчастнаго „страннаго человѣка“. Весь вопросъ въ томъ, кто будетъ побѣдителемъ. И вотъ мы снова грустно констатируемъ полное пораженіе, полную капитуляцію автора, а вмѣстѣ съ нимъ и страннаго Арбенина. Лермонтовъ не можетъ еще скинуть съ себя, со своего сознанія этой кошмарной увѣренности въ необходимости гибели одинокаго „страннаго человѣка“, носящаго въ себѣ небесный огонь, гибели предъ лицомъ кровожаднаго Молоха—общества. Арбенины пока должны еще погибать... Не могутъ иначе... Но зато тутъ, въ этой драмѣ, „странный человѣкъ“ далеко шагнулъ впередъ по пути своего духовнаго освобожденія, своего абсолютнаго отдѣленія отъ того, чѣмъ живутъ люди. Правда, онъ погибаетъ, но смерть его почетна: дорогой цѣной купилъ онъ ее, цѣной проклятія отца, цѣной обмана друга и измѣны любимой дѣвушки. Арбенинъ, какъ человѣкъ, гордо можетъ сказать, что было за что умереть. Но не могъ бы сказать того же Юрій Волинъ, безсмысленно павшій жертвой простого недоразумѣнія своего отца и Любови. И катастрофа, вызванная внутренней, логической необходимостью въ драмѣ „Странный человѣкъ“, отнюдь не вызывается такой же необходимостью въ „Menschen und Leidenschaften“.

Таковъ общій коронтъ „страннаго человѣка“ въ драмѣ „Странный человѣкъ“. Въ частности, черты одиночества и глубокаго демоническаго презрѣнія и ненависти къ людямъ и здѣсь получаютъ обширное выраженіе. Болѣе того: какъ бы подчеркивая эти черты, Лермонтовъ положительно пересыпаетъ монологи Арбенина афоризмами мрачнаго, мизантропическаго характера, и тѣмъ какъ бы даетъ понять намъ ту непрерывную, тайную работу самоосвобожденія и отреченія отъ міра, что происходитъ въ душѣ Арбенина. По поводу музыкальнаго вечера въ одномъ семейномъ домѣ Арбенинъ замѣчаетъ своему другу Бѣлинскому:

Я бы желалъ совершенно удалиться отъ людей, но привычка не позволяетъ мнѣ. Когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто не любитъ меня!

А въ рукописяхъ Арбенина читаемъ съ первой же строки:

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала . . . .
. . . .
Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ, но созданія мои
Не походили на существъ земныхъ,
О нѣтъ! Все было адъ, иль небо въ нихъ! [1])

Ниже:

А я на свѣтѣ всѣмъ чужой.

Еще ниже:

Мнѣ одинокій путь назначенъ... [2])

Въ слѣдующей рукописи, гдѣ говорится о пылкомъ юношѣ, узнавшемъ о смерти своей возлюбленной, читаемъ:

Онъ вышелъ мрачно, твердо
Прыгнулъ въ сѣдло и поскакалъ стремглавъ,
Какъ будто бы гналося вслѣдъ за нимъ
Раскаянье... И долго онъ скакалъ
. . . . наконецъ,
Онъ былъ терпѣть не въ силахъ... и заплакалъ [3]).

Здѣсь мы лицомъ къ лицу съ искреннимъ человѣческимъ порывомъ „страннаго человѣка“; впослѣдствіи то же самое случится и съ Печоринымъ, когда онъ узнаетъ объ отъѣздѣ

---

[1]) Сочиненія Лермонтова. IV, 198.
[2]) Сочиненія Лермонтова, IV, 199.
[3]) Сочиненія Лермонтова, IV, 201.

Вѣры изъ Пятигорска. Слѣдовательно уже тутъ, въ непримиримомъ трагическомъ образѣ Арбенина, какъ потомъ въ образѣ равнодушнаго Печорина, Лермонтовымъ отмѣчена возможность минутной,—но только минутной—слабости, покорности измученнаго духа.

Такъ говорятъ завѣтныя тетрадки Арбенина, но послушаемъ еще его самого въ задушевной, слѣдовательно откровенной бесѣдѣ съ Бѣлинскимъ:

> Нѣтъ! нѣтъ, говорю я тебѣ, я не созданъ для людей. Я для нихъ слишкомъ гордъ, они для меня слишкомъ подлы [1]).

Тутъ въ трехъ строкахъ почти математическая формула взаимоотношенія Арбенина и людей и, какъ таковая, немного ходульная въ его устахъ. Но уже черезъ нѣсколько страницъ, у смертнаго одра его матери, мы слышимъ изступленныя слова Арбенина, такъ напоминающія соотвѣтствующія мѣста въ монологахъ Фернандо и Юрія:

> Вижу! Вижу! Природа вооружается противъ меня! Я ношу въ себѣ сѣмя зла... Я созданъ, чтобъ разрушать естественный порядокъ!

И ниже:

> Для такой души, для такой смерти
> Слезы ничего не значатъ... у меня ихъ—нѣтъ...
> Но я отомщу. Жестоко, ужасно отомщу. [2])

Сопоставимъ это мѣсто со словами Демона:

> Я тотъ, кого никто не любитъ,
> И все живущее клянетъ
> . . . .
> Я врагъ небесъ, я зло природы... [3])

---

[1]) Сочиненія Лермонтова, IV, 205.

[2]) Сочиненія Лермонтова, IV, 221.

[3]) Сочиненія Лермонтова, ред. П. Висковатова, т. III, стр. 29.

И мы поймемъ, какъ органически сильна уже во Вл. Арбенинѣ безсознательная еще быть можетъ идея отступничества отъ всего земного. Этой идеѣ суждено осуществиться въ жизни Арбенина, но не съ тѣмъ, чтобъ отступившись властвовать надъ людьми, а съ тѣмъ, чтобы, отказавшись отъ нихъ, постыдно быть раздавленнымъ ими. Арбенинъ начинаетъ предчувствовать этотъ свой страшный конецъ послѣ отцовскаго проклятія, когда горько восклицаетъ:

> Гдѣ мои исполинскіе замыслы? Къ чему служила эта жажда къ великому? [1])

Когда же открывается измѣна любимой дѣвушки, великая драма оскорбленнаго въ лучшемъ своемъ чувствѣ одинокаго человѣка выливается въ обвинительномъ отреченномъ воплѣ:

> Богъ! Богъ! Во мнѣ отнынѣ къ Тебѣ нѣтъ ни любви, ни вѣры... Ты виновенъ! Пускай Твой громъ упадетъ на мою непокорную голову: я не думаю, чтобъ послѣдній вопль погибающаго червя могъ Тебя порадовать! [2])

Какая богатая пестрая гамма чувствъ, мыслей! „Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ“!—слышится въ этомъ сдавленномъ шопотѣ задавленнаго людьми, но все же уходящаго отъ нихъ въ небытіе съ „непокорной головой“ „страннаго человѣка“!

И ниже:

> Никто, Никто... ровно положительно никто не дорожитъ мною на землѣ—слышишь?... Я лишній! [3])

У идеалиста жизнь вырвала страшное признаніе, что онъ на землѣ „лишній человѣкъ“... „Идеалистъ на нашихъ гла-

---

[1]) Сочиненія Лермонтова, IV, 230.
[2]) Сочиненія Лермонтова, IV. 241.
[3]) Сочиненіе Лермонтова. IV, 242.

ахъ перерождается въ пессимиста, пока еще не холоднаго и безучастнаго, но только озлобленнаго и мстительнаго“ [1]).

Заслуживаетъ вниманія, что Лермонтовъ въ самомъ концѣ драмы какъ бы хотѣлъ немного смягчить ту роль палача, какую люди сыграли по отношенію къ Арбенину, и потому на слова перваго гостя въ домѣ графа N:

— забудемъ мертвыхъ; Богъ съ ними!

третій гость замѣчаетъ:

— Если всѣ станутъ такъ думать, то горе великимъ людямъ!

а первый гость говоритъ:

—Я надѣюсь, вашъ Арбенинъ—не великій человѣкъ;
Онъ былъ странный человѣкъ—вотъ все [2]).

Что касается истолкованія С. Шестаковымъ [3]) непреклоннаго характера Арбенина, какъ слѣдствія несправедливости къ нему отца и возникшей отсюда недовѣрчивости,—то подобное объясненіе нѣсколько неудачно: оно предполагаетъ, другими словами, въ Арбенинѣ упрямство воли, чего въ немъ вовсе нѣтъ; наоборотъ, душа Арбенина скорѣе можетъ быть названа уступчивой, и только невыносимыя страданія доводятъ ее до громкаго протеста и вызова небу и землѣ.

„Два брата“—слѣдующая драма Лермонтова, относящаяся къ тому же циклу. Говорю: слѣдующая, такъ какъ утвержденіе П. Висковатова, что драма эта написана послѣ „Маскарада“, именно въ 1836 г., нельзя признать основательнымъ; ибо ссылка на письмо Лермонтова къ Раевскому отъ 16 января 1836 г., гдѣ онъ говоритъ: „Пишу четвертый актъ новой драмы, взятой изъ происшествія, случившагося со мною въ

---

1) Котляревскій. Лермонтовъ, 95.
2) Сочиненія Лермонтова, IV, 248.
3) С. Шестаковъ. Юношескія произведенія Лермонтова.

Москвѣ", ничего не доказываетъ: Лермонтовъ могъ сказать это и о другомъ, впослѣдствіи утраченномъ произведеніи. Къ тому же и типы, выведенные въ драмѣ „Два брата", настолько близки къ типамъ предыдущимъ, настолько представляютъ собой дальнѣйшее развитіе ихъ, что есть полное основаніе отнести эту драму къ 31-му или 32-му году и, во всякомъ случаѣ, поставить ее раньше „Маскарада".

Драма эта является для насъ высоко-интересной въ смыслѣ тѣхъ новыхъ горизонтовъ, какіе открываетъ здѣсь авторъ для дальнѣйшаго изученія его „страннаго человѣка". Сдѣлана чрезвычайно интересная и притомъ довольно удачная попытка расколоть психику обездоленнаго судьбою и людьми одинокаго „страннаго человѣка" и отдѣльные элементы ея воплотить въ двухъ лицахъ, двухъ образахъ, въ данномъ случаѣ—двухъ братьевъ. Попытка, повторяю, въ психологическомъ смыслѣ очень важная, но сдѣланная опять таки черезчуръ прямолинейно. Лермонтовъ представилъ двухъ братьевъ, Александра и Юрія Радиныхъ, влюбленныхъ въ одну и ту же дѣвушку и на этой почвѣ вовлекаемыхъ въ страшную семейную драму,—борьбу за нее у ложа умирающаго отца; случай, конечно, возможный, и не было бы повидимому серьезныхъ основаній приводить эту драму при систематическомъ анализѣ типа „страннаго человѣка", если бы... если бы и здѣсь, какъ и раньше, герои не связывали съ этимъ семейнымъ скандаломъ мысли о ненависти къ нимъ общества вообще и о своемъ положеніи жертвы его въ частности.

Кому же принадлежитъ первая роль въ драмѣ? Кто главное лицо? Гдѣ идеалъ нашего поэта? „Герой драмы"—говоритъ Шестаковъ [1])—Александръ Радинъ, этотъ безжалостный эгоистъ, который, потерявъ самъ всякую надежду на счастье, съ наслажденіемъ разбиваетъ и уничтожаетъ надежды другихъ.

---

[1]) С. Шестаковъ. Юношескія произведенія Лермонтова.

то человѣкъ, самъ играющій роль судьбы въ жизни другихъ юдей, человѣкъ, который, зная, что одно его слово можетъ арушить спокойствіе и разбить счастье нѣсколькихъ близкихъ му людей, не только не поостережется произнести это слово, о еще громче и явственнѣе выговоритъ его именно потому, то счастье другихъ невыносимо ему; человѣкъ, въ которомъ лышится отреченіе отъ человѣчества, который хочетъ быть уществомъ демоническимъ". Я цѣликомъ выписалъ это предѣленіе, такъ какъ оно является типичнымъ образцомъ оверхностной, почти наивной критики пятидесятыхъ годовъ. еродъ нами какъ будто Печоринъ; и повидимому г. Шестаовъ такъ легко возвелъ на демоническій пьедесталъ Алесандра Радина только потому, что въ драмѣ имѣется больюй монологъ Александра, почти цѣликомъ вложенный Лерюнтовымъ впослѣдствіи въ уста Печорина; вотъ что говоитъ Александръ Вѣрѣ:

Да, такова моя была участь со дня рожденія... всѣ читали на моемъ лицѣ какіе то признаки дурныхъ качествъ, которыхъ не было... Но ихъ предполагали, и они родились. Я былъ скроменъ, меня бранили за лукавство—я сталъ скрытенъ! Я глубоко чувствовалъ добро и зло, никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли—я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, братъ веселъ и открытенъ; я чувствовалъ выше его, меня ставили ниже, я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ, меня никто не любилъ—и я выучился ненавидѣть... Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ судьбой и свѣтомъ. Мои лучшія чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли; я сталъ честолюбивъ, служилъ долго... меня обходили; я пустился въ большой свѣтъ, сдѣлался искусенъ въ наукѣ жизни, а видѣлъ, какъ другіе безъ искательства счастливы; въ груди моей возникло отчаяніе,—не то, которое лечатъ дуломъ пистолета, но то отчаянье, которому нѣтъ лѣкарства ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни...[1])

---

[1]) Сочиненія Лермонтова. IV, 361.

Почти то же самое разскажетъ Печоринъ княжнѣ Мери. Но совпаденіе этихъ двухъ мѣстъ, равно какъ и нѣкоторое, чисто внѣшнее сходство въ отношеніяхъ Александра и Вѣры съ отношеніями Печорина къ Вѣрѣ (и тѣ и другіе встрѣчаются другъ съ другомъ послѣ длинной разлуки, бывши раньше въ любовной связи) не даютъ еще повода давать Александру Радину печоринскую характеристику, И вообще видѣть въ этой драмѣ только одного героя—Александра—нельзя; ихъ двое, и оба раздѣлили между собою идею прежняго „страннаго" человѣка: Юрій, молодой, впечатлительный, пылкій, благородный, оставилъ себѣ всю горечь испытаній, всю тягость и насмѣшки жизни и людей надъ „страннымъ человѣкомъ", наконецъ – оставилъ себѣ и привилегію преклониться покорно подъ ударами равнодушной жизни, быть побѣжденнымъ ею; болѣе того, Юрій является образомъ даже значительно болѣе бѣднымъ по сравненію съ Фернандо, Юріемъ Волинымъ, Александромъ Арбенинымъ; тѣ погибаютъ съ вызовомъ и проклятіемъ на устахъ, Юрій же, разбитый и нравственно усталый, падаетъ безъ чувствъ у кресла скончавшагося отца съ крикомъ: „Не можетъ быть... О"!... а Александръ стоитъ надъ нимъ и, качая головой, говоритъ: „Слабая душа... И этого не могъ перенести". И Александръ въ правѣ такъ сказать.

Правда, и въ вопросѣ житейской нравственности Печоринъ стоитъ приблизительно на той же самой точкѣ, что и Радинъ. Онъ старался вытравить изъ своей души всякую мечтательность и воспріимчивость, выработать возможное самообладаніе и силу сопротивленія всѣмъ житейскимъ невзгодамъ, но, не переставая любить жизнь и ея треволненія, не могъ сдѣлать ей необходимой уступки и предпочелъ стать въ сторонѣ отъ нея...[1])

Но утверждать, подобно г. Шестакову, что „оба эти лица (т. е. Александръ и Печоринъ) воплощеніе одной и той же идеи, никогда не покидавшей нашего поэта, различные момен-

---

[1]) Котляревскій. Лермонтовъ. 100.

ы проявленія одного и того же идеала, постоянно передъ нимъ носившагося“—нецѣлесообразно. Вѣдь г. Шестаковъ идитъ лермонтовскій идеалъ человѣка въ неодолимой олѣ, и ее то онъ приписываетъ Александру и Печорину. Іежду тѣмъ, какая же неодолимая воля у Александра, не огущаго овладѣть слабой Вѣрой, или у Печорина, покорно дущаго умирать въ Персію?

Неодолимая сила лермонтовскаго „страннаго человѣка“ ъ большинствѣ его проявленій заключается именно въ его ассивѣ, а не въ активѣ. И это то обстоятельство и будетъ, акъ увидимъ, служить источникомъ вѣчнаго недовольства обою, источникомъ вѣчнаго стремленія что то сдѣлать и е facto ничего не сдѣлать. И вотъ, что говоритъ о герояхъ оношескихъ драмъ Лермонтова г. Котляревскій: „Быть тѣмъ, ѣмъ они желаютъ быть, они не могутъ, а быть тѣмъ, чѣмъ ни могутъ быть, они не хотятъ. Довести же себя до безчастнаго отношенія къ жизни они не въ силахъ по природ-ой своей организаціи дѣятельныхъ, живыхъ и всѣмъ интеесующихся людей. Эта живость ихъ натуры, воспріимчивость страстность оправдываютъ въ нашихъ глазахъ всѣ ихъ ессимистическія и безотрадныя разсужденія о жизни. „Не живетъ, если не умретъ“—можно сказать про ихъ сердце... Съ каждымъ новымъ разочарованіемъ они дѣлаются на видъ олѣе безстрастными и холодными, а на самомъ дѣлѣ болѣе страстными и чуткими. Ихъ природа подобна волкану, который послѣ каждаго изверженія застываетъ, каменистая кора дѣлается все тверже и крѣпче; но при новомъ взрывѣ и новая и старая лава обращаются въ одно огненное море [1]).

Наконецъ, отмѣтимъ еще одну чрезвычайно важную для эволюціи „страннаго человѣка“ черту, черту прирожденной властности надъ людьми. Она неуклонно проводится во всѣхъ разсмотрѣнныхъ драмахъ. Такъ въ „Испанцахъ“ Соррини характеризуетъ слѣдующимъ образомъ Фернандо:

---

[1]) Котляревскій. Лермонтовъ. 108.

> Повѣса онъ большой и пылкій малый съ мечтательной и буйной головой. Такіе люди не служить родились, а всѣмъ другимъ приказывать [1]).

Въ „Люди и страсти“ Заруцкій говоритъ о героѣ драмы:

> Волинъ былъ удалой малый: ни въ чемъ никому не уступалъ—ни въ буянствѣ, ни вь умныхъ дѣлахъ и мысляхъ: во всемъ былъ первымъ, и я завидовалъ ему [2]).

Герой повѣсти „Литвинка“, Арсеній, „повелѣвать толпѣ былъ пріученъ“ [3]). Наконецъ, Измаилъ-Бей (къ разсмотрѣнію „Измаила-Бей“ обращусь)—„повелитель, герой по взорамъ и рѣчамъ“ является народнымъ вождемъ горцевъ въ борьбѣ съ Россіей, грозой русскихъ войскъ:

> Вездѣ, гдѣ врагъ бѣжитъ, и льется кровь,
> видна рука и шашка Измаила [4]).

А когда за нѣсколько минутъ до смерти Измаилъ задумчиво сидѣлъ на курганѣ,

> четыре горца близъ него стояли и мысли по лицу узнать желали [5]).

---

1) Сочиненія Лермонтова, IV, 19.
2) Сочиненія Лермонтова, IV, 121.
3) Сочиненія Лермонтова, II, 13.
4) Сочиненія Лермонтова, II, 133.
5) Сочиненія Лермонтова, II, 135.

ГЛАВА IV.

—„Исповѣдь“.—„Литвинка“.—„Измаилъ-Бей“.— Корсаръ“.—Университетскіе годы Лермонтова.

Въ своемъ постепенномъ анализѣ „страннаго человѣка“ дошелъ до драмы „Маскарадъ“, представляющей уже попытку показать освободившагося отъ путъ общества и семьи вѣтскаго „страннаго человѣка“. Интересно однако какъ разъ передъ анализомъ этой драмы въ общихъ чертахъ припомнить ѣхъ „странныхъ людей“, которыхъ Лермонтовъ возьметъ, какъ амородковъ, среди дѣвственной природы, чьи страсти и мысли онъ покажетъ намъ въ ихъ чистомъ, нетронутомъ житейской грязью видѣ. Я имѣю въ виду тѣ его поэмы, періода 828—1831 годовъ, въ которыхъ герой ad contraria больнымъ, ервнымъ натурамъ Волина, Арбенина и др. выводится со сѣмъ пыломъ непосредственныхъ здоровыхъ страстей; именно, оэмы: „Азраилъ“, „Исповѣдь“, „Джуліо“, „Литвинка“, „Аулъ-Бастунджи“. „Измаилъ-Бей“, „Корсаръ“.

Опуская пока отрывки „Азраилъ“ и „Джуліо“, такъ какъ ервый по идеѣ непосредственно примыкаетъ къ „Демону“, торой же отчасти къ „Мцыри“, отчасти къ „Боярину Оршѣ“— бращаюсь къ остальнымъ.

Во всѣхъ нихъ одна основная идея—мысль о полной ичной и соціальной свободѣ героевъ, свободѣ, не могущей днако спасти ихъ отъ страданій и проклятій, тяготѣющихъ адъ непонятнымъ одинокимъ человѣкомъ, дающей ему зато илу прямо, безстрашно взглянуть въ глаза судьбѣ. Три основ-

ныхъ черты будутъ общи всѣмъ этимъ героямъ: необыкновенная прямолинейная страстность, переходящая въ упорство сумасшедшаго, трогательная любовь къ красотѣ родной природы и фанатическая покорность судьбѣ, концу своему, покорность, соединенная однако съ упорнѣйшей борьбой за свое счастье при жизни. Мы вполнѣ поймемъ эту инстинктивную любовь къ своей родинѣ и у Селима („Аулъ-Бастунджи“), и у Измаила („Измаилъ-Бей“), и у Арсенія („Литвинка“), и у Джуліо („Джуліо“). У всѣхъ этихъ вольныхъ сыновъ мрачныхъ горъ и ущелій Кавказа, таинственной западно-русской окраины, пламенныхъ лагунъ Венеціи... Для всѣхъ нихъ природа—первобытная, дѣвственная—символъ самостоятельной, гордой силы, неподвластной злому, завистливому человѣку. И потому, убѣгая отъ него, тая противъ него тяжелую месть, они трогательно, любовно льнутъ своей одинокой оскорбленной грудью къ каменистымъ хребтамъ Кавказа, ищутъ послѣднюю радость земную въ широкихъ поляхъ литовскихъ, забываются въ восторгахъ любви на широкихъ лагунахъ Венеціи... Безсознательный у этихъ „странныхъ людей“ инстинктъ своего духовнаго родства, близости къ природѣ впослѣдствіи, у Демона и Мцыри, станетъ необходимымъ жизненнымъ нервомъ, условіемъ sine qua non ихъ земной жизни (Мцыри); а усталаго, равнодушнаго ко всему Печорина этотъ инстинктъ будетъ спасать отъ жестокихъ припадковъ тоски, заставитъ просуществовать въ далекой Азіи нѣсколько лишнихъ лѣтъ. Вотъ, въ чемъ радость, въ чемъ временное забытье этихъ гордыхъ натуръ! Но, конечно, главный психологическій интересъ представляетъ вопросъ, почему они „странные“, одинокіе люди, кто ихъ заставилъ ненавидѣть свѣтъ, носить „проклятья на устахъ“, быть несчастными всегда и всюду?

Любовь зажигаетъ таящіяся въ нихъ исключительныя по своей силѣ страсти, доводитъ ихъ до высшей степени напряженія, когда, не найдя въ женщинѣ такой же стихійной отвѣтной силы, или же, встрѣтивъ на пути соперника, онѣ неотвратимо вселяютъ въ героѣ ненависть и даже омерзѣніе

къ людямъ, неуловимое стремленіе уйти изъ этого міра, наконецъ—смерть. Полудикарь Селимъ на ранней зарѣ своей молодости со всей страстью черкеса влюбляется въ Зару, жену пожилого брата Акбулата; братъ отказываетъ ему въ ней, и Селимъ, раньше росшій „одинъ на волѣ,—безъ заботъ, какъ птичка межъ землей и небесами",—сразу дѣлается врагомъ міра, отказавшаго ему въ лицѣ брата въ самомъ дорогомъ.

Я проклялъ небо. Я зналъ, что вашъ пророкъ—не мой пророкъ, что люди мнѣ чужіе, а не братья!

Я странствовалъ въ пустынѣ одинокъ
И мраченъ, какъ печальный духъ проклятья [1])—

вотъ, что слышимъ отъ наивнаго доселѣ юноши, убивающаго наконецъ Зару и поджигающаго саклю брата. Какъ видимъ, мотивъ этой поэмы почти тождественъ съ мотивомъ драмы „Два брата". Родной Селиму по духу, но уже опытный въ жизни Измаилъ-Бей обрисованъ Лермонтовымъ довольно туманно. О немъ мы знаемъ только то, что онъ, вернувшись изъ Россіи и любя русскую дѣвушку, отвергаетъ пламенную страсть юной Зары и, гордый и презрительный къ своимъ черкесамъ, открыто выставляющій свое превосходство надъ ними, но въ то же время бичъ русскихъ войскъ на Кавказѣ,—погибаетъ наконецъ отъ предательской пули завистливаго брата. Этотъ краткій обзоръ содержанія ничего не дастъ намъ для толкованія личности Измаила, какъ „страннаго человѣка"; одиночество и слитная съ природой жизнь героя—единственное, что ярко проведено черезъ поэму...

Еще ребенкомъ онъ любилъ природы дикой пышныя картины, разливъ зари и льдистыя вершины, блестящія на небѣ голубомъ... Не измѣнилось только это въ немъ... [2])—

говоритъ объ Измаилѣ авторъ.

---

[1]) Соч. Лермонтова II, 82.

[2]) Соч. Лермонт. ред. Висковатова II, 135.

„Одиночество его—одиночество полное, сходное съ угрюмой отчужденностью Демона. Измаилъ—своего рода падшій ангелъ... Ему, повидимому, осталось одно утѣшеніе,—искать такой обстановки, гдѣ бы онъ могъ всего легче забыть, что онъ человѣкъ“;[1]) предыдущей же жизни его, исторіи его страсти, его заблужденій авторъ намъ не раскрываетъ, мы видимъ только результаты—одинокую драму, ненависть къ русскимъ и пренебреженіе къ роднымъ горцамъ. По словамъ Котляревскаго—„патріотическая ненависть свободнаго человѣка къ общественнымъ ограниченіямъ, налагаемымъ всякой цивилизаціей“ [2]). Поэтому при выявленіи въ Измаилѣ чертъ „страннаго человѣка“ намъ приходится опираться на разбросанные тамъ и сямъ намеки:

...Тоскою грудь его полна...

и ниже:

Онъ въ мысляхъ міра властелинъ
Присвоить бы желалъ ихъ (т. е. горъ) вѣчность.

тамъ же:

. . . . душой природу обнималъ...
Который никогда не видалъ передъ собою бѣлой
бумаги [3]).

И вотъ большой вопросъ: что думалъ Лермонтовъ о людяхъ въ раннюю пору своего дѣтства и затѣмъ юношества, чего ждалъ отъ нихъ, что получилъ, какъ оцѣнилъ ихъ, наконецъ—какъ опредѣлялъ свои отношенія къ нимъ; наконецъ, еще болѣе важный вопросъ: находится ли эта его личная жизнь среди людей во взаимодѣйствіи съ тѣмъ, что онъ написалъ.

Въ біографіи Лермонтова сразу же отмѣчаемъ такія скорбныя и уже во всякомъ случаѣ не примиряющія съ жизнью

---

[1]) Котляревскій, Лермонтовъ 107.

[2]) Котляревскій, Лермонтовъ 108.

[3]) Сочин. Лермонтова I, 117.

страницы: ранняя смерть матери, по поводу которой онъ такъ пишетъ въ своей замѣткѣ 1830 г.:

> Когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ; ее я не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что еслибы услыхалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать;

основанное на деспотической любви воспитаніе поэта его бабушкой; распри послѣдней изъ-за этого съ отцомъ Лермонтова (сравнимъ драму „Люди и страсти"); тягостное впечатлѣніе отъ этого въ душѣ поэта. Но послушаемъ, что говоритъ о своемъ дѣтствѣ самъ Лермонтовъ; вотъ что читаемъ о Сашѣ Арбенинѣ (т. е. Лермонтовѣ) въ „Отрывкѣ изъ неоконченной повѣсти":

> зимою горничныя дѣвушки приходили... онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать... Ему хотѣлось, чтобы кто нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были жесткія. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный мальчикъ ....природная склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно... Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, еслибъ не пришла на помощь корь.
>
> Болѣзнь имѣла важныя послѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать... Воображеніе стало для него второй игрушкой. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души [1]).

---

[1]) Сочин. Лермонтова, V, 368—9.

Вотъ, со словъ Лермонтова, простѣйшее объясненіе необыкновенно ранняго своего развитія; мы же, конечно, помимо болѣзни Лермонтова, видимъ тутъ и кое-что другое, болѣе важное: исключительную бого-человѣческую организацію душевную. Исключительная страстность въ любви всѣхъ почти героевъ его юношескихъ драмъ и поэмъ (Фернандо, Юрія Радина, Селима, Арсенія) находитъ блестящее объясненіе въ личныхъ переживаніяхъ мальчика—Лермонтова; вотъ, что читаемъ объ этомъ въ его замѣткахъ:

> Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя десять лѣтъ отъ роду... Мы жили большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ... Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти... Одинъ разъ я, помню, вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиной въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая, это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. И такъ рано!... Я плакалъ потихоньку, безъ причины, желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ, или стыдился войти въ комнату, не хотѣлъ говорить съ ней и убѣгалъ, слыша ея названіе, какъ бы страшась, чтобы біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого... Нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда не любилъ, какъ въ тотъ разъ...[1])

Глубокая сознательная любовь у 10-лѣтняго мальчика! Что же удивительнаго, если этотъ мальчикъ съ каждымъ мѣсяцемъ будетъ проходить жизненные этапы, равняющіеся году и болѣе жизни обыкновеннаго человѣка! „Пятнадцатилѣтній мальчикъ—говоритъ профессоръ Бороздинъ—Лермонтовъ очень много читаетъ, пишетъ; о многомъ ему приходится передумать, и, пови-

---

[1]) Сочин. Лермонтова, I, 110.

димому, духовная работа его совершается, какъ и прежде, въ одиночествѣ, такъ какъ въ окружающихъ его людяхъ онъ почти не находитъ отзвука на волнующія его стремленія. Онъ задумывается и надъ общественными вопросами, какъ это видно, напримѣръ, изъ стихотворенія „Жалоба турка“, въ которомъ онъ изображаетъ угнетеніе мысли, рабскій строй жизни своей отчизны. Но гораздо сильнѣе въ это время звучатъ въ его поэзіи мотивы личные: тоска, разочарованіе навѣвались не только чтеніемъ такихъ произведеній, въ которыхъ отражалась міровая скорбь“, но и ближайшей обстановкой, въ которой ему приходилось жить.[1]) Помимо „Жалобы турка“ интересъ къ общественнымъ вопросамъ, въ частности къ вопросу о крѣпостномъ правѣ, можно отмѣтить и въ драмѣ „Странный человѣкъ“, гдѣ Владиміръ Арбенинъ выражаетъ несомнѣнно чувства и взгляды самого Лермонтова, когда, услышавъ о жестокости помѣщицы съ крестьянами, въ ужасѣ восклицаетъ:

> Люди, люди! и до такой степени злодѣйства доходятъ женщины... О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство,—все купленное кровавыми слезами.. Ломать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по волоску... О, Боже, при одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... о, мое отечество, мое отечество [2]).

Замѣчательно, что, кромѣ этого мѣста, мы не найдемъ ни одного, гдѣ бы отразилось юношеское увлеченіе Лермонтова хотя бы одной изъ волновавшихъ тогда молодежь и литературные кружки идей. „Странный человѣкъ“ недовѣрчиво, подозрительно и холодно закутывается въ непроницаемый покровъ своего одиночества, съ тѣмъ, чтобы изрѣдка вынырнуть изъ него и, дурачась надъ людьми, выкинуть глупѣйшую юнкерскую шалость. Слѣдуетъ однако замѣтить, что большинство стихо-

---

[1]) А. К. Бороздинъ. Лекціи по русской литературѣ. Лермонтовъ, стр. 12.

[2]) Сочин. Лермонтова, т. IV, стр. 208.

твореній Лермонтова, выражающихъ его политическія и общественныя тенденціи, погибло.

Они сохранены Боденштедтомъ въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Kleine Betrachtungen“ и „Kleine Einfälle“ и „Ausfälle“ и, нося остро полемическій характеръ, бичуютъ мракобѣсіе и государственный патріотизмъ (см. Михайловскій, сочин. V, 341).

Университетскіе годы (1830—1832) не оставили, повидимому, никакого глубокаго слѣда въ удивительной душѣ поэта, жившей всегда своей особой жизнью то свѣтлыхъ, то темныхъ грезъ. Да и не удивительно. Вотъ, какъ изображаетъ Герценъ состояніе Московскаго университета въ эти годы: „Ректоромъ былъ тогда Двигубскій, одинъ изъ остатковъ и образцовъ допотопныхъ профессоровъ, или, лучше сказать, допожарныхъ, т. е. до 1812 г.... Въ тѣ времена начальство университетомъ не занималось, профессора читали и не читали, студенты ходили и не ходили... Профессора составляли 2 стана, или слоя, мирно ненавидѣвшіе другъ друга, — одинъ состоялъ исключительно изъ нѣмцевъ, другой изъ не нѣмцевъ.

Нѣмцы... вообще отличались незнаніемъ русскаго языка, и нежеланіемъ знать его, хладнокровіемъ къ студентамъ, духомъ западнаго кліентизма, ремесленничества... Не нѣмцы съ своей стороны не знали ни одного (живого) языка, кромѣ русскаго, были отечественно раболѣпны, семинарски неуклюжи, держались, за исключеніемъ Мерзлякова, въ черномъ тѣлѣ... употребляли неумѣренно настойку. Нѣмцы были больше изъ Геттингена, не нѣмцы изъ поповскихъ дѣтей... попечитель кн. Голицынъ былъ удивительный человѣкъ, онъ долго не могъ привыкнуть къ тому безпорядку, что, когда профессоръ боленъ, то и лекцій нѣтъ; онъ думалъ, что слѣдующій по очереди долженъ былъ его замѣнять, такъ что отцу Терновскому пришлось бы иной разъ читать въ клиникѣ о женскихъ болѣзняхъ, а акушеру Рейхелю толковать безсѣменное зачатіе... Словесное отдѣленіе, на которое поступилъ Лермонтовъ, тоже находилось въ плачевномъ состояніи“. Охарактеризовавъ

далѣе отдѣльныхъ профессоровъ, Герценъ замѣчаетъ: „изъ лекцій подобныхъ профессоровъ, конечно, нельзя было почерпнуть ни особыхъ знаній, ни возвышеннаго идеализма. Лишь 2—3 человѣка изъ всего преподавательскаго состава университета могли влiять на юношество, направляя къ серьезному труду“[1]).

Съ другой стороны имѣемъ свидѣтельство К. С. Аксакова, въ значительной степени смягчающее рѣзкую характеристику, данную Герценомъ.[2]) „Странное дѣло,—говоритъ онъ—профессора преподавали плохо, студенты не учились, мало почерпали изъ университетскихъ лекцій, но души ихъ, не подавленныя форменностью, были раскрыты, и все-таки много вынесли они изъ университета. Развивало общее веселье молодой жизни, чувство общей связи товарищества, слышалось, хотя и безсознательно, что молодыя силы эти собраны во имя науки, во имя высшаго интереса—истины. Здѣсь постоянно были шумны и веселы, не было ни одного ни истощеннаго, ни вытертаго“.

И Лермонтовъ, не принявшій участія ни въ одномъ изъ пламенныхъ кружковъ молодежи, сгруппировавшихся вокругъ Бѣлинскаго, Станкевича. Герцена, Огарева и др., Лермонтовъ находилъ возможнымъ добродушно помянуть свою alma mater, когда говоритъ:

Святое мѣсто! Помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, корридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ пить: съ водой, иль просто голый ромъ,
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки, висящіе клочками.[3])

---

[1]) А. Герценъ. „Былое и думы“ т. I, стр. 134—6, 148—9.

[2]) К. С. Аксаковъ. „Воспоминаніе студенчества“ („День“) 1862 г.

[3]) „Сашка“, поэма Лермонтова, стр. CXVIII.

Говорю: добродушно вспоминаетъ, ибо смѣющійся сарказмъ одинокаго, выше стоящаго человѣка, заключается въ словахъ: „помню я, какъ сонъ“ и „заносчивые споры о Богѣ и какъ пить ромъ“. Получается впечатлѣніе, будто Лермонтовъ, стоя въ сторонѣ, съ любопытствомъ наблюдалъ муравейникъ горячихъ головъ, копошившійся вокругъ него. „Онъ (т. е. Лермонтовъ)—говоритъ А. Бороздинъ—держался вдали отъ товарищей, погруженный въ свои думы, въ чтеніе. Случайныя воспоминанія его однокурсника Вистенгофа показываютъ, что Лермонтовъ демонстративно отвергалъ всякія попытки товарищей къ сближенію, и что онъ не скрывалъ своего презрѣнія къ товарищамъ, какъ къ людямъ, стоящимъ ниже его по развитію“. Вотъ что разсказываетъ Вистенгофъ: „Мы стали замѣчать, что въ средѣ нашей аудиторіи, между всѣми нами, одинъ только человѣкъ какъ то рельефно отличался отъ другихъ; онъ заставилъ насъ обратить на себя особенное вниманіе. Этотъ человѣкъ, казалось, самъ никѣмъ не интересовался, ни съ кѣмъ не говорилъ, держалъ себя совершенно замкнуто и въ сторонѣ отъ насъ, даже и садился онъ постоянно на одномъ мѣстѣ, всегда отдѣльно, въ углу аудиторіи... по обыкновенію, онъ читалъ съ напряженнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ, не слушая преподаваніе профессора... Студенты не выдержали. Такое обособленное, исключительное поведеніе одного изъ среды нашей возбуждало толки... однажды студенты, близко ко мнѣ стоявшіе, считая меня за болѣе смѣлаго, предложили мнѣ отыскать какой нибудь предлогъ для начатія разговора съ Лермонтовымъ. „Вы подойдите къ Лермонтову и спросите его, какую это онъ читаетъ книгу съ такимъ вниманіемъ“?—сказалъ мнѣ студентъ Красовъ. Я отправился... „Позвольте спросить васъ, Лермонтовъ, какую это книгу вы читате? Нельзя ли ею подѣлиться и съ нами“? обратился я къ нему... Онъ мгновенно оторвался отъ чтенія. Какъ ударъ молніи, сверкнули его глаза; трудно было выдержать этотъ насквозь пронизывающій, непривѣтливый взглядъ... „Для чего это вамъ хочется знать? Будетъ безполезно, если я удо-

влетворю вашему любопытству. Содержаніе этой книги нисколько не можетъ интересовать, потому что вы не поймете тутъ ничего, если я даже и сообщу вамъ содержаніе ея"— отвѣтилъ онъ мнѣ рѣзко. Какъ бы ужаленный бросился я отъ него.[1]) У того же Вистенгофа читаемъ ниже: „Лермонтовъ, бывало, оторвется отъ чтенія и только взглянетъ на ораторствующаго, --но какъ взглянетъ!... Доза яда во взглядѣ Лермонтова была поразительна. Сколько презрѣнія, насмѣшки и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣнія изображалось тогда на его суровомъ лицѣ". Что Лермонтовъ не совсѣмъ былъ чуждъ студенческой жизни и нѣсколькихъ товарищей, о которыхъ не зналъ Вистенгофъ, видно изъ четвертой сцены драмы „Странный человѣкъ"; на сценѣ комната студента Рябинова. Пирушка. Арбенина (т. е. Лермонтова) случайно нѣтъ. Подымаются и такіе вопросы:

> господа, когда же русскіе будутъ русскими?

Студентъ Челяевъ отвѣчаетъ:

> когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ
> просвѣщаться и образовываться снова—здорово.

„Очевидно,—замѣчаетъ П. Висковатовъ,—Лермонтову не чужды были мысли, которыя затрагивались уже тогда въ кружкѣ Аксаковыхъ и послѣ вспыхнули яркимъ огнемъ, когда философскія письма Чаадаева подѣлили московскіе кружки на два лагеря: „славянофиловъ и западниковъ".[2]) Замѣчательно, что въ разговорѣ о судьбѣ русскихъ Арбенинъ, „странный человѣкъ", не участвуетъ; онъ, какъ бы умышленно, отстраненъ авторомъ отъ рѣшенія общественнаго вопроса общаго характера. По поводу же монолога Арбенина о крѣпостномъ правѣ (сцена V) интересно замѣтить, что идеи о злѣ крѣпостного права занимали кружокъ Бѣлинскаго и побудили послѣдняго написать драму съ той же трактовкой вопроса, что и въ

---

[1]) „Записки" Вистенгофа.

[2]) П. Висковатовъ. „Университ. годы Лермонтова".

„Странномъ человѣкѣ“. Но совершенно мѣняется Лермонтовъ—студентъ, когда дѣло касается всей корпораціи, когда надо было высмѣять бездарнаго профессора, или вообще предпринималось что нибудь сопряженное съ общей опасностью и отвѣтственностью. Мятежный духъ „страннаго человѣка“, смѣющагося надъ пошлостью и глупостью, возставалъ въ немъ тогда ярко и сильно; такова исторія съ профессоромъ Маловымъ. [1]) Но... это были моменты и... только. Чувства свои и лучшую сторону своего „я“ онъ таилъ отъ всѣхъ, или раскрывалъ ихъ особенно близкимъ людямъ. Внѣшнюю сторону тогдашней своей жизни—свѣтскія удовольствія и ту сторону характера, которую онъ высказывалъ толпѣ знакомыхъ, Лермонтовъ изобразилъ въ разсказѣ объ университетскихъ годахъ Печорина. [2]) Объ этомъ же самомъ разсказываетъ онъ, изображая героя поэмы „Сашка“; но и здѣсь, описавъ франтовскую личность и чисто онѣгинское времяпрепровожденіе Сашки, авторъ самодовольно замѣчаетъ:

Но все-таки себя въ числѣ двуногихъ
Онъ почиталъ умнѣе очень многихъ. [3])

Вотъ свидѣтельство лицъ, знавшихъ Лермонтова въ періодъ его университетской жизни. Глубокимъ презрѣніемъ и невниманіемъ платитъ онъ своимъ бездарнымъ профессорамъ; равнодушно — въ лучшемъ случаѣ, свысока — обыкновенно смотритъ онъ на своихъ товарищей. И ничего не даетъ ему въ то время этотъ скучный безцвѣтный университетъ, какъ и вся русская жизнь того времени; ничего —повидимому—онъ и не ждетъ отъ нея.

Нѣтъ, другъ мой!—

пишетъ онъ Н. И. Поливанову 7-го Іюля 1831 года,

мы съ тобой не для свѣта созданы; я не могу тебѣ много писать: боленъ, разстроенъ [4]).

---

[1]) Сочин. Лермонтова, VI, 130—1.
[2]) „Княгиня Лиговская“, романъ Лермонтова.
[3]) „Сашка“ I, XXIX и XXX.
[4]) Сочин. Лермонтова, т. V, стр. 377.

ГЛАВА V.

—„Странный человѣкъ“ въ письмахъ Лермонтова 1832—35 г.г.—Двойственность души „страннаго человѣка“.—„Воспоминаніе о будущемъ“.

Послушаемъ же, какъ говоритъ о себѣ и людяхъ Лермонтовъ въ слѣдующихъ письмахъ своихъ, начиная съ 1832 г.; всюду, какъ крупныя слезы печали, разбросаны—порою мимоходомъ, порою и съ явнымъ желаніемъ разъяснить свое безвыходное положеніе—жалобы недоумѣнныя, полувопросы несчастнаго человѣка. Обыкновенно Лермонтовъ игриво, почти весело, начинаетъ свои письма, но быстро спадаетъ съ тона, настойчиво начинаетъ говорить о своемъ душевномъ состояніи, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ письма опять нацѣпить маску непринужденнаго смѣха, Такова общая схема;—онъ пишетъ С. А. Бахметевой въ 1832 г.

> Наконецъ я догадался, что не гожусь для общества.

И ниже:

> Такое сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ. [1]).

Въ томъ же году, къ ней же:

> Все люди, такая тоска, хоть бы черти для смѣха попадались [2]).

---

[1]) Соч. Лерм. V, 383.

[2]) Соч. Лерм. V, 386.

Въ письмѣ къ М. А. Лопухиной (1832 г.):

> Назвать вамъ всѣхъ, у кого я бываю? Я—та особа, у коей бываю съ наибольшимъ удовольствіемъ.

И въ слѣдующихъ саркастическихъ строкахъ великолѣпно смѣется надъ нивеллировкой личности обществомъ:

> всѣ они (т. е. свѣтскіе люди) производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, въ которомъ съ перваго раза можно заблудиться, потому что хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ все своеобразное [1]).

Далѣе въ письмѣ къ ней же (1812) читаемъ:

> ....Москва—моя родина... тамъ я родился, тамъ много страдалъ и тамъ же былъ слишкомъ счастливъ [2])

Здѣсь скрытый намекъ на исторію своей несчастной любви, разсказанную въ драмѣ „Два брата". О своемъ поступленіи въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ Лермонтовъ пишетъ къ ней же (октябрь 1832 г.):

> ...теперь я становлюсь воиномъ. Быть можетъ, тутъ есть особенная воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и, если онъ не ведетъ меня къ 1-ой моей цѣли, можетъ быть приведетъ къ послѣдней цѣли всего существующаго: умереть съ пулей въ груди стоитъ медленной агоніи старости [3]).

Глубокимъ равнодушіемъ къ происшедшей въ жизни перемѣнѣ, къ вопросу личнаго земного бытія или небытія вѣетъ отъ этихъ словъ; и тутъ же, какъ всегда, безнадежные стихи о своемъ одиночествѣ:

> Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
> Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
> Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
> Онъ межъ людьми ни рабъ, ни властелинъ,
> И все, что чувствуетъ, онъ чувствуетъ одинъ!

---

[1]) Сочин. Лерм. V, 389.

[2]) Сочин. Лерм. V, 389.

[3]) Сочин. Лерм. V, 394.

А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ письмѣ къ ней же юнь 1833 г.) у Лермонтова вырывается такой вопль безнаежной растерянности въ этомъ мірѣ:

> .....я, право, не знаю, какимъ путемъ идти мнѣ, путемъ ли порока, или пошлости [1]).

Разъ вопросъ поставленъ такъ прямо, мы въ правѣ ожидать отъ транной неуравновѣшенной натуры Лермонтова всего вплоть о пошлостей. И, дѣйствительно, черезъ два мѣсяца вотъ что пишетъ Лермонтовъ М. А. Лопухиной,—разсказывая о своей агерной жизни:

> О, это будетъ восхитительно! Во первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете; но, увы! пора моихъ мечтаній миновала! Нѣтъ больше вѣры; мнѣ нужны матеріальныя наслажденія, счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи мою душу! [2])

„Нѣтъ больше вѣры" -слышимъ мы хладнокровное отреченіе отъ думъ и мукъ юношества и переходъ къ безшабашому, угарному веселью и наслажденіямъ самаго зауряднаго онкера. Ал. М. Верещагина пишетъ ему въ октябрѣ 1832 г.: ....Берегитесь слишкомъ поспѣшно сходиться съ товарищами... збѣгайте молодежь, которая кичится всякаго рода молодечетвомъ... умный человѣкъ долженъ быть выше всѣхъ этихъ мелочей" [3]). Но это не помѣшаетъ махнувшему на все рукой странному человѣку" вязать узлы изъ ружейныхъ шомполовъ [4]) потратить лучшія силы своего ума на написаніе „Сашки" „Петергофскаго праздника". Правда, въ письмѣ къ М. А.

---

[1]) Сочин. Лерм. V, 397.
[2]) Сочин. Лерм. V, 399—400.
[3]) Соч. Лермонтова VI, 173.
[4]) Соч. Лермонтова VI, 176.

Лопухиной отъ 23 декабря 1834 г. мы найдемъ слова: „двухъ страшныхъ годовъ (т. е. пребыванія въ школѣ) какъ будто не бывало“ [1]), но препровожденіе времени останется то же: „насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ полный ума... независимо (Лермонтовъ) сдѣлался душой общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ“... [2]) Здѣсь мы опять лицомъ къ лицу съ необъяснимымъ противорѣчіемъ во внѣшней жизни Лермонтова, въ жизни на виду у всѣхъ. Но это только насмѣшливая маска, скрывающая отъ людей серьезную внутреннюю работу. „Лермонтовъ былъ на волосокъ отъ окончательнаго погруженія въ омутъ пошлости, но, отдаваясь этому теченію, повидимому съ легкимъ сердцемъ, хорошо зналъ ему цѣну“ [3]).

„Онъ много въ это время читаетъ, о многомъ размышляетъ, опредѣляетъ свое міросозерцаніе, переходя отъ тревожныхъ исканій юности къ болѣе яснымъ и отчетливымъ взглядамъ на жизнь, на свое призваніе“ [4]). А. Марлинскій разсказываетъ: „Въ то время Лермонтовъ писалъ не одни шаловливыя стихотворенія, но только немногое и немногимъ показывалъ изъ написаннаго“ [5]). Въ другихъ воспоминаніяхъ читаемъ: „По вечерамъ поэтъ нашъ часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи, стараясь туда пробраться незамѣченнымъ товарищами“ [6]). Лермонтовъ пишетъ „Боярина Оршу“, задумываетъ „Пѣснь про купца Калашникова“ и „Маскарадъ“. Подтвержденіе этого же двойственнаго состоянія Лермонтова находимъ и въ слѣдующихъ словахъ письма къ А. М. Верещагиной (1835):

---

[1]) Соч. Лермонтова V, 404.

[2]) „Воспоминанія Гр. Ростопчиной“ (Русск. Стар. 1882, IX, 610).

[3]) Михайловскій, Сочиненія, V, 329.

[4]) А. Бороздинъ. Лермонт., стр. 30.

[5]) „Атеней“ 1858 г. № 48 „Воспоминаніе о Лермонтовѣ“.

[6]) „Русскій міръ“ 1872 г., № 205.

> Если посмотрѣть на меня, покажется, что я помолодѣлъ года на три, до такой степени у меня счастливый и беззаботный видъ довольнаго собой и всѣмъ міромъ; этотъ контрастъ между душою и внѣшнимъ видомъ не кажется ли вамъ страннымъ? [1])

А вотъ что читаемъ въ оригинальной монографіи Мережковскаго о Лермонтовѣ: „однажды съ пьяной компаніей на тройкахъ, въ два часа ночи, въѣзжая въ Петербургъ, на заставѣ у шлагбаума, гдѣ требовали расписки отъ въѣзжающихъ, Лермонтовъ расписался: „россійскій дворянинъ Скотъ Чурбановъ“ [2]). А Катенькѣ Хвостовой, которая была влюблена въ Лермонтова и надъ которой онъ издѣвался, онъ сказалъ однажды: „Я на дѣлѣ заготовляю матеріалъ для моихъ сочиненій“ [3]). „Какой великій и могучій духъ!—воскликнулъ Бѣлинскій послѣ долгой бесѣды наединѣ съ Лермонтовымъ, а онъ рѣдко ошибался въ людяхъ... Какъ же это—спрашиваетъ далѣе Мережковскій—соединялось съ пошлостью? Скотъ Чурбановъ съ „великимъ, могучимъ духомъ“? „Хулиганъ“ съ ангеломъ? Уже теперь повидимому Лермонтовъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать о себѣ словами Печорина:

> Во мнѣ два человѣка... Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей... высохла... умерла...; я ее отрѣзалъ и бросилъ—тогда, какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины [4]).

Откуда же это удивительное, таинственное до жуткости и почти непонятное раздвоеніе души въ 20-лѣтнемъ Лермонтовѣ? Въ введеніи къ данной работѣ я имѣлъ случай говорить о необыкновенно странной, не отъ міра сего организаціи

---

1) Сочин. Лермонтова, V, 410.

2) Д. Мережковскій. Лермонтовъ—поэтъ сверхчеловѣчества, 23—4.

3) Д. Мережковскій. Лермонтовъ—поэтъ сверхчеловѣчества, 26.

4) Сочин. Лермонтова, V, 285.

Лермонтова, не знавшаго юности, сразу перешагнувшаго въ зрѣлый возрастъ, смѣявшагося надъ человѣчествомъ и скорбѣвшаго о лучшихъ его представителяхъ еще въ дѣтскіе годы, въ первыхъ своихъ драмахъ. И тутъ, при психологическомъ анализѣ важнѣйшаго въ жизни писателя пятилѣтія (1832—37 г.), подготовившаго и возраставшаго и „Маскарадъ", и „Демона", и „Мцыри", и „Героя нашего времени",—мнѣ хотѣлось бы еще разъ подробнѣе коснуться вопроса объ этомъ феноменальномъ явленіи—двойственной душѣ поэта.

Съ прекраснѣйшей по тонкости замысла и сопоставленій гипотезой выступилъ въ новѣйшее время по этому вопросу Д. Мережковскій въ упомянутой монографіи. Принявъ за аксіому положеніе, что человѣку дано забыть, „откуда" онъ, и что „рѣдки тѣ души, для которыхъ поднялся уголъ страшной завѣсы, скрывающей тайну всемірную",—изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что „одна изъ такихъ душъ—Лермонтовъ" [1]).

Я счетъ своихъ лѣтъ потерялъ,

говоритъ 15-лѣтній мальчикъ, и „чувство незапамятной давности, древности—„вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый"—воспоминаніе земного прошлаго сливается у него съ воспоминаніемъ прошлой вѣчности; таинственныя сумерки дѣтства съ еще болѣе таинственными всполохами иного бытія, того, что было до рожденія... Такъ же просто, какъ другіе люди говорятъ: моя жизнь,—Лермонтовъ говоритъ: моя вѣчность". Сравнимъ слова Печорина:

> нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я ничего не забываю, ничего.

---

[1]) Д. Мережковскій, Лермонтовъ стр. 29.

Въ стихотвореніи „Ангелъ" читаемъ:

И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой... [1]).

„Вся поэзія Лермонтова—продолжаетъ Мережковскій—воспоминаніе объ этой пѣснѣ, услышанной въ прошлой вѣчности. Постоянно и упорно, безотвязно, почти до скуки повторяются одни и тѣ же образы въ однихъ и тѣхъ же сочетаніяхъ словъ, какъ будто хочетъ онъ припомнить что-то и не можетъ, и опять припоминаетъ все яснѣе и яснѣе, пока не вспомнитъ окончательно, неотразимо, незабвенно" [2]). И далѣе: „Маленькій мальчикъ, который вчера игралъ въ лошадки, или солдатики, сегодня рѣшаетъ:

Пора уснуть послѣднимъ сномъ;
Довольно въ мірѣ пожилъ я,
Обманутъ въ жизни былъ во всемъ,
И ненавидя, и любя [3]).

И съ этой необыкновенной способностью духа сочетается столь же необыкновенная—предчувствіе, или вѣрнѣе тоже „воспоминаніе будущаго" Лермонтовымъ. „Кажется, во всемірной поэзіи—говоритъ г. Мережковскій—нѣчто единственное—это воспоминаніе будущаго. На 16-мъ году жизни первое видѣніе смерти:

На мѣстѣ казни, гордый, хоть презрѣнный
Я кончу жизнь мою.

Черезъ годъ:

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ:
Кровавая меня могила ждетъ.

Черезъ шесть лѣтъ:

Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.

---

[1]) Сочин. Лермонтова, I, 197.

[2]) Д. Мережковскій, Лермонтовъ стр. 32.

[3]) Д. Мережковскій, Лермонтовъ стр. 33.

И наконецъ въ 1841 году—„Сонъ“—видѣніе ужасающей ясности:

> Глубокая еще дымилась рана,
> По каплѣ кровь точилася моя [1]).

Сопоставимъ эти слова съ описаніемъ дуэли и смерти Лермонтова его секунданта, князя Васильчикова: „Въ правомъ боку дымилась рана, а въ лѣвомъ сочилась кровь“—[2]) и мы согласимся съ пророческимъ толкованіемъ стихотворенія „Сонъ“. Въ заключеніе Мережковскій резюмируетъ: „Это „воспоминаніе будущаго“, воспоминаніе прошлой вѣчности кидаетъ на всю его (т. е. Лермонтова) жизнь чудесный и страшный отблескъ: такъ иногда послѣдній лучъ заката изъ подъ нависшихъ тучъ освѣщаетъ вдругъ небо и землю неестественнымъ заревомъ“ [3]).

И вотъ эта необыкновенная, исключительная натура не довольствуется ничѣмъ, что предлагаетъ жизнь,—натура, видящая себя освѣщенной этими незримыми для другихъ отблесками своей „вѣчной“ праведной жизни. Натура, для которой разумъ—слишкомъ слабый инструментъ для общенія съ тѣмъ, своимъ, надчеловѣческимъ міромъ, а чувство недостаточно даже для временнаго успокоенія самого себя; не говоря уже о томъ, что по отношенію къ женщинамъ, къ друзьямъ оно, пройдя сквозь призму тяжелаго остраго взгляда глазъ Лермонтова, превращается въ лучшемъ случаѣ въ добродушную усмѣшку. И изъ этой неудовлетворенности своими прирожденными способностями разума и сердца странный Лермонтовъ, однако, ясно указываетъ исходъ „въ третьемъ элементѣ человѣческаго духа, въ волѣ, которая, комбинируя и разумъ и чувство, повелительно требуетъ „дѣйствія“, „борьбы“ [4]).

---

1) Сочин. Лермонтова I, 135.
2) Сочин. Лермонтова, VI, 425.
3) Д. Мережковскій, Лермонтовъ, стр. 36.
4) Н. К. Михайловскій, V, 321.

Н. К. Михайловскій почти цѣликомъ посвятилъ свою прекрасную статью о Лермонтовѣ („Герой безвременья“, сочин. томъ V) выясненію этой важнѣйшей субстанціи души Лермонтова, его преклоненію предъ сильной волей человѣка. И дѣйствительно: родившійся не къ мѣсту и не ко времени, непонятый и безсознательно угнетаемый даже самыми близкими людьми—вспомнимъ семейную драму Лермонтова—„странный человѣкъ“ приходитъ къ непоколебимому убѣжденію въ невозможности спасти, сохранить себя въ своемъ одиночествѣ ни силами ума, ни силами сердца; люди чужды ему, и помочь имъ своимъ умомъ, подойти къ нимъ съ открытой душой—онъ не можетъ да и не хочетъ. Но съ другой стороны—пассивный и равнодушный онъ открытъ для насмѣшекъ и злобы людской. Очевидно, надо что то дѣлать, чтобъ съ одной стороны расчистить себѣ дорогу среди непроницаемаго лѣса людской пошлости и обыденщины, съ другой стороны—увидѣть, хотя бы въ безконечной дали, то свѣтлое, сіяющее, надчеловѣческое бытіе, для котораго только и живешь на землѣ. Нужна борьба. Съ раннихъ лѣтъ Лермонтовъ томится страстной потребностью въ ней, герои его юношескихъ драмъ пытаются бороться только съ небольшимъ кружкомъ лицъ и все же терпятъ фіаско. Послѣдняя безвольная, ненужная жертва—Владимиръ Арбенинъ. И отъ того, что въ современномъ ему обществѣ оказался безсильнымъ что либо сдѣлать, даже въ своей семейной средѣ,—Лермонтовъ обращается къ міру прошлому, первобытному, міру вольностей и гордыхъ, неоскорбленныхъ еще никѣмъ душъ. Того же „страннаго человѣка“, но сильнаго, какъ звѣрь, настойчиваго на своемъ жизненномъ пути, не знающаго компромиссовъ, личному рабству предпочитающаго смерть—Лермонтовъ ищетъ всюду, гдѣ только можетъ предположить дѣвственную, сильную душу. Поэтому то онъ и обратится къ психологіи могучихъ горцевъ Кавказа, сроднившихся со всѣмъ тѣмъ, что мощно и вѣчно: съ увѣнчаннымъ снѣговыми вершинами Эльбрусомъ, „глубокой тѣсниной Дарьяла...; обратится въ глубь русской исторіи, гдѣ найдетъ и боярина Оршу, и

литвинку Клару, и купца Калашникова, и горбача Вадима („Горбачъ Вадимъ“—юношеская (1831—2) и довольно слабая и неоконченная повѣсть изъ эпохи Пугачевскаго бунта). Герой повѣсти—тотъ же Демонъ, только безъ фантастическихъ аттрибутовъ и притомъ физически безобразный. Какъ и демонъ, онъ богохульствуетъ, ненавидитъ людей и готовъ отказаться отъ зла, если его полюбитъ любимая женщина. Какъ и демонъ—имѣетъ таинственную власть надъ людьми [1]), людьми, у которыхъ мысль и чувство не глядѣли врозь, а сливались въ дѣло... „Злодѣйскіе поступки, совершаемые всѣми этими Оршами, Вадимами, Измаилъ-Беями, если и пугаютъ Лермонтова своимъ кровавымъ блескомъ, то немедленно находятъ себѣ въ его глазахъ и оправданіе и поэтическую красоту въ той цѣльности настроенія, въ той безповоротной рѣшимости, съ которою они совершаются“ [2]). Впослѣдствіи Лермонтовъ перейдетъ къ настоящему апоѳеозу воли безграничной въ образахъ Мцыри, живущаго радостными ощущеніями даннаго момента, и Демона. „Всей своей жизнью и дѣятельностью—говоритъ Н. Михайловскій - Лермонтовъ самымъ рѣзкимъ и яркимъ образомъ ставитъ дилемму: или звонъ во всѣ колокола, жизнь всѣмъ существомъ человѣка, жизнь мысли и чувства, претворяющихся въ дѣло, или—„пустая и глупая шутка“, въ которой даже красиваго ничего нѣтъ. Выбирайте любое“ [3]). „Нельзя ли только... чтобъ это было... красиво?... [4]) Да, страннымъ, нелѣпымъ кажутся людямъ существованіе, мечты и желанія „страннаго человѣка“, но есть въ этомъ существованіи одинокомъ, въ этихъ мечтахъ, смѣлыхъ до опьяненія, то, чего нѣтъ у всѣхъ: духовная красота мыслящаго и хотящаго чего-то тамъ, „въ воспоминаніяхъ о будущемъ“, индивида. Самое такое существованіе, самый фактъ его—уже великое дерзаніе предъ лицомъ „всѣхъ“ лю-

---

[1]) Сочин. Лермонтова, редакц. Висковатова т. V.

[2]) Н. Михайловскій, сочиненія, V, 322.

[3]) Н. Михайловскій, сочиненія, V, 323.

[4]) „Гедда Габлеръ“ (Полное собр. сочин. Ибсена, т. III, 555).

дей! И вотъ, трагедію самого Лермонтова, какъ одинокаго человѣка, Н. Михайловскій видитъ въ томъ, что „вся жизнь его протекла въ условіяхъ, совершенно неблагопріятныхъ для прінсканія дѣятельности, сколько нибудь его достойной, за исключеніемъ, разумѣется, поэзіи..... Смѣлая сила его собственной природы стихійно побуждала его дерзать и владѣть гдѣ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, а голосъ разума и совѣсти клеймилъ эту жизнь печатью пошлости и пустоты. Но опять, при первомъ удобномъ случаѣ,.... встрѣчѣ съ женщиной,... съ новымъ обществомъ, жажда дерзать и владѣть выступала впередъ, и опять голосъ разума и совѣсти говорилъ: не то! не таково должно быть поле дѣятельности для „необъятныхъ силъ“! Немудрено, что въ душѣ поэта вспыхивали зловѣщіе огни отчаянія и злого, мстительнаго чувства“ [1]).

---

[1]) Н. Михайловскій, сочиненія, V, 348.

ГЛАВА VI.

—Лермонтовъ и Байронъ.

Равнодушно и холодно прошелъ странный Лермонтовъ мимо русской жизни, общества, русскихъ радостей и печалей. Прошелъ мимо въ золотые годы своего необыкновеннаго отрочества и внезапно наступившей молодости. Гдѣ то далеко въ душѣ вынашивалъ чудные, невѣдомые дотолѣ образы и скупо, неохотно знакомилъ съ ними. Я думаю, что, еслибы никто не настаивалъ, Лермонтовъ и не подумалъ бы печататься. Но уже на ранней зарѣ своей жизни и впослѣдствіи Лермонтовъ бесѣдуетъ подолгу и внимательно съ большимъ, толстымъ томомъ—сочиненіями Байрона.

Н. Котляревскій въ своей монографіи о Лермонтовѣ впервые удачно поставилъ вопросъ о предрасположеніи, какое могъ питать Лермонтовъ къ воспринятію байроническаго настроенія [1]). Я бы поставилъ вопросъ такъ: „искалъ“ ли Лермонтовъ въ твореніяхъ Байрона новый матеріалъ, новыя формы для своихъ идей, или же онъ только „отдыхалъ“ морально надъ тѣмъ, что было близко и понятно ему; другими словами: не служилъ ли ему величавый міръ байроновскихъ героевъ только важной и необходимой поддержкой въ той упорной, глухой, тяжкой борьбѣ, которую вела надломленная душа „страннаго человѣка“ съ липкой мелочью людской пошлости и

---

[1]) Н. Котляревскій, Лермонтовъ, 51.

низости. Самъ Лермонтовъ былъ очень молчаливъ по этому вопросу: сказалъ только:

Нѣтъ, я не Байронъ, а другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой... [1]).

—усмѣхнулся скрытной усмѣшкой быть можетъ пожалѣвшаго о своей откровенности человѣка и умолкъ. И вотъ, на протяженіи десятковъ лѣтъ десятки изслѣдователей ломаютъ голову надъ вопросомъ о байронизмѣ Лермонтова. Къ вопросу этому приступали со всевозможнѣйшихъ точекъ зрѣнія, какъ къ таинственному ларчику, и только въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка этотъ ларчикъ былъ открытъ довольно просто усиліями Н. Котляревскаго.

Что же предшествовало его статьѣ въ исторіи этого вопроса? И можемъ ли мы указать на какой либо прогрессъ при выясненіи его? Почти нѣтъ. Замѣчательно, что до сихъ поръ, кромѣ статьи Галахова „М. Лермонтовъ", еще нѣтъ обстоятельной текстуальной параллели однородныхъ мотивовъ Байрона и Лермонтова, параллели, на основаніи которой можно было бы сдѣлать опредѣленные фактическіе выводы. Отсюда—та произвольность, можно сказать—апріорность толкованія Лермонтовскаго байронизма, которыя отличаютъ большинство работъ по этому вопросу. Вотъ, напримѣръ, Павелъ Александровичъ Висковатовъ, почтенный профессоръ, большую часть жизни посвятившій изученію Лермонтова, написавшій обширнѣйшую біографію его,—почти ничего не могъ сказать о его байронизмѣ. Предпославъ, въ видѣ прелюдіи, своимъ замѣчаніямъ о Байронѣ нѣсколько строкъ изъ различныхъ стихотвореній Лермонтова въ байроническомъ духѣ, какъ то:

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мнѣ (I, 29).

---

[1]) Сочин. Лермонтова, I, 218.

или:

....но люди
Не хотятъ къ моей груди
Прижаться. (I, 188)

или:

Люди хотятъ имѣть души, и что же?
Души въ нихъ волнъ холоднѣй. (I, 152).

или, наконецъ:

И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу вокругъ души родной.

— и замѣтивъ, что Лермонтовъ „былъ самъ собою лишь въ бесѣдахъ со своею музою, да на лонѣ природы“ [1]), П. Висковатовъ говоритъ, что „въ свое собственное, оригинальное онъ (Лермонтовъ) воспринялъ родственный элементъ байроновской музы, а вовсе не былъ главнымъ образомъ подражателемъ ея“ [2]). Дѣло въ томъ, что „одинаковыя условія и частной, и общественной жизни, даже въ двухъ совершенно различныхъ народностяхъ и странахъ, легко могутъ произвести одно и то же слѣдствіе и образовать въ людяхъ вполнѣ сходныя черты характера и образа мыслей... Въ началахъ русской жизни крылись, однако, совершенно иныя черты, и потому не долго можно было пробавляться у насъ чужеземными взглядами и проведеніями параллелей между англійскимъ чудачествомъ и нашею взбалмошностью“ [3]). И послѣ такихъ общихъ, ничего не выясняющихъ фразъ переходитъ къ чисто внѣшней сторонѣ—сличенію личной судьбы обоихъ писателей; сходство— въ семейной жизни, въ любви къ женщинамъ и отношеніяхъ послѣднихъ къ нимъ, въ наружности, въ отношеніи къ слабымъ и обиженнымъ,—и наконецъ,—въ сильномъ субъективизмѣ и ранней индивидуальности [4]). И, наконецъ, „Лермон-

[1]) Сочин. Лермонтова, VI, 146.
[2]) Сочин. Лермонтова, VI, 156—157.
[3]) Ibid., 158, 9.
[4]) Ibid., 160.

товъ имѣлъ съ Байрономъ и то общее, что онъ долго занимался своимъ характеромъ и въ произведеніяхъ своихъ"... [1]) Вотъ и все.

Особенно подробно говоритъ о вліяніи Байрона г. Галаховъ [2]). Довольно добросовѣстно, подчасъ педантично-сухо дѣлаются сопоставленія фразъ и отдѣльныхъ словъ Лермонтовскаго „страннаго человѣка" въ различныхъ его проявленіяхъ съ тождественными фразами и словами байроновскаго „демоническаго" типа. Статья эта была бы очень хороша, если бы авторъ не проглядѣлъ самаго важнаго: духовнаго родства Байрона и Лермонтова и отраженія его на любимыхъ созданіяхъ обоихъ поэтовъ. Тамъ, гдѣ—по свидѣтельствамъ всѣхъ новѣйшихъ изслѣдователей музы Байрона, какъ то: Ѳ. Зѣлинскаго, Ив. Иванова, Розанова и др.—личность поэта и его жизнь неразрывно связаны съ его любимыми „демоническими" героями, недостаточно ограничиться сухимъ перечнемъ параллельныхъ мѣстъ въ творчествѣ Байрона и Лермонтова: вѣдь, статья написана спеціально о байронизмѣ Лермонтова! Резюмируетъ г. Галаховъ свои наблюденія въ слѣдующихъ словахъ: „Такимъ образомъ всѣ черты характера, нами представленнаго (т. е. демоническаго): разочарованіе, апатія, скука, преждевременное знаніе, перевѣсъ духа надъ тѣломъ, неумирающая мысль, какъ главная причина мучительныхъ убійственныхъ страданій, непреклонная гордость, роковая сила судьбы и природы, несмиряемое волненіе жизни, демонизмъ... являются въ различныхъ по имени, но тождественныхъ по значенію герояхъ Байрона: Ларѣ, Конрадѣ, Альпѣ, Азо, Гуго, Гяурѣ, Селимѣ, Манфредѣ, Каинѣ и Люциферѣ. Отсюда перешли они въ созданія Лермонтова—Оршу, Арсенія, Мцыри, Арбенина, Хаджи-Абрека, Измаила-Бея, Печорина, Демона, тоже неодинаковыя именемъ, но одинаковыя сущностью. Какъ первые могутъ быть названы видоизмѣне-

[1]) Ibid., 160.

[2]) „Русскій Вѣстникъ", 1858, VII.

ніями Чайльдъ Гарольда, такъ и вторые суть въ большей или меньшей степени Печорины. И какъ самъ Байронъ отразился въ лицѣ Чайльдъ-Гарольда..., такъ и лицо Печорина есть отраженіе Лермонтова... Поэтому вопросъ о значеніи поэзіи Лермонтова обращается въ вопросъ о значеніи поэзіи Байрона [1]). Мы видимъ, насколько ходульно и натянуто подобное толкованіе: г. Галаховъ отводитъ Лермонтову роль простого насадителя байроновскихъ типовъ на русской почвѣ, совершенно игнорируя богатую индивидуальную натуру поэта. Впрочемъ, доказываетъ онъ эту мысль нѣсколько примитивно: его занимаетъ главнымъ образомъ не столько психологическое преемство лермонтовскаго „страннаго человѣка“ отъ Байрона, сколько сходство въ ихъ чисто внѣшнихъ симпатіяхъ и сходство общечеловѣческихъ, но не специфически байроновскихъ мотивовъ и настроеній. Да и самую мысль объ ученической роли Лермонтова изслѣдователь подтверждаетъ чаще всего чисто внѣшнимъ лексическимъ сходствомъ цитатъ изъ произведеній Лермонтова и Байрона. Послѣдующая критика ясно показала, насколько неприкосновенной поэтъ можетъ сохранить свою индивидуальность даже при переносѣ цѣлыхъ строфъ изъ другого, родственнаго по духу произведенія. Наконецъ, назвать, какъ г. Галаховъ, героевъ Байрона видоизмѣненіями Чайльдъ-Гарольда, то есть, принять послѣдняго за единицу— никакъ нельзя, ибо, какъ говоритъ профессоръ Ѳ. Зѣлинскій,— „Гяуромъ“ открывается рядъ демоническихъ характеровъ нашего поэта (т. е. Байрона); здѣсь впервые, послѣ неопредѣленныхъ и безотчетныхъ чаяній его страстнаго пилигримма Чайльдъ-Гарольда, томящее его смутное чувство вылилось въ опредѣленный образъ. Его онъ еще нѣсколько разъ варьировалъ въ слѣдующихъ поэмахъ: „Селимъ“, „Корсаръ“ съ „Ларой“, „Альпъ“, „Мазепа“—все это отдѣльныя ступени въ развитіи одного и того же человѣка-демона вплоть до его самаго могучаго и полнаго воплощенія въ „Манфредѣ“ [2]).

---

[1]) А. Галаховъ. Лермонтовъ. „Русскій Вѣстникъ“, 1858, VII, 288.

[2]) Полное собр. сочин. Байрона; изд. Брокгаузъ и Эфронъ, I, 215.

И съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Хорошую сторону статьи представляетъ небольшой, но дѣльный опытъ объясненія появленія демоническихъ, странныхъ типовъ обоихъ писателей въ общественной средѣ того времени и выведенія отсюда характерныхъ чертъ ихъ. Я остановился подробно на статьѣ г. Галахова, какъ на первой, потомъ долго не повторявшейся попыткѣ пролить свѣтъ на вопросъ о вліяніи Байрона на Лермонтова. И хотя попытка эта не привела ни къ чему опредѣленному, все-же статья представляетъ интересъ въ смыслѣ того матеріала въ видѣ цитатъ, правда изложенныхъ невозможной прозой, который она даетъ для работающаго по этому вопросу.

Аполлонъ Григорьевъ въ статьѣ „Лермонтовъ и его направленіе. Крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда“ [1]) писалъ: „Великій поэтъ является передъ нами еще весь въ элементахъ, съ проблесками великой правды, *но еще неуяснившейся нисколько самостоятельности*, не властелиномъ тѣхъ стихій, которыя заключались въ его эпохѣ и въ немъ самомъ, какъ высшемъ представителѣ этой эпохи, а еще слѣпою хотя и могущественною силою, несущеюся впередъ стремительно и почти безсознательно“. И далѣе: „Байронъ и байронизмъ, какъ общее, и нашъ русскій романтизмъ, какъ особенное —вотъ элементы того Лермонтова, какой остался въ его произведеніяхъ“. Подчеркнутыя мною слова показываютъ, насколько А. Григорьевъ раздѣлялъ мнѣнія Галахова и кого онъ также считалъ властелиномъ.

Съ теченіемъ времени въ критикѣ начинаютъ раздаваться голоса за самостоятельное, самобытное толкованіе лермонтовскаго „страннаго человѣка“. Такъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ г. Карелинъ въ статьѣ „Донъ-Кихотизмъ и Демонизмъ“ заявилъ, что у Лермонтова съ Байрономъ ничего общаго кромѣ внѣшности нѣтъ. Онъ заимствовалъ изъ байроновской поэзіи тѣло, не усвоивъ и нисколько не понявъ ея могучаго духа [2]).

---

[1]) „Время“, 1862, № 10, 9, 8 и 4.

[2]) „Донъ-Кихотъ Ламанчскій“, т. II, Спб. 1881 г., стр. 615.

Въ своей рѣчи „Вліяніе Байрона на европейскія литературы“ [1]) Н. И. Стороженко сказалъ, что „большинство написаннаго Лермонтовымъ носитъ на себѣ печать Байронова генія“.—Несмотря однакожъ на то, что вліяніе Байрона на Лермонтова продолжалось до самой смерти нашего поэта, его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать слабой копіей Байрона. Лермонтовъ обладалъ слишкомъ могучимъ и самостоятельнымъ талантомъ, чтобы осудить себя на одно подражаніе. Такимъ образомъ, изслѣдователь своей неясной фразой старается какъ бы примирить глубокій индивидуализмъ Лермонтова съ печатью Байронова генія, все же лежавшей на Лермонтовѣ.

Н. Михайловскій въ статьѣ „Герой безвременья“ [2]) прямо высказываетъ мысль о самостоятельномъ мышленіи Лермонтова, не нуждавшагося ни въ какихъ указкахъ литературныхъ олимпійцевъ: „въ ранней молодости, можно сказать, съ дѣтства и до самой смерти мысль и воображеніе Лермонтова были направлены на психологію прирожденнаго властнаго человѣка, на его печали и радости, на его судьбу, то блестящую, то мрачную“.

Ту же мысль, но уже выраженную рѣзко и опредѣленно, находимъ у Ив. Иванова. Въ одной изъ его рѣчей читаемъ: „Мотивы демоническаго пессимизма у Лермонтова буквально тѣ же самые, какіе навѣяли Руссо грезы объ „естественномъ состояніи“; разочарованіе Лермонтова всегда основывается на общихъ причинахъ, хотя съ самаго начала оно могло быть вызвано личнымъ опытомъ“ [3]). Въ его статьѣ „М. Ю. Лермонтовъ“ [4]) читаемъ: „Личность поэта сама по себѣ слишкомъ оригинальна и богата внутреннимъ содержаніемъ, чтобы поддаться чужимъ воздѣйствіямъ, пассивно воспринимать чьи бы

---

1) „Пантеонъ литературы“, 1888, мартъ.

2) Н. Михайловскій, соч., томъ V.

3) „Русскія Вѣдомости“, 1891, № 288.

4) „М. Ю. Лермонтовъ“. Сочиненія. Изданіе И. Кушнерева, т. IX, VII.

то ни было идеи. Много говорили о вліяніи Байрона. Эти разговоры сильно напоминаютъ легкомысленныя насмѣшки Сушковой надъ „поэтомъ-отрокомъ“, вѣчно мечтавшимъ съ огромнымъ Байрономъ въ рукахъ. Барышня не могла и представить, что предъ нею другой Байронъ, по природѣ еще, можетъ быть, болѣе сильный и разносторонній, чѣмъ англійскій“. „Самъ Лермонтовъ всего себя, всѣ свои идеалы почерпнулъ у природы“ [1]). И далѣе: „источникъ разочарованія у Лермонтова тотъ же, какой въ XVIII в. увлекалъ Руссо, Шиллера, Гердера, позже Байрона. И выходъ... у всѣхъ одинаковъ; отрицаніе общества, не только свѣтскаго,—даже цивилизованнаго, идеализація... естественнаго человѣка... Лермонтову еще въ ранней юности хотѣлось сбросить образованности цѣпи, и всю жизнь ему рисовался могучій образъ, вѣчно одинъ и тотъ же, какое бы имя онъ не носилъ—Демонъ, Мцыри, Измаилъ. Это идеальное воплощеніе въ личности свойствъ природы—естественная свобода чувства и мысли, идиллическая простота и беззавѣтный бурный порывъ“ [2]). Признавая идейной основой всего (sic) творчества Лермонтова—природу, Ив. Ивановъ несомнѣнно впадаетъ въ крайность; ибо мы имѣемъ слѣдующій отзывъ самого поэта о „Новой Элоизѣ“:

> что до стремленія къ природѣ, то это—довольно неопредѣленное выраженіе, мало говорящее безъ болѣе обстоятельныхъ разъясненій. [3])

Но мы можемъ вполнѣ согласиться со словами Ив. Иванова про Лермонтова: поэтъ „одаренный геніемъ, настолько же оригинальнымъ и сильнымъ, какъ любой изъ названныхъ нами поэтовъ (т. е. Руссо, Шиллеръ, Байронъ)“ [4]).

Къ мысли И. Иванова о преемствѣ мотивовъ лермонтовскаго творчества отъ идей просвѣтительнаго движенія 18-го

---

[1]) „М. Ю. Лермонтовъ“. Сочиненія. XLVIII.

[2]) „М. Ю. Лермонтовъ“. Сочиненія. Изд. И. Кушнерева. I.

[3]) Сочин. Лермонтова I, 183.

[4]) „М. Лермонтовъ“. Сочин. Издан. И. Кушнерева I, XLIX.

вѣка вообще примыкаетъ въ общихъ чертахъ и Н. П. Дашкевичъ въ своей статьѣ „Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова“, гдѣ говоритъ: „....окажутся вполнѣ правыми тѣ изслѣдователи, которые не ограничатся принятіемъ вліянія Байрона на Лермонтова, а взглянутъ на послѣдняго, какъ на поэта, который воспринялъ и претворилъ въ своихъ созданіяхъ множество разнородныхъ вліяній. Лермонтовъ примыкалъ не къ Байрону только, а вообще къ тому литературному движенію, въ которое Байронъ входилъ лишь, какъ одинъ изъ многихъ передовыхъ вождей, и которое имѣло весьма видныхъ представителей также въ литературахъ французской и нѣмецкой прошлаго и настоящаго вѣка“ [1]).

Ал. Веселовскій въ своемъ прекрасномъ трудѣ „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ“ не нашелъ однако возможности опредѣленно выяснить вопросъ о байронизмѣ Лермонтова. И у него, какъ у предшественниковъ, рядъ положеній, если не совсѣмъ, то частично исключающихъ другъ друга. Можно сказать даже, что вся статья Веселовскаго идетъ все время diminuendo въ толкованіи вопроса, и въ концѣ концовъ Веселовскій приходитъ къ признанію полнаго исчезновенія въ Лермонтовѣ байроновскаго духа. Постараюсь доказать это выписками изъ статьи. Въ началѣ ея читаемъ: „Настала пора, когда прежнихъ любимцевъ (т. е. Шиллера и де-Виньи) сталъ затемнять новый, вскорѣ захватившій неограниченную власть надъ лермонтовскими думами“ [2]). Лермонтовъ постепенно воспитывался въ поклоненіи Байрону, проникался его духомъ. „Безумный, страстный, дѣтскій бредъ“, его Демонъ... и его потомокъ, изящный гвардеецъ (въ „княгинѣ Лиговской“) Печоринъ... съ своими спутниками Арбенинымъ, Радинымъ, Вернеромъ и Вуличемъ, кавказскія варіаціи загадочной натуры, Измаилъ-Бей, оттискъ съ Гяура и Мцыри, даже древнерусскій ихъ товарищъ Арсеній (въ „Бояринѣ Оршѣ“)—наконецъ

---

[1]) Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. VI, 250.

[2]) А. Веселовскій. Зап. вліяніе въ новой русской литер., 204.

ихъ послѣдній преемникъ, Демонъ „Сказки для дѣтей“,... остроумный, насмѣшливый скептикъ terre à terre—необыкновенно многочисленная и разнообразная группа байроническихъ героевъ, не встрѣчаемая въ такомъ богатствѣ ни у одного изъ послѣдователей англійскаго поэта.

Но въ этой семьѣ протестующихъ неудачниковъ лучшее украшеніе—самъ Лермонтовъ“ [1]). И ниже, на той же страницѣ—первое крупное ограниченіе и суженіе байроновской мантіи Лермонтова: „...все же остановился на половинѣ пути... на характеръ лермонтовскаго сатаны перешло нѣсколько мѣстъ изъ „Люцифера“, но поэтъ не вдохнулъ въ своего героя того духа мятежнаго протеста, жажды воли и власти, который ставитъ байроновскаго Демона въ ряды неудачниковъ-агитаторовъ и народныхъ вождей начала XIX вѣка“ [2]). Эти слова, какъ видимъ, очень напоминаютъ мнѣніе г. Карелина, развивая его. Еще ниже А. Веселовскій наивно расписывается только въ половинѣ сказаннаго имъ выше: „Въ свою личную жизнь Лермонтовъ внесъ симпатичныя ему байроновскія „слабости“ [3]). Какъ бы желая поддержать неудачно построенный имъ и падающій пьедесталъ лермонтовскаго байронизма, изслѣдователь далѣе говоритъ: „При всей неполнотѣ пониманія духа байроновской поэзіи... байронизмъ Лермонтова имѣлъ уже ту важную заслугу, что сохранилъ намъ несравненный талантъ поэта... Въ чисто художественномъ отношеніи байроновскій культъ вызвалъ въ неистощимо даровитой натурѣ поэта столько живыхъ образовъ... въ „Г. Н. В.“ побудилъ его дать такой завлекательный образецъ русскаго общественно-психологическаго романа...., что байроновскую школу слѣдуетъ признать въ его литературномъ развитіи высоко полезной“ [4]). Изслѣдователь, такимъ образомъ, признаетъ даже неполноту

---

[1]) А. Веселовскій. Западн. вліяніе въ нов. русск. лит., 204—205.

[2]) Ibid, 205—206.

[3]) Ibid, 206.

[4]) Ibid, 207—208.

пониманія Байрона Лермонтовымъ; но какъ же можетъ властно вліять по существу тотъ, кого не совсѣмъ понимаютъ? А слова: байроновскій культъ „вызвалъ“, „побудилъ“—приводятъ къ чисто служебному значенію его для нашего поэта.

Приблизительно такое же впечатлѣніе чего то недорѣшеннаго, даже неяснаго производитъ статья г. Спасовича о байронизмѣ Лермонтова. Такъ же, какъ и у Веселовскаго, она начинается категорическимъ заявленіемъ, что Лермонтовъ—вполнѣ дѣтище Байрона и что, не будь Байрона и его вліянія, изъ Лермонтова вышелъ бы, можетъ быть, крупный поэтъ не очень высокаго полета, съ узкимъ національнымъ направленіемъ, сильно державшійся за родную почву, а потому и популярный и любимый[1]); такъ же, какъ и Веселовскій, изслѣдователь ограничиваетъ потомъ свою мысль, признавая, что Лермонтовъ остался чуждъ политическимъ идеямъ и гуманизму Байрона, но что съ другой стороны „...по методу безпощаднаго психологическаго анализа авторъ „Г. Н. В.“ выходитъ далеко за предѣлы круга Байроновскаго вліянія и главенства[2]), и что *Лермонтовское настроеніе можетъ иногда показаться болѣе Байроновскимъ, чѣмъ у самого Байрона*, а Демонъ—произведеніе единственное, выходящее за предѣлы Байроновской поэзіи[3]). Сравнимъ подчеркнутое съ цитированными уже словами Ив. Иванова: „Барышня не могла и представить, что предъ ней другой Байронъ, по природѣ, можетъ быть, еще болѣе сильный и разносторонній, чѣмъ англійскій“—и мы увидимъ, что оба изслѣдователя пришли къ одному выводу изъ противоположныхъ посылокъ.

Къ мнѣнію Котляревскаго примыкаетъ и Бороздинъ, когда говоритъ: „что касается литературныхъ вліяній, то они были многочисленны и самымъ сильнымъ изъ нихъ признается вліяніе Байрона. Однако, если вдуматься въ поэзію Лермон-

[1]) Спасовичъ, сочиненія, II, 373.
[2]) Ibid. II, 379.
[3]) Ibid. II, 398 и 399.

това, то и это сильное вліяніе придется значительно ограничить, такъ какъ Байронъ увлекаетъ нашего поэта по родственности настроенія. Разочарованіе могло возникнуть у Лермонтова и самостоятельно, а Байронъ своей мрачной поэзіей даетъ отвѣтъ на тѣ вопросы, которые уже раньше назрѣли въ душѣ нашего писателя“ [1]).

Зато вполнѣ ясны и опредѣленны тѣ немногія слова, которыя удѣлилъ этому вопросу А. Пыпинъ, вполнѣ примыкающій къ новымъ выводамъ о самостоятельности творчества Лермонтова. „Вліяніе Байрона—читаемъ у него—на юношу Лермонтова указано самимъ поэтомъ; тѣмъ не менѣе трудно поставить Лермонтова въ такую полную зависимость отъ англійскаго поэта. Лермонтовъ былъ почти мальчикъ, когда познакомился съ Байрономъ впервые, но его собственная натура была исполнена такой бурной, непокорной энергіи, которой нельзя объяснить только чужимъ руководствомъ... Байронизмъ 30-хъ годовъ не былъ уже только личное и единичное вліяніе; это было настроеніе эпохи, созданное не однимъ Байрономъ“ [2]).

Мы прослѣдили цѣлый рядъ опытовъ и просто попытокъ рѣшенія вопроса о байронизмѣ Лермонтова, и, какъ видимъ, часть этихъ статей страдаетъ или узко-одностороннимъ пониманіемъ сущности вопроса, съ рѣзко выраженнымъ тяготѣніемъ въ сторону какой-либо одной опредѣленной основной посылки (мнѣнія Карелина, Ив. Иванова, Спасовича); большинство же изслѣдователей не въ состояніи разобраться твердо и опредѣленно даже въ своей основной посылкѣ, таковы А. Веселовскій, А. Галаховъ, Н. Стороженко и др.

И среди этого довольно пестраго калейдоскопа мягко и ровно мерцающей звѣздочкой представляется небольшая глава о „чтеній Лермонтова“ въ трудѣ Н. Котляревскаго „М. Ю. Лермонтовъ“. Подъ такимъ скромнымъ заголовкомъ находимъ

---

[1]) А. Бороздинъ. Лекціи по истор. русск. литер.. Лермонтовъ, 41.

[2]) А. Пыпинъ. Истор. русск. литературы, IV, 558, 9.

5—6 истинно прекрасныхъ страницъ по интересующему насъ вопросу, гдѣ сжато и просто сказано все, что съ психологической достовѣрностью можно сказать по данному вопросу. Исходная точка зрѣнія изслѣдователя та, что Лермонтовъ былъ предрасположенъ къ воспріятію байроническаго настроенія. И вотъ, какъ развивается эта мысль... „Намъ кажется, что вліяніе Байрона на Лермонтова... было... преувеличено... Лермонтовъ родился съ задатками этого (т. е. байроническаго) настроенія. Въ самомъ темпераментѣ Лермонтова было очень много сходнаго съ Байрономъ; ихъ роднило и ненасытимое самолюбіе, и жажда свободы, и мечты о великомъ призваніи. Лермонтовъ умеръ очень молодымъ и не могъ понять и усвоить вполнѣ байронической философіи, а потому развилъ и дополнилъ только одну ея сторону, сторону отрицанія... Двѣ основныхъ пружины лермонтовскаго творчества—его экзальтированная фантазія... и ранняя любовная впечатлительность—родились въ немъ независимо отъ всякаго литературнаго вліянія, были, такъ сказать, даромъ природы и только потомъ нашли себѣ подтвержденіе въ *титаническихъ* порывахъ и любовной меланхоліи Байрона“ [1]). Таковы основныя положенія.

Ниже они великолѣпно развиты въ слѣдующихъ словахъ: „Съ Байрономъ Лермонтовъ самъ сознавалъ свое духовное родство, когда онъ говорилъ, что онъ—Байронъ, „но только съ русскою душой“. Онъ сказалъ эти стихи не ради хвастовства, а скорѣе изъ чувства самозащиты, какъ будто предугадывая, что его назовутъ подражателемъ... Самыхъ важныхъ сторонъ творчества Байрона Лермонтовъ не усвоилъ... онъ ...нялъ только внѣшній колоритъ байроновскаго настроенія, ...оно сказалось въ первыхъ произведеніяхъ Байрона до ...та... Можно было совсѣмъ не знать Байрона и въ то ... написать поэму въ его духѣ... самостоятельно до... типа Гяура, Корсара и Лары... Упорство въ обри... ...чно одного и того же типа, который имѣетъ

—

Лермонтовъ, 52—53.

столько сходнаго съ типами Байрона, показываетъ намъ ясно, что этотъ постоянно повторяющійся образъ коренился глубоко въ душѣ поэта, былъ тѣсно и неразрывно связанъ съ самой природой, и никакъ не навѣянъ извнѣ. Дѣйствительно, Демонъ, Радинъ, Измаилъ-Бей, Вадимъ, Арбенинъ, Мцыри и Печоринъ кажутся намъ образами, выхваченными изъ поэмъ Байрона... а между тѣмъ всѣ эти типы ничто иное, какъ отраженіе психическаго міра самого автора, который... не могъ всю жизнь находиться подъ обаяніемъ хотя бы даже любимаго чтенія... Дарованіе Лермонтова было болѣе разносторонне, чѣмъ дарованіе Байрона. Онъ... еще въ 30-хъ годахъ... проявилъ въ своихъ драмахъ способность объективнаго наблюдателя и бытописателя, которую Байронъ обнаружилъ лишь подъ конецъ своей жизни" [1]).

Далѣе, изслѣдователь причину увлеченія Лермонтова Байрономъ видитъ главнымъ образомъ въ легендарной интересной личности послѣдняго, какъ предметъ увлеченія указываетъ скорѣе позу героя, чѣмъ его внутренній міръ, и въ противоположность гуманному принципу байроновскихъ героевъ выставляетъ эгоизмъ и холодность лермонтовскихъ. „Экзальтированный мечтатель, съ большой склонностью къ рефлексіи, съ очень туманными идеалами... скрытный и ищущій уединенья—Лермонтовъ жадно набросился на отрицательную сторону поэзіи Байрона... Фантастичность обстановки, меланхолія, отчужденность и гордое уединеніе, любовь, всегда кончающаяся печалью..., величіе героевъ...—все это плѣняло нашего поэта и находило отзвукъ въ его сердцѣ... байроновскіе типы понравились ему въ одинъ опредѣленный моментъ и въ одной опредѣленной позѣ... что же касается внутренняго развитія характера, то въ этой психологической мотивировкѣ нашъ поэтъ былъ вполнѣ самостоятеленъ. Онъ копировалъ самого себя"... [2]) Болѣе того: будучи одностороннимъ, это вліяніе „не

[1]) Ibid., 57—59.

[2]) Ibid., 60.

дало его (Лермонтова) уму готоваго рѣшенія занимавшихъ его вопросовъ жизни; съ одной стороны оно даже препятствовало развитію его творчества, но зато предохраняло человѣка и поэта отъ измельчанія" [1]).—Огромная цѣнность статьи Н. Котляревскаго состоитъ въ томъ, что она впервые доказала логически невозможность и ненужность для Лермонтова подчиненія Байрону, признавъ столь же необходимымъ и естественнымъ въ положеніи нашего писателя—опереться на творчество родного по духу брата, найти въ его мірѣ то же самое, что терзало и держало въ постоянной тревогѣ душу Лермонтова. Такимъ образомъ мы приходимъ къ высказанной уже мною мысли о фатальной поддержкѣ, оказанной твореніями и жизнью Байрона глубоко-трагическому земному бытію нашего поэта.

Какъ будто какія то невидимыя тончайшія нити тянутся отъ холодныхъ снѣговъ русскихъ къ туманнымъ берегамъ Темзы, а затѣмъ на ближній востокъ и обратно, и, противъ воли двухъ великихъ писателей, все же, какъ бы устанавливаютъ тайную связь, заставляющую, напримѣръ, Лермонтова часто думать о Байронѣ, еще чаще читать его, но никогда не говорить о немъ. И кажется, будто Лермонтовъ, всю жизнь идя своей дорогой, путемъ ему одному въ то время понятныхъ „странныхъ русскихъ людей" и горцевъ Кавказа,—поминутно оглядывается на другого, быть можетъ, еще болѣе несчастнаго и одинокаго человѣка, на то, что онъ написалъ, и, сразу узнавъ „свое", страстно углубляется въ близкое его душѣ, страстно желанное, но недоступное бытіе Манфреда и Каина, съ тѣмъ, чтобы очнуться отъ неосторожнаго вопроса какого нибудь любопытнаго Вистенгофа и сказать ему гнѣвно: „Для чего вамъ это хочется знать? Будетъ безполезно". А потомъ долгіе дни опять жить и думать все одному, съ единственнымъ поддерживающимъ сознаніемъ того, что остались поэмы Байрона...

---

[1]) Ibid., 61.

Посмотримъ теперь на тѣ родственныя струны, что звучали и въ личной жизни и въ аполлоновской лирѣ обоихъ великихъ недовольныхъ людей. Для насъ чрезвычайно важно, хотя въ главныхъ чертахъ, сдѣлать это именно потому, что такъ же важно и въ психологическомъ и историко-литературномъ отношеніи объяснить тотъ интимный, пожизненный интересъ, какой Лермонтовъ питалъ къ пѣвцу Гюльнары—человѣкъ, во всю свою жизнь не интересовавшійся серьезно никѣмъ, изъ всего Гете переведшій только „Горныя вершины" и своими симпатіями принадлежавшій прежде всего самому себѣ, хотя критикъ „Современника" и утверждалъ въ свое время довольно голословно, что Лермонтовъ „самостоятельными симпатіями принадлежалъ новому направленію и только потому, что послѣднее время своей жизни провелъ на Кавказѣ, не могъ раздѣлять дружескихъ бесѣдъ Бѣлинскаго и его друзей" [1]). Прежде всего и глубже всего какъ Лермонтова, такъ и Байрона роднитъ необыкновенно печальное для нихъ обстоятельство: нелюбовь и непониманіе со стороны соотечественниковъ;—обстоятельство, заставившее, напримѣръ, у насъ опуститься морально и впасть въ отчаяніе болѣе слабыя натуры, какъ напримѣръ Полежаева, Лермонтову же и Байрону привившее необыкновенное чувство духовнаго самосохраненія и сосредоточенія въ самомъ себѣ; эта послѣдняя черта и послужила поводомъ для толпы, даже интеллигентной, увидѣть въ нихъ „странныхъ" и даже преступныхъ людей, хотя, конечно, не въ томъ, а въ слишкомъ неразсчитанномъ дерзаніи души ихъ странность......—„Въ поэтѣ (т. е. Байронѣ),—читаемъ у Н. Котляревскаго,—видѣли художника, который воплотилъ въ себѣ лишь одну протестующую стихію человѣческаго духа, тревожный и мятежный порывъ страстной души,.... неспособнаго подняться надъ этой тревогой и найти ей разрѣшеніе въ глубокой философской или исторической концепціи міровой

---

[1]) Очерки Гоголевскаго періода русской литературы, „Современникъ", 1856, X, 29.

жизни... и поэзія Байрона..., есть лишь поэтическое выраженіе очень замкнутаго круга и притомъ однородныхъ чувствъ и мыслей. Вѣкъ, въ которомъ жилъ поэтъ, не нашелъ себѣ въ немъ полнаго выразителя и глашатая своего идеала“ [1]. Сопоставимъ это мѣсто со слѣдующими словами того же Н. Котляревскаго: „....въ стихахъ Лермонтова нѣтъ никакого опредѣленнаго міросозерцанія, нѣтъ никакихъ установившихся убѣжденій. Прежніе боги падаютъ, изъ ихъ праха возстаютъ новые, которымъ также суждено стоять на пьедесталѣ недолго... Лермонтовъ съ дѣтскихъ лѣтъ до самой смерти трудился надъ выработкой идеаловъ, надъ установленіемъ точекъ зрѣнія на міръ и свое призваніе и не пришелъ въ этой работѣ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ... Что могла дать обществу поэзія Лермонтова, иногда совсѣмъ оторванная отъ дѣйствительности, въ большинствѣ случаевъ узко субъективная?... Бѣлинскій утверждалъ, что поэзія Лермонтова была „умнѣе“ поэзіи Пушкина; но она была не „умнѣе“, а только „тревожнѣе“ [2]. Припомнимъ абсолютное отвращеніе Лермонтова ко всякаго рода теоріямъ, въ частности философскимъ, его единственный серьезный, да и то на общія темы, разговоръ съ Бѣлинскимъ, его историческую повѣсть „Вадимъ“, гдѣ панорамная обстановка пугачевщины дана въ сущности только для болѣе рельефнаго оттѣненія страннаго, властнаго горбуна Вадима; сдѣлаемъ все это и мы сразу поймемъ необыкновенную, во многихъ случаяхъ совпадающую въ деталяхъ близость душевныхъ міровъ англійскаго и русскаго творцовъ.

Лермонтовъ былъ сурово воспитанъ своей родиной; и николаевская Россія съ ея грубымъ обществомъ по существу была для его тонкой, нервной организаціи всегда злой мачехой, а не доброй матерью. Наконецъ, эта необыкновенно ранняя зрѣлость души и мысли нашего поэта, это безнадежно-унылое

---

[1]) Н. Котляревскій. „Міровая скорбь“, 166.

[2]) Н. Котляревскій. Лермонтовъ, 217—218.

тношеніе его къ людямъ въ 16 лѣтъ, смѣнявшееся нервными зрывами бурнаго, веселаго разгула съ ними же,—для насъ не овое явленіе, явленіе, имѣющее свой грустный прецедентъ: И Байронъ очень рано началъ говорить о презрѣніи къ свѣту, любви къ уединенію, вообще о ничтожествѣ людей и о томъ, то ему самому нѣтъ пути въ этомъ мірѣ. Говорилось се это въ 17, или 18 лѣтъ, и слезы разочарованія лились одъ самый бурный аккомпаниментъ головокружительно смѣявшихся увлеченій"[1]. Что же удивительнаго въ томъ, что ермонтовъ, инстинктивно стремившійся подобно своему далеому предку Томасу Лермонту ко всему возвышенному и загаочному, съ необыкновенной готовностью раскрываетъ свою ушу чарующимъ звукамъ „Манфреда" и „Каина". Я думаю аже, что при одномъ взглядѣ на божественный, безукоризненый по линіямъ профиль лорда Байрона у сутуловатаго Лермонтова должна была родиться горделивая радость за этого близаго къ совершенству избранника съ душою, столь близкой ему.

Не имѣя въ данномъ трудѣ въ виду детальнаго сопоставенія родственныхъ мотивовъ обоихъ писателей, я все же становлюсь нѣсколько подробнѣе на тѣхъ отдѣльныхъ строахъ и строфахъ поэмъ Лермонтова и Байрона, которыя покаутъ намъ, какъ иногда звучали въ унисссонъ лиры обоихъ еликихъ „странныхъ людей".

Въ драмѣ „Странный человѣкъ" молодой Арбенинъ такъ писываетъ душевную муку юноши, потерявшаго свою возюбленную;

Какъ мраморъ блѣдный и безгласный, онъ
Стоялъ. Вѣка ужасныхъ мукъ равны
Такой минутѣ.[2]

У Байрона Манфредъ въ разговорѣ съ охотникомъ такъ писываетъ свою жизнь:

---

[1]) Ив. Ивановъ. Предисловіе къ поэмѣ „Корсаръ", VI, с. с. Байрона, редакц. енгерова, I, 278.

[2]) Сочин. Лермонтова, IV, 201.

....Я влачу
Свой жалкій вѣкъ, иное помня время.
Мое лицо морщинами изрыто:
Но не года... мгновенья страшной муки,
мгновенья, что тянулися, какъ вѣчность—
Родили ихъ... [1])

Арбенинъ, какъ „странный человѣкъ“:

Самъ не знаетъ, чего хочетъ.

Манфредъ въ 1-ой сценѣ, сильно напоминающей монологъ Фауста (Гёте, „Фаустъ“, д. I, сц. I), также говоритъ о себѣ:

Съ тѣхъ поръ ей (т. е. душѣ) чужды страсти и желанья [2]).

Не зная, какъ объяснить характеръ Арбенина („Маскарадъ“), Казаринъ объясняетъ его природой:

Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить! Дуракъ, кто говоритъ! [3])

Манфредъ даетъ такое же объясненіе аббату:

Я обуздать не могъ своей природы. [4])

Въ числѣ особенностей Печорина наиболѣе замѣчательна была та, что

глаза его не смѣялись, когда онъ смѣялся. [5])

Это свойство раздѣляетъ онъ съ Ларой:

Лишь на устахъ скользитъ она (улыбка) всегда,
Но нѣтъ въ глазахъ веселости слѣда [6]).

Какъ сердце Измаила уподобляется темной поверхности моря, покрытой ледяной корой до первой бури, такъ и душа Азо (Байронъ, „Паризина“)

---

[1]) Н. Гербель. Полн. собр. сочин. Байрона, II, 316.
[2]) Ibid., II, 307.
[3]) Сочин. Лермонтова, IV, 257—258.
[4]) Н. Гербель. Полн. собр. сочин. Байрона, II, 338.
[5]) Сочин. Лермонтова, V, 231.
[6]) Полн. собр. сочин. Байрона, ред. Венгерова, I, 362.

. . . . забывать
Способна не была
. . . .
Такъ льда густой и твердый слой
Покроетъ лишь поверхность водъ.—
Неудержимо такъ живой
Подъ хладною корой течетъ
И течь не можетъ перестать. [1])

Описывая въ эпилогѣ къ „Демону“ покинутый замокъ, въ которомъ жилъ отецъ Тамары, Гудалъ, Лермонтовъ говоритъ:

Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы [2]).

Буквально то же читаемъ и въ поэмѣ „Гяуръ“:

Тамъ паутины лишь узоръ
Заткалъ въ пустынныхъ залахъ нити [3]).

вообще вся картина заброшеннаго замка у Лермонтова удивительно напоминаетъ картину запустѣнія Гассанова дворца „Гяуръ“):

Подобно тому, какъ Измаилъ-Бей —

Старикъ для чувствъ и наслажденья
Безъ сѣдины между волосъ [4]).

И Манфредъ говоритъ аббату:

.....На меня
Взгляни, старикъ! На свѣтѣ люди есть,
Что въ юности ужъ стары [5]).

безсмѣнная мысль—такое же мученіе Манфреда, какъ и Измаила-Бея и Арбенина:

Мой сонъ—не сонъ, а тяжкая дремота,
Лишь продолженье думъ неотразимыхъ,
Тяжелыхъ думъ!... [6])

---

[1]) Ibid., I, 463.
[2]) Сочин. Лермонтова, III, 44.
[3]) Полн. собр. сочин. Байрона подъ редакц. Венгерова, I, 228.
[4]) Сочин. Лермонтова, II, 78.
[5]) Н. Гербель. Полн. собр. соч. Байрона, II, 339.
[6]) Ibid., II, 307.

подслушало ихъ болѣзненныхъ стоновъ" [1]). Обратимся, однако, къ дальнѣйшимъ параллелямъ. Наканунѣ дуэли съ Грушницкимъ, Печоринъ заноситъ въ свой дневникъ:

> И, можетъ быть, я завтра умру! и не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе—мерзавецъ. И то, и другое будетъ ложно [2]).

Байронъ выразился уже болѣе опредѣленно о характерѣ Лары, сказавъ:

> Лишь меньшинство мудрѣйшихъ сознавалось,
> Что лучше онъ, чѣмъ съ виду имъ казалось [3]).

Узнавъ о помѣшательствѣ Владимира Арбенина, одинъ изъ гостей въ домѣ графа N такъ говоритъ объ Арбенинѣ:

> У него нашли множество тетрадей, гдѣ отпечаталось все его сердце; тамъ стихи и проза; есть глубокія мысли и огненныя чувства. Я увѣренъ, что если бы страсти не разрушили его такъ скоро, то онъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: въ его опытахъ виденъ геній... [4])

Почти такъ же говоритъ аббатъ о Манфредѣ, предчувствуя его безуміе:

> Какъ много благородства въ немъ
> И гордой силы воли! Много пользы
> Онъ могъ бы принести, когда бъ направить
> На правый путь всѣ эти силы духа...
> Теперь все хаосъ въ немъ: и мракъ, и свѣтъ,
> Смѣшеніе возвышенныхъ стремленій
> Съ пустымъ и жалкимъ бредомъ. Онъ погибнетъ... [5])

---

1) А. Галаховъ. Лермонтовъ, „Русск. Вѣстн.", 1858, VII, 284—285.
2) Сочин. Лермонтова, V, 310.
3) Полн. собр. соч. Байрона, редакц. Венгерова, I, 357.
4) Сочин. Лермонтова, IV, 246.
5) Н. Гербель, полн. собр. сочин. Байрона, II, 340.

Необыкновенный трагизмъ положенія, какъ видимъ, и у Байрона и у Лермонтова въ томъ, что положительныя возможности героевъ фатально скрыты отъ людей, и о нихъ знаютъ слишкомъ поздно: послѣ ихъ сумасшествія, или смерти.

Извѣстный монологъ Печорина—„Да, такова была моя часть съ дѣтства"—находитъ себѣ параллель въ слѣдующей характеристикѣ Конрада („Корсаръ"):

....въ силу рѣдкихъ качествъ очень рано
Былъ обреченъ стать жертвою обмана.
И добродѣтель, какъ источникъ зла,
Онъ проклялъ . . . .
Не вѣрилъ онъ, что есть же исключенья,
Что и добро приноситъ наслажденье.
Онъ въ юности постигъ надеждъ тщету,
Позналъ гоненье, зависть, клевету;
Людей возненавидѣлъ такъ глубоко,
Что совѣсть не извѣдала упрека [1]).

Наконецъ, въ наружности Печорина находимъ массу чертъ, сближающихъ его съ Конрадомъ и Манфредомъ:

Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе... перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической рукѣ... бѣлокурые волосы, вьющіеся отъ природы, такъ живописно обрисовывали его блѣдный, благородный лобъ, на которомъ по долгомъ наблюденіи можно было замѣтить слѣды морщинъ, пересѣкавшихъ одна другую. Усы его и брови были черные—признакъ породы въ человѣкѣ... имѣлъ одну изъ тѣхъ оригинальныхъ физіономій, которыя особенно нравятся женщинамъ [2]).

Сравнимъ этотъ портретъ съ портретомъ Конрада:

Онъ былъ могучъ, но все же не Атлантъ,
Обычный ростъ, далеко не гигантъ...
. . . . царственно и смѣло

---

[1]) Полн. собр. сочин. Байрона, ред. Венгерова, I, 295—6.
[2]) Сочин. Лермонтова, V, 230—2.

Изъ подъ кудрей чернѣющихъ бѣлѣло
Чело; изгибъ губы изобличалъ
Величье думъ . . . .
А складки вмѣстѣ съ блѣдностью лица,
Смущая взоръ, влекли къ нему сердца [1]).

Или же со словами охотника Манфреду:

Судя по твоему лицу и платью
Ты знатнаго рожденья [2]).

Приведенныя параллели, иногда до страннаго сходныя между собою, показываютъ намъ необыкновенную гармонію мыслей и чувствъ обоихъ поэтовъ. Такихъ мѣстъ, конечно, могло бы быть гораздо больше, но приведенныя мною—единственныя, свидѣтельствующія о нѣкоторомъ, правда очень скромномъ пристрастіи Лермонтова къ внѣшнимъ формамъ и выраженіямъ мысли Байрона.

Ниже, при разсмотрѣніи „Демона", я коснусь еще нѣкоторыхъ, родственныхъ Демону чертъ байроновскаго Люцифера („Каинъ"). Свой же экскурсъ въ область высоко-интереснаго вопроса о байронизмѣ Лермонтова, такъ же, какъ и вопроса о личной жизни нашего поэта въ періодъ 1830—35 гг. я считаю оконченнымъ. Во всемъ и вездѣ мы видимъ постоянно грустный образъ нашего поэта, не перестающаго думать свою глубокую, одинокую думу. Даже жутко становится отъ той необыкновенно-упорной воли, которая можетъ сохранить поэта за это безотрадное пятилѣтіе, можетъ пронести сокровища его сердца и ума какъ въ какой то волшебной сказкѣ, нетронутыми, сильными и потомъ заставить ихъ работать напряженно, но всегда съ желѣзной логикой высшаго существа, до самаго дня смерти. Общество удивляется странному писателю съ его оскорбительнымъ индифферентизмомъ, потомъ блестяще воплощенномъ въ Печоринѣ. Но ему нѣтъ ни до кого никакого дѣла; онъ пишетъ и переписываетъ свое люби-

---

1) Н. Гербель. Полн. собр. сочин. Байрона, II, 318.

2) Полн. собр. соч. Байрона, ред. Венгерова, I, 294.

мое дѣтище—„Демона“, а въ головѣ уже смутно зарождается мысль о маленькомъ Демонѣ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ—Печоринѣ. Общество, передовая молодежь, ея кумиры—Станкевичъ и Бѣлинскій—все это нимало не интересуетъ нашего поэта. И вотъ свидѣтельство Пыпина, лишній разъ подтверждающее эту мысль: „Гоголь... Кольцовъ... Лермонтовъ... Всѣ они являются совершенно независимо одинъ отъ другого, изъ различныхъ круговъ общества... независимо отъ критической школы круга Бѣлинскаго“ [1]).

---

[1]) А. Пыпинъ. Историческіе очерки. Ст. 447.

ГЛАВА VII.

—„Маскарадъ“.

И вотъ, въ 1835 году, Лермонтовъ неожиданно подымаетъ забрало и выступаетъ со своимъ „Маскарадомъ“—эффектъ необычайный. Ибо не въ обличеніи жизни игроковъ было тутъ дѣло, а въ чемъ то болѣе важномъ для поэта. И скоро поняли, что за 4 года странный поручикъ Лермонтовъ много передумалъ о смыслѣ жизни своихъ несчастныхъ, затравленныхъ Юрія Волина и Вл. Арбенина, и, наконецъ, рѣшилъ показать всѣмъ ту пропасть, которая необходимо должна была образоваться между скорбными годами разочарованія въ людяхъ, смѣшаннаго со смутными послѣдними проблесками надежды на нихъ,—и состояніемъ абсолютнаго презрѣнія къ людямъ, отчужденія отъ нихъ, въ какомъ находимъ Арбенина въ „Маскарадѣ“. Психологическая субстанція героя, какъ увидимъ, все та же, что и у старыхъ, но только доведенная логически до nec plus ultra, до безнадежныхъ положеній, изъ которыхъ только 2 выхода: или сумасшествіе и смерть (какъ это и было въ раннихъ драмахъ), или же абсолютное бѣгство отъ человѣчества навѣки. Куда? Неизвѣстно. Быть можетъ, въ насмѣшливый, эгоистическій, индифферентный міръ Печориныхъ, быть можетъ, въ міръ гордыхъ надчеловѣческихъ думъ Демона. И то, и другое одинаково вѣроятно для психологіи „страннаго человѣка“, дошедшаго до крайнихъ граней таинственнаго круга своего земного бытія, круга, за которымъ его,—

прозорливца и вѣдуна,—уведутъ куда то чудныя грезы иного міра, какъ увели нѣкогда въ царство фей Томаса Лермонта бѣлые олени.

Это исключительно-безнадежное положеніе одинокаго человѣка въ его арбенинской фазѣ развитія логически выведено изъ тѣхъ посылокъ, какія даны Лермонтовымъ въ предыдущихъ произведеніяхъ. „Постепенно, съ какимъ то даже болѣзненнымъ сладострастіемъ, разочаровалъ онъ своего „страннаго человѣка“: Волина—въ семьѣ, Арбенина („Странный человѣкъ“)—въ семьѣ и дружбѣ, Радина—въ семьѣ, дружбѣ и любви; у Вадима онъ отнялъ свободу, у Измаила—родину и вѣру“.[1]) Позорное глумленіе надъ самыми дорогими для человѣчества цѣнностями идетъ въ безпощадномъ crescendo. „Странному человѣку“, его земнымъ радостямъ, его земной инерціи наносится ударъ за ударомъ; быстро, не давая опомниться, авторъ дѣлаетъ эти свои странные эксперименты, какъ бы зло испытывая земную привязанность, земную глупость своего героя, путемъ постояннаго причиненія ему страданій заставляя его, наконецъ, сознать ужасъ своего положенія. Эти эксперименты жестоки, но благодѣтельны для израненной души героя: они заставятъ его перестрадать и.... выйти изъ этого горнила людскихъ мукъ и страстей свободнымъ отрицателемъ, при случаѣ—мстителемъ за все. Но, поставленный внѣ всякихъ духовныхъ связей съ обществомъ, человѣкъ съ бурными страстями, Арбенинъ долженъ былъ куда-нибудь приложить тотъ запасъ силъ, физическихъ и духовныхъ, какими его одарила природа. Онъ долженъ былъ найти какое нибудь поле дѣятельности и нашелъ его въ игрѣ, т. е. въ постоянномъ рискѣ, который щекоталъ его нервы. Но и здѣсь разочарованіе, досадное, скучное:

Я вижу все насквозь, всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю [2]).

---

[1]) Котляревскій. Лермонтовъ, 142.

[2]) „Маскарадъ“, 1-ая ред. I, 1.

И то, что у Радиныхъ, Волиныхъ находилось въ потенціальномъ состояніи дерзкой мечты,—у Арбенина въ „Маскарадѣ“ отлито уже въ строгія, законченныя въ линіи формы. Герой уже не въ состояніи динамики, состояніи, представляющемъ нерѣшенное еще уравненіе. Его обликъ на протяженіи всей драмы останется однимъ и тѣмъ же, и если Радина, Волина и Вл. Арбенина можно причислить къ ищущимъ еще натурамъ, то Арбенинъ „Маскарада“—вполнѣ выявленный резонеръ, проповѣдующій странную для людей доктрину гордаго одиночества. Уже въ первыхъ сценахъ Арбенинъ, подъ видомъ совѣта игроку, высказываетъ Звѣздичу свой тезисъ:

Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь...
Все презирать: законъ людей, законъ природы...
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ [1])

Дальнѣйшій разговоръ съ княземъ—развитіе этого тезиса:

Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ;
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, что былъ къ нему привязанъ,
А просто видѣлъ пользу въ томъ [2]).

И ниже:

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестрѣетъ и жужжитъ толпа передо мной.
Но сердце холодно, и спитъ воображенье;
Они всѣ чужды мнѣ, и я имъ всѣмъ чужой [3]).

Наконецъ, даже при видѣ предсмертныхъ судорогъ отравленной имъ жены, Арбенинъ не забудетъ о себѣ, своемъ одиночествѣ, трагически подчеркнетъ его:

Да, ты умрешь—и я останусь тутъ
Одинъ, одинъ... Года пройдутъ,
Умру—и буду все одинъ... Ужасно! [4])

---

[1]) Сочин. Лермонтова, IV, 255—6.
[2]) Ibid., IV, 259.
[3]) Ibid., IV, 274. („Маскарадъ“, 1-ая ред. I, 3).
[4]) Ibid., IV, 332.

Эти знакомые намъ мотивы пополняются однако двумя весьма интересными штрихами, именно: по поводу дерзкихъ словъ неизвѣстной маски Арбенинъ замѣчаетъ:

Трусливый врагъ какой нибудь,
А имъ вѣдь у меня нѣтъ счету [1]).

Такимъ образомъ, Арбенинъ ставитъ точку надъ і; прежнее одиночество получило уже характеръ одиночества среди враговъ, а не просто чуждыхъ людей: смутно намѣчается моментъ, когда „страннаго человѣка" начнутъ бояться, начнутъ гнать его. Во-вторыхъ, эгоистическія сужденія Арбенина произносятся имъ съ убійственной холодностью и равнодушіемъ; это уже не страстныя восклицанія и проклятія героевъ до 1831 года, сопровождавшіяся, какъ вспомнимъ, обмороками и глубокими душевными реакціями. И грустно, больно становится за этого несчастнаго человѣка, потерявшаго все „здѣсь" и не имѣющаго еще ничего „тамъ", человѣка, у котораго „не было никакого увлеченія" [2]), который вспоминаетъ съ сожалѣніемъ, я бы сказалъ, съ безсознательнымъ цинизмомъ, одно— „разгулъ и рискъ своей честью, которымъ онъ отдавался въ юности" [3]), у котораго „въ юности не было ничего святого, даже не было любви, которая играетъ такую важную роль въ юности всѣхъ остальныхъ лермонтовскихъ героевъ" [4]).

Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ,
Любимъ былъ часто нѣжно, страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку...
И тяжко стало мнѣ, и скучно жить! [5])

Слова „романа не начавъ, я зналъ уже развязку" находятъ полную параллель въ признаніи Печорина:

---

[1]) Ibid., IV, 265.
[2]) Н. Котляревскій, Лермонтовъ, 140.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Сочин. Лермонтова, IV, 271.

Завтра она (т. е. Мери) захочетъ вознаградить меня.
Я все это ужъ знаю—вотъ что скучно [1]).

Ниже, въ страстномъ монологѣ предъ женой, какъ бы предчувствуя скорую потерю ея, Арбенинъ просто и ясно открываетъ свою темную душу. Вотъ это замѣчательное и по стилю, и по формѣ мѣсто, являющееся центральнымъ въ характеристикѣ героя:

. . . . я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ,
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я;
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ!
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли. [2]).

На что Нина говоритъ ему:

Ты странный человѣкъ! [3])

Что же такое для Арбенина жена? Въ этомъ мірѣ—все, „все эгоистическое счастье Арбенина. Съ ея исчезновеніемъ исчезаетъ и послѣдняя нить, привязывавшая этого человѣка къ жизни". [4]) Еще въ „Измаилъ-Беѣ" находимъ довольно опредѣленное указаніе на наличность въ жизни суроваго Измаила единственной, глубокой любви къ женщинѣ, любви, изъ-за которой онъ безжалостно прочтетъ отповѣдь въ онѣгинскомъ духѣ страстно любящей его Зарѣ. И, когда убили его, и черкесы разстегнули его чекмень, „пробитый пулей роковой", то—

.... какой то локонъ золотой
(Конечно талисманъ земли чужой)
Подъ грубою одеждою измятой,

---

1) Ibid., V, 286.
2) Сочин. Лерм. IV, 274 („Маскарадъ", I ред., I, 3).
3) Ibid., („Маскарадъ", I ред., I, 3).
4) Котляревск. Лермонтовъ, 143.

И бѣлый крестъ на лентѣ полосатой
Блистали на груди у мертвеца... [1])

Тамъ эта огромная любовь полудикаго горца, равная по силѣ только его патріотизму, была въ прошломъ; Арбенинъ наслаждается ею безраздѣльно, но гибнетъ отъ нея—въ настоящемъ. И муки Арбенина должны быть ужасны. Женщина, благодаря которой въ душѣ Арбенина произошелъ переворотъ, которой онъ говоритъ:

Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.
Все, что осталось мнѣ отъ жизни—это ты:
Созданье слабое, но ангелъ красоты!
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье...
Я человѣкъ—пока они мои;
Безъ нихъ—нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья! [2]).

— которую онъ полюбилъ со всею страстью дикаго человѣка,—она, по его глубокому убѣжденію, измѣнила ему, и съ этой минуты начинается медленная, но вѣрная смерть души его для этой земли, которая завершится появленіемъ неизвѣстнаго, полу-аллегорической, таинственной личности, олицетворяющей—по мнѣнію Н. Котляревскаго—совѣсть Арбенина, мстящую ему за свои униженія. Великое, но раздавленное чувство только и можетъ найти себѣ исходъ въ растерянныхъ восклицаніяхъ:

Повсюду зло, вездѣ обманъ! [3])

или:

.... Глупецъ, кто въ женщинѣ одной
Мечталъ найти свой рай земной. [4]).

Или наконецъ:

Мнѣ ль быть супругомъ и отцомъ семейства?
Мнѣ ль, мнѣ ль, который испыталъ

---

[1]) Соч. Лерм. II, 136.
[2]) Ibid. IV, 279.
[3]) Ibid., IV, 299.
[4]) Ibid., IV, 300.

Всѣ сладости порока и злодѣйства
И передъ ихъ лицомъ ни разу не дрожалъ? [1])

Но это чувство цѣлью всего существованія поставитъ теперь мысль о мести. Арбенинъ сразу теряетъ свое самообладаніе; на протяженіи нѣсколькихъ страницъ онъ превращается въ слабонервнаго, въ буквальномъ смыслѣ слова, дрожащаго отъ постигшаго его удара субъекта, И когда баронесса Штраль пытается разувѣрить его въ его ошибочномъ убѣжденіи, онъ, не дослушавъ, убѣгаетъ съ рѣшеніемъ отравить жену,—сцена, знакомая намъ уже изъ раннихъ драмъ, особенно изъ „Люди и страсти“, гдѣ Юрій Волинъ, не дослушавъ объясненій Любови и убѣжденный въ ея измѣнѣ, кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Другая, быть можетъ еще сильнѣйшая сторона трагедіи въ томъ, что гибель лицъ не оправдана необходимостью. Лермонтовъ въ „Маскарадѣ“ идетъ по пути Шекспира. Но Арбенинъ—въ прошломъ негодяй, а въ настоящемъ низкій ревнивецъ, ничего не дающій женѣ и всего отъ нея требующій,—конечно не чета Отелло и отнюдь не герой. Какъ человѣкъ злобный и страстный, онъ способенъ на злодѣяніе, но для него, какъ для человѣка мелкаго и низкаго, эта способность не есть необходимость... Логика страсти отсутствуетъ въ драмѣ [2]). Какъ карающая Немезида, является у гроба Нины Неизвѣстный и нѣсколькими словами ввергаетъ психику Арбенина въ такую бездну, изъ которой два выхода: или смерть, или сумасшествіе. Авторъ и далъ два отвѣта. Въ 1-ой редакціи „Маскарада“, гдѣ положеніе главнаго героя и его жены представляетъ нѣкоторое сходство съ драматической завязкой „Отелло“ [3]), Арбенинъ убиваетъ свою жену, не вѣря ея клятвамъ, и когда убѣждается въ своей роковой ошибкѣ, то сходитъ съ ума. Во второй редакціи финалъ совсѣмъ измѣненъ.

---

[1]) Ibid., IV, 302.

[2]) С. Южаковъ „Любовь и счастье въ произв. русск. поэзіи“, „Сѣв. Вѣстн.“ 1887 г. II, 162.

[3]) Котляревскій, Лермонтовъ, 139.

Жена Арбенина—уже не преданная Дездемона; она признается открыто мужу въ своей, впрочемъ минутной, любви къ другому, а „Арбенинъ, убѣдившись въ томъ, что жена его обманула въ своихъ оправданіяхъ, изъ грознаго ревниваго мужа становится разсудительнымъ обличителемъ и послѣ пышнаго монолога на тему о женской невѣрности... навсегда покидаетъ свою жену, оставляя насъ въ полномъ невѣдѣніи относительно дальнѣйшей ея судьбы и своей собственной". [1]) Психологическая задача дѣйствительно допускаетъ тутъ два рѣшенія. Авторъ могъ оттѣнить либо мстительную черту въ характерѣ Арбенина, либо... его презрѣніе къ людямъ... Сначала онъ заставилъ Арбенина убить свою жену и сойти съ ума, но недовольный этимъ рѣшеніемъ, намекавшимъ на извѣстную слабость въ характерѣ героя, онъ передѣлалъ драму: заставилъ Арбенина пережить и этотъ ударъ, съ презрѣніемъ взглянуть на свою жену и навѣки удалиться. [2]) Въ первомъ случаѣ мы можемъ повторить заключительныя слова Неизвѣстнаго объ Арбенинѣ:

И этотъ гордый умъ сегодня изнемогъ... [3]).

И принявъ эти слова, мы опять подведемъ сильнаго Арбенина подъ категорію морально пасующихъ въ своемъ несчастіи и капитулирующихъ предъ судьбой героевъ юношескихъ драмъ Лермонтова. Между тѣмъ эволюція „страннаго человѣка", нормальный ходъ ея несомнѣнно заставитъ насъ принять финалъ 2-й редакціи. За 4 года молчанія, какъ я уже сказалъ, „странный человѣкъ" сталъ упрямымъ, стойкимъ; его не такъ то легко сломить; на людей онъ смотритъ, какъ на подчиненныя ему существа низшаго порядка, ибо въ своемъ неожиданномъ горѣ онъ искренно восклицаетъ:

И гдѣ та власть, съ которою порой
Казнилъ толпу я словомъ, остротой? [4]).

---

[1]) Котляревскій, Лермонтовъ, 39.

[2]) Ibid., 144.

[3]) Сочин. Лерм. IV, 346.

[4]) Ibid., IV, 320.

И если есть богоборчество, то, вѣдь, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ ясно выраженнымъ человѣкоборчествомъ; правда, „странный человѣкъ“ не побѣдилъ, его слабость къ женщинѣ стала для него трагедіей, но вѣдь и его не побѣдили: показали ему только злобно его собственную ужасную ошибку. И онъ—сильный, гордый, вновь одинокій—конечно, долженъ уйти отъ людей, но не сойти съ ума. Такимъ образомъ глубоко неправильнымъ съ точки зрѣнія эволюціи „страннаго человѣка“, его освобожденія отъ людей—является конецъ драмы въ 1-ой редакціи. И вотъ мы передъ большимъ вопросомъ:

Куда же ему уйти? И опять два отвѣта отъ автора, два самыхъ разнообразныхъ рѣшенія.

Въ одномъ случаѣ—въ „Демонѣ“—апоѳеозъ одинокаго существованія духа зла и отверженія; въ другомъ—„Героѣ нашего времени“—довольно двусмысленный и едва ли не мишурный пьедесталъ Печорина, этого „страннаго человѣка“, посаженнаго авторомъ послѣ потрясающей арбенинской исторіи въ самый центръ пошлаго людского муравейника на кавказскомъ курортѣ и—порою талантливо, порою бездарно—разыгрывающаго роль мелкаго, но вреднаго бѣса. Изъ этихъ двухъ отвѣтовъ мы, однако, всецѣло должны будемъ принять первый, какъ опять-таки логическое, нормальное развитіе жизненной идеи автора; должны будемъ принять, какъ дальнѣйшій этапъ, Демона, а не Печорина, представляющаго характерное и интересное уклоненіе отъ основной программы, выведеннаго предъ „всенародныя очи“ авторомъ даже какъ оффиціальная уступка начинавшемуся въ душѣ поэта повороту къ здоровой земной жизни.

ГЛАВА VIII.

—„Демонъ“.

Печоринъ, это—полупризнаніе поэта въ какой то неправдѣ его „страннаго человѣка“, это—деликатное и еще нерѣшительное стремленіе наказать его. Но Демонъ—великолѣпная, блестящая глава въ большой книгѣ поэта „о странномъ человѣкѣ“, глава, надъ которой Лермонтовъ работалъ всю жизнь. Какъ будто въ немъ осуществилась безумная мечта объ одинокомъ, могучемъ, витающемъ надъ обыкновенными людьми „странномъ человѣкѣ“. Сами по себѣ прекрасны образы и сравненія этой поэмы, но они еще прекраснѣе, какъ чудные абстрактные символы земныхъ мытарствъ Волина, Радина, Измаилъ-Бея, Арбенина, Мцыри.

Царство эѳира находится надъ царствомъ неприступныхъ вершинъ, дикихъ ущелій и бурныхъ потоковъ Терека; хорошо въ немъ жить Демону, но и тутъ онъ не спасется отъ ошибки смертнаго: полюбитъ. Откуда онъ—неизвѣстно. Онъ—большая сумма, составившаяся изъ массы слагаемыхъ, душъ недовольныхъ, одинокихъ, оскорбленныхъ жизнью людей. И душа Арбенина вошла радостно въ эту сумму—должна была войти. Пришли какіе-то чудные бѣлые олени и увели, какъ вѣдуна Томаса Лермонта, въ царство эѳира, гдѣ нашлась своя фея—Тамара. Какъ будто несчастная душа усопшей жены Арбенина, задумавъ ужасную месть, перевоплотилась въ Тамару, чтобы найти своего убійцу, еще разъ погибнуть отъ его гибельной любви, еще разъ повергнуть его въ холодное отчаяніе и страхъ.

Вотъ, что говоритъ по этому поводу Н. Котляревскій: „какъ въ „Демонѣ“ Лермонтовъ создалъ аллегорическій типъ, такъ въ „Маскарадѣ“ онъ незамѣтно для самого себя перешелъ за границу дѣйствительнаго міра и, вмѣсто живого образа, создалъ снова какой-то полу-символическій образъ; одѣлъ своего „Демона“ въ модный фракъ и замѣнилъ сказочную обстановку игорнымъ домомъ и баломъ“ [1]. И далѣе: „У Арбенина есть и своя Тамара; его, какъ и Демона, обновила любовь, такая же страстная, хотя болѣе глубокая; любовь эта такъ же гибельна, какъ и любовь отверженнаго духа. Въ 1-ой редакціи „Маскарада“ жену Арбенина постигаетъ участь Тамары; во 2-ой участь Демона раздѣляетъ самъ Арбенинъ“ [2]. Наконецъ: „онъ, т. е. Арбенинъ, промелькнулъ, какъ видѣніе, какъ Демонъ“ [3]. Черты демонизма намѣчаются въ Арбенинѣ съ перваго же его появленія въ пьесѣ. Вотъ, что говоритъ о немъ Казаринъ Шприху:

Глядитъ ягненочкомъ,—а, право, тотъ же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить! Дуракъ, кто говоритъ!
Пусть ангеломъ и притворится
Да чортъ то все въ душѣ сидитъ! [4]

Нинѣ Арбенинъ говоритъ:

.... я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она, какъ камень,... Но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться! [5]

А когда обезчещенный имъ за игрой Звѣздичъ со страхомъ восклицаетъ:

Да, въ васъ нѣтъ ничего святого!
Вы человѣкъ, иль демонъ?

---

[1]) Н. Котляревскій. Лермонтовъ, 142.
[2]) Ibid., 143.
[3]) Ibid., 144.
[4]) Сочин. Лермонтова, IV, 257—258.
[5]) Ibid., IV, 259.

рбенинъ отвѣчаетъ:

Я?—игрокъ. [1])

ина умираетъ; ядъ терзаетъ ея внутренности. Но ея мольба:

О сжалься! Пламень разлился
Въ моей груди; я умираю...

-встрѣчаетъ сатанински-жестокія слова Арбенина:

Такъ скоро? Нѣтъ еще; осталось полчаса. [2])

его принадлежность къ высшей надчеловѣческой категоріи ществъ, непонятной людямъ, какъ бы подтверждается осторожными словами Неизвѣстнаго:

. . . . я разбирать не буду
Твоей души—ее пойметь лишь Богъ,
Который сотворить одинъ такую могъ! [3])

акъ же, какъ и страннымъ признаніемъ самого Арбенина редъ умирающей женой:

Мгновенно въ міръ перелетѣть другой,
Покуда умъ былымъ еще не тяготится,
Покуда съ смертію легка еще борьба,—
Но это счастіе не всѣмъ даетъ судьба. [4])

Таковы—въ главныхъ чертахъ—тѣ безспорно ясныя указанія демоническихъ чертъ Арбенина, которыя даются въ Маскарадѣ". Нѣкоторыя параллели изъ „Демона" и „Маскарада" окончательно подтвердятъ намъ духовное тождество рбенина съ одной стороны и Демона—какъ отвлеченной и акъ стилизованной схемы его—съ другой стороны.

Прежде всего мы встрѣтимся тутъ съ поразительно точымъ и одинаковымъ толкованіемъ психологіи любви, какъ Арбенина, такъ и у Демона. Отъ начала до конца схема ыдержана строго. „Демонъ долженъ перестать быть демономъ; ерезъ сомнѣніе онъ долженъ возвыситься до вѣры, черезъ азрушительный протестъ и безпощадную критику онъ дол-

---

[1]) Ibid., IV, 317.
[2]) Ibid., IV, 330.
[3]) Ibid., IV, 341.
[4]) Ibid., IV, 329.

женъ подняться до исполненнаго добра и вѣры въ добро творчества... И что же можетъ открыть эти великiе пути Демону, какъ не любовь, эта святая искра, пробудившая въ любящемъ сердцѣ самоотверженiе, жажду добра, симпатiи ко всему живущему"?[1]) И для Демона и для Арбенина любовь къ Тамарѣ и Нинѣ является чѣмъ то чуткимъ, неожиданнымъ, въ то же время радостнымъ, сразу выносящимъ ихъ изъ той духовной пропасти, въ которую они готовы упасть, является очистительнымъ огнемъ для ихъ душъ. Арбенинъ говоритъ:

И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся;
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ... и увидалъ, что я ее люблю.
И стыдно молвить—ужаснулся![2])

И далѣе:

. . . . черствая кора
Съ моей души слетѣла—мiръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно;
И я воскресъ для жизни и добра.[3])

А вотъ что почувствовалъ alter ego Арбенина:

И Демонъ видѣлъ... На мгновенье,
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ, и вновь
Въ нѣмой души его пустыню
Проникла молнiей любовь,
И онъ опять постигъ святыню
И мiръ добра и красоты.[4])

И ниже:

Съ челомъ развѣнчаннымъ стоялъ,
Онъ отъ нея спасенья ждалъ,
Любить и вѣровать не смѣя...
. . . .
И входитъ онъ, любить готовый

---

[1]) С. Южаковъ. Любовь и счастье въ произв. русской поэзiи. „Сѣв. Вѣст." 1887, II, 165.

[2]) Сочин. Лермонтова, IV, 272.

[3]) Ibid., IV, 274.

[4]) Ibid., III, 2.

Съ душой, открытой для добра;
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора...[1])

Сопоставимъ, наконецъ, страстное признаніе Арбенина Нинѣ:

Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье...
Я—человѣкъ, пока они мои,
Безъ нихъ—нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья.[2])

со слѣдующими словами Демона:

Меня добру и небесамъ
Ты возвратить могла бы словомъ;
. . . .
Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность?
Пустыя, звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества![3])

Наконецъ, композиція XVI отрывка „Демона" по существу поразительно напоминаетъ послѣднюю сцену „Маскарада". Какъ Неизвѣстный, такъ и ангелъ являются мстителями свыше, разрушающими навѣки душевный покой героевъ; Неизвѣстный говоритъ:

Казнитъ злодѣя провидѣнье...[4])

Ангелъ, посланникъ неба, восклицаетъ:

Исчезни, мрачный духъ сомнѣнья!
Довольно ты торжествовалъ,
Но часъ суда теперь насталъ,
И благо Божіе рѣшенье.[5])

И въ томъ и въ другомъ случаѣ герои надменно уходятъ „безъ упованья и любви", послѣ неудачной попытки примириться съ человѣчествомъ на почвѣ безумной любви къ прекрасной женщинѣ, какъ символу всепримиряющей любви. И

---

[1]) Ibid., 24—25.
[2]) Ibid., IV, 279.
[3]) Ibid., III, 29—30.
[4]) Ibid., III, 35.
[5]) Ibid., III, 43.

что задача Тамары, именно—„высокая задача исправленія врага небесъ и земли“ [1]),—на это прямо указываютъ слова Демона:

Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
Отнынѣ ядъ коварной лести
Ничей ужъ не встревожитъ умъ;
Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру. [2])

Эта необыкновенная, сверхчеловѣческая любовь сдѣлаетъ то, что слеза Демона о Тамарѣ прожжетъ насквозь камень, что Арбенинъ, отравивши жену, въ отчаяніи падетъ къ ея холодѣющимъ ногамъ и воскликнетъ:

. . . . ужасно!
Но ты не бойся! Міръ прекрасный
Тебѣ откроется, и ангелы возьмутъ
Тебя въ небесный свой пріютъ.
Да, я тебя люблю, люблю...
. . . . есть граница мщенью
И вотъ она.—Смотри, убійца твой
Здѣсь, какъ дитя, рыдаетъ надъ тобой! [3])

И въ томъ и въ другомъ случаѣ авторъ приходитъ къ чисто Гетевскому апоѳеозу невинной и кристалльной души героини: ангелы возьмутъ и унесутъ ее въ горнія страны. Эта же мысль въ общей формулѣ проведена въ знаменитомъ стихотвореніи „Ангелъ“. Такимъ образомъ уже здѣсь намѣчаются мотивы той казни своего страннаго, но преступнаго героя, которую авторъ съ болью въ душѣ произведетъ надъ Печоринымъ. Соотвѣтственно такой эгоистической, всепоглощающей любви героя и отношеніе къ остальному міру должно быть такимъ же завершеннымъ въ своемъ отрицаніи и одиночествѣ. Здѣсь специфическія черты демонизма: „перевѣсъ сомнѣнія надъ

---

[1]) Г. Кондръ. „Новая любовь“, 37.

[2]) Сочин. Лермонтова IV, 344.

[3]) Ibid., IV, 332—333.

вѣрою, критики надъ творчествомъ, протеста надъ зиждительнымъ трудомъ" [1])—выступятъ вполнѣ опредѣленно. Арбенинъ говоритъ:

Что такое жизнь? Жизнь—вещь пустая. [2])

Демонъ насмѣшливо замѣчаетъ:

Что люди, что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ! [3])

И то, что намѣчено въ этихъ насмѣшливыхъ словахъ, стройно развито въ слѣдующихъ тирадахъ:

Арбенинъ.

. . . . я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я;
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли [4]).

Демонъ.

Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвалъ не ожидать
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Все противъ воли ненавидѣть,
И все на свѣтѣ презирать! [5])

---

[1]) С. Южаковъ. Любовь и счастіе въ пр. русск. поэзіи „Сѣв. Вѣст.", 1887, II, 164.
[2]) Сочин. Лермонтова, IV, 328.
[3]) Ibid., III, 32.
[4]) Ibid., IV, 274.
[5]) Ibid., III, 31.

или:

И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ иль ненавидѣлъ [1]).

Еще разъ, въ „Сказкѣ для дѣтей“ (1841 г.), Лермонтовъ насмѣшливо отнесется къ своему Демону въ словахъ:

Я прежде пѣлъ про демона иного:
То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ [2]).

и ниже:

Мой юный умъ бывало возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася—и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался стихами! [3])

Но отрывокъ этотъ не можетъ имѣть для насъ рѣшающаго значенія: повидимому, самъ авторъ гораздо насмѣшливѣе относится къ своему новому Демону, говоря о немъ:

Но этотъ чортъ совсѣмъ иного сорта:
Аристократъ и не похожъ на чорта. [4])

и далѣе:

То былъ иль самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсъ, изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ семейныхъ и любовныхъ —
Не знаю. [5])

Новый Демонъ—просто селадонъ, влюбляющійся въ 14-ти лѣтнюю Нину и тайно наблюдающій мастерски описанное авторомъ пробужденіе въ ней женщины. Важно тутъ, глав-

---

1) Ibid., III, 9.
2) Ibid., II, 334.
3) Ibid., II, 335.
4) Ibid., II, 334.
5) Ibid., II, 335.

нымъ образомъ, то, что Нина ничего не знаетъ о вздыхающемъ мелкомъ бѣсѣ, а онъ

. . . . Дѣтскій лепетъ
Подслушивалъ, невинной груди трепетъ
Слѣдилъ, ея дыханіемъ, съ нѣмой
Мучительной и жадною тоской,
Какъ жизнью упивался... это было
Смѣшно—но мнѣ такъ ново и такъ мило [1]).

Только въ этихъ словахъ и видимъ отблескъ страстной любви Демона. Но Нина — не Тамара, и Мефистофель „Сказки для дѣтей“ печально долженъ признаться:

Слова мои, какъ тѣнь, проходятъ мимо
Ребяческаго сердца, и оно
Дивится имъ спокойно и въ молчаньѣ [2]).

Въ западно-европейской литературѣ лермонтовскій Демонъ конечно болѣе всего подходитъ къ титаническимъ натурамъ Байрона, и близость эта болѣе всего будетъ замѣтна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Демонъ разъясняетъ гордо Тамарѣ свое могущество и силу.

У Байрона ему будутъ родственны Манфредъ и Люциферъ („Каинъ“), какъ наивысшія проявленія байроновскаго идеала. Не приводя цитатъ изъ „Манфреда“ (см. вопросъ о байронизмѣ Лермонтова въ моей работѣ), укажу только на важнѣйшія параллели въ „Каинѣ“. Какъ и Демонъ—Тамару, Люциферъ искушаетъ, помимо своего желанья, Аду.

Сравнимъ эти мѣста:

Тамара.

Оставь меня, о духъ лукавый!
Молчи, не вѣрю я врагу!
Творецъ!.., увы, я не могу
Молиться... гибельной отравой
Мой умъ слабѣющій объятъ.

---

[1]) Ibid., II, 340.
[2]) Ibid., II, 336.

Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова—огонь и ядъ... [1])

. . . . Ада.
Врагъ!
Не искушай меня ты красотой!

и ниже:

Я этому безсмертному созданью
Не въ силахъ дать отвѣта, не могу
Проклясть его; я на него смотрю
Съ таинственной боязнью; и однако
Я не бѣгу; его безсмертный взоръ
Влеченьемъ непонятнымъ пригвождаетъ
Мои глаза плѣненные къ нему.
Онъ страшенъ мнѣ, но онъ меня такъ сильно
Влечетъ къ себѣ все ближе, ближе! Каинъ!
Спаси меня, мой Каинъ, отъ него! [2])

Чисто личныя качества Демона, какъ высшаго духа, находимъ у Люцифера:

Демонъ.

Ничто пространство мнѣ и годы;
Я—бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я—царь познанья и свободы,
Я—врагъ небесъ, я—зло природы... [3])

Люциферъ говоритъ:

Я вездѣсущъ
. . . .
Пространство, время, вѣчность, жизнь и смерть,
И небо, и земля . . . .
. . . . вотъ мои владѣнія [4]).

И ниже замѣчаетъ Каину:

Когда ты жаждешь знанья, я могу
Пресытить эту жажду [5]).

---

[1]) Ibid., III, 30.
[2]) Полн. собр. соч. Байрона, III, 12.
[3]) Сочин. Лермонтова, III, 29.
[4]) Гербель. Полн. собр. соч. Байрона, III, 15.
[5]) Ibid.

А на вопросъ Ады:

. . . . но ты
Вѣдь ты небесный?

отвѣчаетъ:

Нѣтъ! [1])

Но если Демонъ въ своихъ мысляхъ существо значительно одаренное земными качествами и стремленіями и уже во всякомъ случаѣ уклоняющееся отъ сопоставленія себя съ положительнымъ Богомъ (намекъ на это сдѣланъ только въ послѣдней сценѣ встрѣчи Демона съ ангеломъ),—то Люциферъ—духъ, ставящій себя на равную ногу съ Богомъ и даже выше. Припомнимъ хотя бы такія надменныя заявленія его:

Я тотъ, кто мыслилъ
Сравниться съ тѣмъ, что сотворилъ тебя... [2])

или:

Ужель ты думаешь, что я могу
Взять на себя подобье смертной твари? [3])
Межъ нами (т. е. Люциферомъ и Богомъ)
Нѣтъ общаго, и никогда не будетъ.
Мнѣ все равно быть выше, или ниже,
Быть всячески, но только бы не быть
Участникомъ, или рабомъ Его
Могущества. Нѣтъ, я живу особо.
Но я великъ [4]).

Или наконецъ:

Мы царствуемъ съ нимъ (т. е. Еговой) оба [5]).

Огромное сходство съ Демономъ и по идеѣ и по композиціи характера имѣетъ падшій Ангелъ въ поэмѣ „Элоа" (1823 г.) Альфреда Виньи. Онъ встрѣчаетъ свѣтлаго ангела Элоа, плѣняется имъ, повѣряетъ тайну своего отчужденнаго и разочарованнаго существованія; и тѣмъ плѣняетъ сердце

---

[1]) Ibid., III, 13.
[2]) Ibid., III, 6.
[3]) Ibid., III, 8.
[4]) Ibid., III, 9.
[5]) Ibid., III, 28.

Элоа. Элоа хочетъ возродить его къ новой жизни, и Демонъ уже готовъ покаяться, но злоба и ненависть воскресаютъ въ въ немъ съ прежней силой, и онъ увлекаетъ Элоа съ собой въ преисподнюю. Какъ видимъ, разница въ торжествѣ адской силы. Въ чемъ же глубокая драма Демона? Почему онъ долженъ въ концѣ концовъ проклясть свои безумныя мечты? Потому что его любовь смертоносна и именно въ минуту своего высшаго напряженія, въ минуту перваго лобзанія, убиваетъ. Вотъ, гдѣ—безысходная трагедія „страннаго" человѣка въ его постепенной эволюціи! Если Радинъ, Волинъ и Вл. Арбенинъ должны страдать и даже погибать отъ женщины, то Евг. Арбенинъ, Демонъ и, наконецъ, Печоринъ—съ внѣшней стороны—властелины ея, но въ душѣ испытываютъ великія муки: въ силу необыкновенной обостренности душевныхъ силъ и способностей, они становятся источникомъ нравственныхъ мученій своей женщины, предъявляютъ ей требованія, на которыя она отвѣтить не въ состояніи. Вотъ почему жизненныя столкновенія съ такими людьми не обходятся дешево людямъ обыкновеннымъ и преимущественно женщинамъ [1]). Вотъ почему гибнутъ Тамара, Нина, Бэла, Звѣздичъ, Грушницкій. Не то же ли самое видимъ мы и въ юношеской поэмѣ „Измаилъ-Бей"? „Любовь принесла гибель Зарѣ, но этою гибелью ничего у жизни не куплено, и читатель закрываетъ поэму, потрясенный, но не поддержанный въ своей вѣрѣ" [2]).

Впослѣдствіи, въ твореніяхъ Пушкина, Тургенева и др. русская женщина научится давать отпоръ и побѣждать „страннаго" человѣка. Но у Лермонтова она еще безсильна передъ нимъ, если только не имѣетъ съ нимъ дѣла въ годы его ранней юности и полной душевной неустойчивости („Два брата", „Люди и страсти" и др.).

---

[1]) Котляревскій. Лермонтовъ, 79.

[2]) С. Южаковъ. Любовь и счастье въ произвед. русск. поэзіи. „Сѣвер. Вѣстн." 1887, II, 167.

Другая сторона трагедіи души Демона—въ невозможности для него „примиренія на условіяхъ свободы его сомнѣнія и критики; онъ ничего не хотѣлъ забыть, не хотѣлъ или не могъ вернуться на лоно некритической вѣры. И его отвергли" [1]). Замѣчательно, что два краеугольныхъ камня жизненнаго интереса лермонтовскаго „страннаго человѣка": любовь и природа никогда не бываютъ въ состояніи равновѣсія. Какой либо изъ нихъ всегда доминируетъ и заслоняетъ другой: Измаилъ-Бей и Мцыри стоятъ предъ нами, какъ фанатики чистой, дѣвственной природы; зато чувство любви или уже похоронено въ нѣдрахъ души (Измаилъ-Бей), или совсѣмъ не испытано (Мцыри). Другое дѣло Арбенинъ: онъ передъ нами весь въ пароксизмѣ ревности, и мы ничего не знаемъ объ его отношеніи къ природѣ; конечно, это объясняется и условіями его петербургской жизни. И Демонъ, витающій среди роскошныхъ ландшафтовъ Кавказа, равнодушенъ къ нимъ, даже завидуетъ, какъ творенью Бога.

И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ; но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенья Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего [2])

или:

Но кромѣ зависти холодной
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплодной
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ. [3])

Ибо Демонъ—весь въ любви къ Тамарѣ. Печоринъ, играющій женщинами, найдетъ возможнымъ занести въ свой дневникъ 5—6 великолѣпныхъ описаній природы; онъ любитъ и

---

[1]) С. Южаковъ. Любовь и счастье въ произв. русск. поэзіи. „Сѣвер. Вѣстн." 1887, VI, 167.

[2]) Соч. Лермонтова, III, 7.

[3]) Ibid., III, 9.

чувствуетъ ее. Мы читали полу-насмѣшливый отзывъ автора о „Демонѣ“, относящійся къ 1841 году—году смерти поэта. И все же мы не хотимъ, не можемъ повѣрить ему. „Демонъ—говоритъ Н. Котляревскій—это памятникъ, поставленный Лермонтовымъ своему дѣтству и своей юности, и, какъ большинство памятниковъ, онъ идеализированъ и символиченъ“[1]. Но г. Котляревскій не замѣчаетъ противорѣчія, въ которое впадаетъ, когда на слѣдующей же страницѣ говоритъ: „...работая надъ своей поэмой въ продолженіи многихъ лѣтъ, поэтъ тщательно отдѣлывалъ детали и почти ничего не измѣнилъ въ характеристикѣ главнаго героя; онъ застылъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ былъ задуманъ 15-лѣтнимъ мальчикомъ“. Работая надъ поэмой почти до самой смерти, не измѣняя характера героя,—Лермонтовъ тѣмъ самымъ призналъ Демона „любимымъ, отвлеченнымъ образомъ всего пережитого и перечувствованнаго“[2]) не только въ дѣтскомъ возрастѣ, но и во всей своей жизни. Вотъ почему кажется такимъ надуманнымъ и несерьезнымъ утвержденіе Лермонтова, будто онъ отдѣлался отъ своего Демона—стихами. Поэма несомнѣнно носитъ автобіографическіе слѣды. Достаточно сравнить юношескія стихотворенія Лермонтова съ мотивами „демоническихъ“ чувствъ въ поэмѣ. Далѣе, въ первый очеркъ 1829 г. должна была войти по его собственной замѣткѣ „его личная исторія“. А въ концѣ второго очерка 1830 года онъ говоритъ прямо:

Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой
Я межъ людей безпечный странникъ
Для міра и небесъ чужой[3]).

Съ оригинальнымъ взглядомъ на образъ Демона выступилъ въ 1893 году Гр. Кондръ; по его мнѣнію, Демонъ Лермонтова не заключаетъ въ себѣ ничего сверхъестествен-

---

1) Котляревскій. Лермонтовъ, 66.
2) Ibid., 67.
3) Соч. Лерм. III, 74.

наго; онъ есть субъективный образъ самой Тамары, порожденіе ея фантазіи, и ни въ какомъ случаѣ не объективный образъ, лицо, существующее внѣ ея. Правда, Демонъ Тамары имѣетъ очень большое сходство съ настоящимъ демономъ, о которомъ говоритъ Священное Писаніе. Но это такъ и должно быть, ибо „Тамара создала своего Демона подъ вліяніемъ того представленія о падшемъ ангелѣ, которое она имѣла, какъ христіанка“ [1]) Демонъ, по мнѣнію г. Кондра — не что иное, какъ мечта, идеалъ Тамары, который позволяетъ ей „хоть на минуту забыть мрачный міръ дѣйствительности и переноситъ въ свѣтлый, дивный міръ фантазіи [2]). Авторъ шагъ за шагомъ, съ приведеніемъ пространныхъ цитатъ изъ поэмы, слѣдитъ за развитіемъ этой неземной мечты въ дѣвушкѣ, не знавшей родительской ласки, потерявшей трагически жениха. Борясь сначала со своей мечтой, Тамара, наконецъ, „перестала гнать отъ себя свою мечту и вполнѣ подчинилась ея силѣ и обаянію. Она уже ждетъ, что скоро явится къ ней самъ виновникъ мечты—ея идеалъ, ея Демонъ“ [3]). Но „счастье обладать идеаломъ было не подъ силу ей. Натянутыя до послѣдней возможности „живыя струны“ ея на выдержали напора этого счастья и... порвались всѣ вдругъ. Тамара пала жертвой счастья, жертвой своего идеала, своего Демона“ [4]).

Для подтвержденія своей идеи г. Кондръ ищетъ и находитъ во всей поэмѣ 4—5 мѣстъ, гдѣ упоминаетъ слово „мечта“, ссылается какъ на неопровержимый аргументъ на слова Тамары:

Меня терзаетъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой... [5]).

Дѣло, конечно, не въ этихъ ссылкахъ, а въ томъ, что постепенный анализъ поэмы съ этой точки зрѣнія сдѣланъ

---

[1]) Г. Кондръ. Новая любовь. Психол. анализъ Демона, ст. 6.

[2]) Ibid., 25.

[3]) Ibid., 36.

[4]) Ibid., 42.

[5]) Соч. Лерм. III, 21.

г. Кондромъ довольно удачно. Но эта точка зрѣнія не подтверждается основной мыслью; если и можно назвать страстныя рѣчи Демона – грезами и думами Тамары, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что самъ Лермонтовъ несомнѣнно видѣлъ въ Демонѣ объективное созданіе, абстрактный *типъ* своего „страннаго человѣка“, въ извѣстной фазѣ его развитія, стоящій внѣ Тамары, являющійся ея палачомъ, наконецъ, сталкивающійся со свѣтлымъ ангеломъ, тоже объективнымъ образомъ. Такъ же толкуются образы Люцифера и падшаго ангела и Байрономъ и Виньи. Видѣть же, какъ г. Кондръ, въ Демонѣ – безумныя экзальтированныя мечты Тамары, а въ свѣтломъ ангелѣ ея чистую душу—по меньшей мѣрѣ неосновательно. Эту „любовь къ безпокойному существу, къ мечтѣ, къ воздушному идеалу, вообще къ созданію своей фантазіи или воображенія“ [1]) г. Кондръ и называетъ Новой Любовью; ее же, по его словамъ, испыталъ Пигмаліонъ къ статуѣ Галатеи и Жанъ-Жакъ-Руссо, описавшій эту любовь въ своей „Исповѣди“.

При цитированіи мѣстъ изъ „Демона“, я, какъ и въ остальныхъ случаяхъ, придерживался висковатовской редакціи „Демона“, хотя противъ ея правильности и направлена спеціальная статья г. Мартьянова. Вотъ что говоритъ онъ: „почтенному профессору (т. е. Висковатову) очевидно хотѣлось непремѣнно открыть Америку въ твореньяхъ поэта, и вотъ онъ задался мыслью найти „Демона“ иного и, наконецъ, добился“ [2]). И далѣе: „идея, вложенная въ висковатовскій списокъ „Демона“ или точнѣе сказать „Лжедемона“, заключается въ томъ, что безстрастный духъ зла, увидѣвъ Тамару, ощутилъ любовь, когда то родное ему чувство, но мысль объ обладаніи красавицей-грузинкой является ему связанною не съ желаніемъ сдѣлать зло, а съ желаніемъ переродиться и подъ ея эгидою вернуться къ добру. Въ первоначальныхъ юношескихъ очеркахъ „Демона“ Лермонтовъ останавливался на этой мысли, но когда талантъ

---

[1]) Г. Кондръ. Новая Любовь, 49.

[2]) П. Мартьяновъ. Свѣдѣнія о Лермонтовѣ. „Ист. Вѣст.“, 1892 г. т. I, 364.

поэта созрѣлъ окончательно, онъ отказался отъ нея, и въ послѣднихъ очеркахъ „Демонъ“ является у него чистокровнымъ княземъ тьмы во всемъ величіи злобы и ненависти. Но ловкій фабрикантъ „Лжедемона“... ухватывается за брошенную идейку, кромсаетъ поэму, выбрасываетъ изъ нея стихи и даже цѣлыя строфы, не соотвѣтствующія идейкѣ, и... цѣль достигнута: предъ нами новый текстъ, и честь его открытія принадлежитъ г. Висковатову!“ [1]) Далѣе г. Мартьяновъ сличаетъ нѣкоторыя мѣста подлинной рукописи съ текстомъ висковатовскаго списка и приходитъ къ заключенію, что отдѣльныя строки въ VII отрывкѣ „Демона“ взяты Висковатовымъ изъ очерковъ 1830, 31 и 32 г.г. Онъ говоритъ: „провѣривъ по источникамъ, мы увидимъ“ и т. д.[2]), но источниковъ этихъ своихъ совершенно не указываетъ; подлинной же окончательной рукописи „Демона“ нѣтъ; и поэтому нѣтъ никакого основанія считаться серьезно съ полемическими выпадами г. Мартьянова противъ г. Висковатова, тѣмъ болѣе, что г. Мартьяновъ въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на такого знатока литературы, какъ А. С. Суворинъ изъ „Новаго Времени“!

Исповѣдуя вполнѣ то убѣжденіе, что лермонтовскій „странный человѣкъ“ по существу своему является вполнѣ естественнымъ антиобщественнымъ, или, вѣрнѣе, внѣобщественнымъ типомъ, поражающимъ необыкновеннымъ разнообразіемъ мотивовъ личной душевной жизни, то капризныхъ и неуравновѣшенныхъ, то жестокихъ и рѣшительныхъ, то слабыхъ и растерянныхъ, типомъ, порвавшимъ съ такъ называемымъ обществомъ уже при первомъ пробужденіи самостоятельной критической мысли, анализа,—признавая все это, я все же считаю нужнымъ привести здѣсь тѣ мнѣнія и вполнѣ обоснованныя соображенія, которыя высказалъ г. Галаховъ по поводу болѣзни вѣка, вызвавшей появленіе байроновскихъ и и лермонтовскихъ героевъ. Галаховъ выводитъ начало этой

---

[1]) Ibid., 367—368.

[2]) Ibid., 370.

болѣзни изъ краха государственной идеи объ авторитетѣ въ XVIII в. Указавъ на завоеванія практической философіи въ этой области, г. Галаховъ прибавляетъ однако, что „Духъ времени дѣйствовалъ только разрушительно, извергая вмѣстѣ съ гнилыми элементами и элементы истинные, здоровые и крѣпкіе“ [1]). И такъ какъ за отрицаніемъ не послѣдовало утвержденія, то „19-й вѣкъ открывается шаткостью состоянія“ [2]), повліявшей на психику молодого поколѣнія этой эпохи самымъ рѣшительнымъ образомъ, именно поселившей „духъ сомнѣнія“. Отсюда появленіе „страннаго“, безпокойнаго, неудовлетвореннаго человѣка.

Отсюда логически выводятся имъ всѣ отличительныя особенности этихъ натуръ. „Желаніе подвергнуть все бывшее и существующее критикѣ мысли развило въ сильнѣйшей степени *способность аналитическую*... Долговременною борьбою съ авторитетомъ пріобрѣтенъ навыкъ въ искусствѣ *отверженія* и *непризнанія*. Мысль не знаетъ, на чемъ утвердиться, тогда какъ въ человѣкѣ существуетъ врожденная потребность твердыхъ началъ: отсюда *отчаяніе*... При сомнѣніи во всемъ... нѣтъ мѣста покою, наслажденіямъ мирной жизнью: отсюда *волненія души, тревога сердца*“. Далѣе г. Галаховъ отмѣчаетъ *позднее сожалѣніе о старинѣ*, а у людей, не вполнѣ разувѣрившихся, апатію, обусловливающую *неспособность къ дѣлу*. „Отъ преждевременнаго знанія жизни и неспособности къ жизни дѣятельной произошла *скука*... Не вѣря началамъ старой жизни, но и не вполнѣ увѣренный въ началахъ новыхъ, человѣкъ началъ соединять тѣ и другія искусственно... внесъ въ жизнь *презрѣнное лицемѣріе*“ [3]).

Подчеркнутыя мною черты человѣка, зараженнаго духомъ сомнѣнія, какъ мы видимъ, вполнѣ типичны. И разница вся въ томъ, что этого послѣдняго нужно по возможности стараться

---

[1]) Галаховъ. Лермонтовъ, II, „Русск. Вѣст.“ 1858, VII, 289.

[2]) Ibid., II, 289.

[3]) Ibid., VII, 290—1.

анализировать, какъ существо абсолютно эгоистическое, какъ существо, представленное намъ авторомъ въ моментъ его полнаго одиночества, при чемъ разрывъ съ людьми мы можемъ только представлять себѣ въ далекомъ прошломъ, только мыслить; и самъ авторъ какъ будто вовсе не интересуется этимъ бывшимъ обстоятельствомъ, какъ бы предлагая изучать своего героя совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было общественныхъ вліяній. „...Герои Лермонтова это —элементъ противообщественный, враждебный самому принципу общества, своего рода Аттилы, то истребляющіе, то скучающіе. Аристотелево опредѣленіе человѣка, какъ существа, назначеннаго жить въ связи, обществѣ, имъ не къ лицу; они оправдываютъ опредѣленіе Гоббеса, который въ человѣкѣ видѣлъ природнаго врага каждому человѣку“[1]).

Что же касается вліянія философскихъ идей запада, особенно Германіи, на Лермонтова, то объ этомъ почти не можетъ быть рѣчи. Мы знаемъ увлеченія студенческихъ кружковъ 40-хъ годовъ гегельянствомъ, знаемъ увлеченіе философіей Ив. С. Тургенева—студента, но мы знаемъ также равнодушное, даже презрительное отношеніе Лермонтова ко всѣмъ кружкамъ подобнаго рода. Человѣкъ исключительныхъ способностей и ума, со взоромъ, вѣчно устремленнымъ на что-то, невидимое другимъ—онъ, конечно, никогда не могъ бы увлечься сухими схемами нѣмецкой философіи, схемами, заранѣе предопредѣлявшими ходъ мыслей изучавшаго ихъ. Къ тому же вообще къ практическимъ плодотворнымъ результатамъ этой философіи на нашей почвѣ въ тѣ годы нужно относиться очень скептически. Вотъ что говоритъ объ этомъ Галаховъ въ той же своей статьѣ о Лермонтовѣ: „Въ исторіи образованія той духовной настроенности, о которой мы разсуждаемъ, не должно быть пропущено участіе нѣмецкой философіи и нѣмецкой поэзіи. Если бы знакомство съ первой было раціонально и прочно, тогда конечно и въ послѣдствіяхъ

[1]) А. Галаховъ. Лермонтовъ, III, „Русск. Вѣст.“ 1858 г., VIII, 609.

не оказалось бы шаткости, которая безсильна сдѣлаться точкой опоры и для мысли и дѣйствія. Но такъ какъ мы усваивали ее (если только здѣсь прилично слово „усвоеніе“) отрывками и урывками... взяли голые выводы и положенія, то итогъ нашей философской образованности вышелъ не только скуднымъ, но и чѣмъ-то внѣшнимъ. Онъ только способенъ былъ увеличить капиталъ внутренняго колебанія“[1]).

Изучая постепенную эволюцію типа „страннаго человѣка“, я остановился на Демонѣ и Арбенинѣ. Мы видѣли, насколько близки эти образы между собой, мы видѣли также ту головокружительную высоту презрѣнія и отчужденія отъ всего мірского, на которой они стоятъ. И естественнымъ завершеніемъ ихъ явился бы, конечно, Печоринъ—мелкій бѣсъ, извѣрившійся въ людяхъ, но тѣмъ не менѣе вращающійся среди нихъ, портящій и губящій ихъ. На дѣлѣ—нѣтъ. Прежде, чѣмъ перейти къ „герою нашего времени“, со всѣми его отрицательными качествами, Лермонтовъ съ видимой любовью и увлеченіемъ вернется къ мечтамъ юности своей, къ дикому, мятежному, еще чего-то ждущему, за что-то борющемуся человѣку; въ поэмахъ „Бояринъ Орша“ и „Мцыри“ онъ пропоетъ лебединую пѣсню этому дѣвственному пламенному, еще не разбитому жизнью „странному человѣку“, съ тѣмъ, чтобы потомъ уже до конца дней своихъ горько усмѣхаться своему Печорину.

---

[1]) Ibid., 602.

ГЛАВА IX.

—„Бояринъ Орша“.—„Мцыри“.

Послѣ разъѣденныхъ рефлексіей и долгимъ, уже надоѣвшимъ опытомъ Арбенина и Демона душа Лермонтова инстинктивно стремилась къ герою необузданному, страстному, жаждущему тревогъ и битвъ, послѣдовательному въ одномъ какомъ либо центральномъ стремленіи. Соотвѣтственно этому основному мотиву, и дѣйствіе переносится изъ города въ дѣвственную природу: на Кавказъ и въ прилитовскія русскія земли на Днѣпрѣ. Предъ нами воскресаютъ властные образы Измаилъ-бея, Селима. Вотъ бояринъ Орша у себя на покоѣ, въ своей старинной усадьбѣ, окруженный вѣрной челядью, потому что:

> . . . . Орша нравомъ былъ угрюмъ:
> Онъ не любилъ придворный шумъ[1]);

Не примѣнимъ ли къ нему по существу слѣдующія слова Ив. Иванова о Конрадѣ —(„Корсаръ“): „Очевидно предъ нами не столько „человѣкъ одиночества“, сколько оригинальный феодалъ: феодъ его—островъ, вассалы—морскіе разбойники, данники—все человѣчество, а замокъ—башня на утесѣ:[2]) Тутъ для насъ важно не то, что Орша—бояринъ, а Конрадъ

---

[1]) Соч. Лерм. II, 255.

[2]) Ив. Ивановъ. Предисловіе къ поэмѣ „Корсаръ“, п. с. с. Байрона подъ редакц. Венгерова, I, 283.

—Корсаръ, а то, что оба они отчуждены отъ общества. Котляревскій же нашелъ возможнымъ прямо заявить, что „фабула „Боярина Орши“ не имѣетъ въ себѣ ничего русскаго; она скорѣе—турецкая, въ стилѣ Байрона... напоминаетъ то „Невѣсту Абидосскую“, то „Гяура“[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ у Орши большое сходство съ Арбенинымъ; тотъ же крутой, угрюмый нравъ, та же странная мстительность и жестокость. Но зато въ отличіе отъ жалкаго конца Арбенина (по 1-й редакціи)—холодно спокойная смерть героя-патріота. Эта послѣдняя черта сближаетъ его, конечно, съ Измаилъ-Беемъ. Въ этой поэмѣ Лермонтовъ какъ будто захотѣлъ еще разъ показать сильнаго „страннаго человѣка“ съ желѣзной волей, не знавшаго компромисса съ собственной совѣстью. Вотъ почему онъ дважды обращается къ эпохѣ Ивана Грознаго („Бояринъ Орша“ и „Пѣсня про купца Калашникова), гдѣ „предки наши, менѣе насъ знавшіе, пользовались однако же благами для насъ завѣтными, какъ бы невозможными при знаніи развитомъ. У нихъ воля не состояла въ обратномъ отношеніи къ мысли“[2]). Не останавливаясь детально на образѣ Арсенія, какъ уже достаточно знакомомъ намъ по раннимъ идеалистическимъ поэмамъ, укажу здѣсь только на наиболѣе яркія мѣста въ обрисовкѣ его характера, характеризующія типичную для „страннаго человѣка“ мятежную, сомнѣвающуюся душу. Сперва эта полная сомнѣній душа проглянетъ на мигъ въ словахъ автора объ Оршѣ:

Онъ зломъ не могъ быть удивленъ,
Добру жъ давно не вѣрилъ онъ,
Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!..[3])

Но уже на слѣдующей страницѣ Лермонтовъ переноситъ центръ вниманія на молодого Арсенія, оживитъ и придастъ

---

[1]) Котляревскій. Лермонтовъ, 731.
[2]) А. Галаховъ, Лермонт., III „Русск. Вѣстн.“
[3]) Соч. Лерм. II, 259.

интересъ этому типу, заставивъ его, раба боярина Орши, страстно полюбить дочь послѣдняго и пользоваться любовью. Мотивъ—новый въ жизни „страннаго человѣка". Эта то грѣшная, наглая съ точки зрѣнія той эпохи страсть раба къ своей госпожѣ и служитъ въ высшей степени удачной канвой для произнесенія Арсеніемъ его то язвительной, то громовой рѣчи передъ равнодушнымъ сонмомъ монаховъ, для стихійнаго въ сердцахъ этихъ наивныхъ чернецовъ образованія чувства страха, даже омерзѣнія къ непонятному для нихъ дерзкому человѣку.

Вотъ почему на откровенныя слова Арсенія:

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ—благодарю,
. . . . Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,
А душу можно ль разсказать?
. . . .
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою Бога утвержденъ,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой:—
Онъ оправдалъ меня одинъ,
Онъ сердца полный властелинъ[1]).

—слова, такъ напоминающія слова „Гяура":

Все остальное уже знаешь ты,
Мои грѣхи—сполна; печаль—на половину.
Не говори же мнѣ опять о покаяньи[2]).

—монахи:

. . . . Негодуя всѣ вокругъ
На гордый видъ и гордый духъ
Шептались грозно межъ собой[3]).

---

[1]) Ibid., 267.

[2]) Байронъ, полн. собр. сочин. Ред. Венгерова, I т.

[3]) Сочин. Лермонт. II, 272.

Слѣдовательно, то же роковое непониманіе двухъ міровъ, та же коллизія, которая можетъ закончиться либо казнью „страннаго человѣка“:

И слово „пытка“ тамъ и сямъ
Вмигъ пробѣжало по устамъ[1]).

— либо бѣгствомъ его. И Арсеній бѣжалъ, чтобы унести съ собой отъ людей драгоцѣнное вещество своей свободной странной души. „Несчастная дѣвушка гибнетъ, а несчастный любовникъ мститъ измѣною, но и изъ этого ничего кромѣ горя не выходитъ“[2]).

Теперь осталось мнѣ одно:
Иду!—Куда? Не все ль равно
Та, иль другая, сторона?
Здѣсь прахъ ея, но не она.
Иду отсюда навсегда
Безъ думъ, безъ цѣли, безъ труда,
Одинъ съ тоской во тьмѣ ночной,
И вьюга слѣдъ завѣетъ мой[3]).

Что это? Голое отчаяніе, гнетущее, безпросвѣтное? И это самое ужасное, что безпросвѣтное. Поэтъ, по крайней мѣрѣ, отказывается указать просвѣтъ[4]).

И Арсеній уноситъ съ собой, вмѣстѣ съ вѣчной раной, одну вольность свою: здѣсь, на землѣ, она, конечно, будетъ для него только мертвымъ капиталомъ. И только что цитированныя слова Арсенія надъ скелетомъ своей возлюбленной—не символизируютъ ли они опять-таки полную смерть его для земли, уходъ въ думахъ своихъ туда, въ міръ фей, здѣсь же, на землѣ, дальнѣйшее матеріальное прозябаніе въ видѣ бродяги, или, быть можетъ, разбойника! Вѣдь эти черты

---

[1]) Ibid.

[2]) Южаковъ. „Любовь и счастье“ въ произв. рус. поэзіи (Сѣв. Вѣст., 1887, II, ст. 163).

[3]) Сочин. Лерм. II, 286.

[4]) Южаковъ. „Любовь и счастье въ произв. русск. поэзіи“ (Сѣв. Вѣст.) 1887. II, 164.

врожденнаго демонизма, врожденнаго паренія надъ людьми сквозятъ въ немъ и до катастрофы въ домѣ Орши.

На послѣднемъ свиданіи съ дочерью Орши онъ шепчетъ ей:

Не плачь... утѣшься!—близокъ часъ—
И будетъ міръ ничто для насъ.
Въ чужой, но близкой сторонѣ
Мы будемъ счастливы вполнѣ...[1])

Не слышится ли тутъ пламенныхъ клятвъ Демона Тамарѣ? И въ другомъ мѣстѣ восклицаетъ:

Жизнь—ничего, а вѣчность—мигъ![2])

Въ концѣ своей рѣчи игумену Арсеній, правда, восклицаетъ:

Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ—зналъ ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?[3])

Но видимое противорѣчіе вполнѣ объясняется психологически той реакціей, которая произошла въ душѣ измученнаго нравственно Арсенія въ концѣ рѣчи, минутнымъ упадкомъ силъ, выразившимся въ инстинктивномъ крикѣ: „жить"! Какъ видимъ, Арсеній въ концѣ поэмы глубоко-равнодушенъ къ понятію „жизнь", и въ этомъ его сущность.

Зато въ „Мцыри" Лермонтовъ безъ колебаній поставитъ на пьедесталъ эту страстную, инстинктивную жажду жизни, въ космическихъ проявленіяхъ ея, во всей нетронутости ея святой и освобожденной отъ какихъ бы то ни было теорій и людскихъ конфликтовъ чистоты. Повидимому, этому сюжету Лермонтовъ придавалъ большое значеніе. Еще юношей, въ 1831 году, онъ задумалъ написать записки монаха, томящагося въ монастырѣ; въ произведеніяхъ 30-хъ годовъ находимъ рядъ попытокъ выполнить это („Исповѣдь" 1830 года и „Бояринъ Орша" 1835); окончательная переработка этихъ этюдовъ дала русской литературѣ „Мцыри" (1840 г.). Такимъ образомъ

---

[1]) Сочин. Лерм. II, 260.
[2]) Ibid., 271.
[3]) Ibid., 272.

„желаніе написать апоѳеозъ жизни десять лѣтъ сопутствовало поэту, въ то время какъ ненависть къ жизни, какъ къ воплощенію мѣщанства, была его характернѣйшей „чертой“ [1]). Дѣйствительно, „Бояринъ Орша“—какъ бы черновой набросокъ „Мцыри“. То же положеніе лицъ, та же обрисовка характеровъ... Лучшая въ художественномъ отношеніи глава „Боярина Орши“ —исповѣдь Арсенія передъ игуменомъ —почти цѣликомъ перенесена въ „Мцыри“ — именно, въ исповѣдь умирающаго Мцыри, носящую вообще болѣе интимный облагороженный характеръ въ противоположность полному сарказма и скрытыхъ издѣвательствъ допросу Арсенія игуменомъ въ присутствіи всей братіи. Но зато нѣтъ въ „Мцыри“ того, что всегда составляло неизбѣжную, неотъемлемую субстанцію духовной жизни „страннаго человѣка“—любви къ женщинѣ. Поэтъ впервые смѣло рѣшилъ поставить своего героя внѣ этого чувства, направивъ всѣ его силы, способности и волю на сближеніе съ чѣмъ-то болѣе важнымъ и, главное, вѣчнымъ: съ природой въ широкомъ смыслѣ слова, съ космосомъ, наконецъ, съ жизнью, какъ необъятной душой этой вѣчной природы. „Мцыри—апоѳеозъ жизни, яркое выраженіе безумной любви къ ней, апоѳеозъ личности, свергнувшей съ себя всѣ порабощавшія ее узы“ [2]). „Мцыри это—безсознательный, но фанатичный приверженецъ пантеистическаго міросозерцанія, и три дня, проведенные имъ на груди природы, эти три дня мощнаго апоѳеоза его личности, три дня цѣльной, широкой и яркой жизни осмысливаютъ собой и всю короткую, темную и печальную жизнь „Мцыри“ [3]), являются вдохновеннымъ служеніемъ идеѣ дѣятельнаго сліянія съ природой, активнаго пантеизма. „Мцыри—подобно всѣмъ героямъ Лермонтова, его alter ego—воплотилъ въ себѣ этотъ пантеизмъ съ послѣдней полнотой, послѣдней яркостью, онъ порвалъ

---

[1]) Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской обществ. мысли, I, 162.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid., 164.

всѣ связи съ людьми, онъ ушелъ въ живущую вѣчно молодой жизнью природу"...[1])

Онъ

. . . . . . вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ;
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли.
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ...[2])

А „что это упоеніе природой было искренно, доказываетъ замѣчательная задушевность всего пейзажа. Картины бурной и картины мирной жизни природы нарисованы съ одинаковымъ мастерствомъ. Во всемъ пейзажѣ преобладаетъ однако элегическое настроеніе, которое подготовляетъ насъ къ мирной и грустной развязкѣ всего разсказа. Природа какъ будто знала, что узникъ обреченъ на скорую смерть, и потому не поскупилась для него своими красотами"[3]). Но даже и въ этомъ случаѣ благодатнаго для одинокаго человѣка пробужденія въ немъ кристалльно-чистаго, возвышающаго чувства любви къ космосу—рокъ не даетъ „странному человѣку" конечнаго удовлетворенія и торжества:

Тщетно спорилъ я съ судьбой:
Она смѣялась надо мной[4]).

Мцыри заблудился, и его „приводитъ въ бѣшенство его безсиліе достигнуть осуществленія своей мечты, но гордость не позволяетъ ему желать чужой помощи"[5]). И послѣдняя радость „Мцыри", радость безропотной величавой смерти въ непроходимой чащѣ, вдали отъ людей, подъ серебристый говоръ явившейся ему въ бреду золотой рыбки,—эта радость также безжалостно отнята: его находятъ монахи, и онъ

---

1) Ibid., 163.
2) Соч. Лерм. II, 316.
3) Н. Котляревскій, Лермонтовъ, 179.
4) Сочин. Лермонтова, II, 323.
5) В. Рѣзановъ. Демоническіе типы въ Лерм. поэзіи (Вѣст. Слав., 1894, IX с. 89).

умираетъ въ ненавистномъ монастырѣ. Трагедія души „Мцыри“ очень глубока. Вѣдь онъ былъ такъ близокъ къ своему счастью, смыслу своего существованія; онъ былъ даже въ немъ, вкусилъ его... и долженъ былъ умереть, и ни одного намека, или предположенія о какой-либо лучшей жизни „по ту сторону“ не слышимъ мы отъ него; только покорная грусть и тоска темнаго послушника, разъ въ своей жизни увидѣвшаго просвѣт[illegible]

Вот[illegible] еще одна печальная, жестокая страничка изъ исторіи земныхъ странствованій „страннаго человѣка“. „Мцыри“, это—грустнѣйшее изъ грустныхъ приглашеніе Лермонтовымъ всего общества на похороны его изнемогшаго въ борьбѣ съ рутиной и пошлостью и не нашедшаго счастья и дальнѣйшей возможности жить „страннаго человѣка“. Это—панихида по немъ. Здѣсь Лермонтовъ проводитъ толстую траурную черту и перейдетъ къ совершенно другой, послѣдней въ его творчествѣ проблемѣ „страннаго человѣка“, къ Печорину.

Послѣдуемъ за нимъ.

ГЛАВА X.

—„Герой нашего времени“.

Высокимъ, пламеннымъ, порывающимся къ небеснымъ тайнамъ гейзеромъ явилось болѣзненное творчество Лермонтова: такое тонкое, проницательное. Выросло оно среди грубыхъ человѣческихъ страстей, такихъ же грубыхъ, какъ наваленный вокругъ чистаго, прозрачнаго источника грубый булыжникъ. Трепеща отъ внутренняго недоумѣнія и сознанія своего безсилія попыталось оно вознестись вверхъ въ прекрасныхъ гнѣвныхъ думахъ-стихотвореніяхъ, въ „Маскарадѣ“, въ „Демонѣ“; и такъ же, какъ та струя фонтана, сверкало оно, обдаваемое жгучими лучами таланта.

Но шли годы, зрѣла душа страннаго поэта, и тяжеловѣснѣе, ближе къ землѣ, ея горестямъ становилось творчество,—сперва такое безумно-гордое, ищущее; разсыпалось оно на сотни самыхъ противорѣчивыхъ душевныхъ настроеній и мукъ, съ тѣмъ чтобы наконецъ покорно, но не примиренно, упасть на поросшую грѣхомъ человѣческимъ землю, создать тамъ такія вещи, какъ: „Выхожу одинъ я на дорогу“ и „Когда волнуется желтѣющая нива“, и, наконецъ, закончить грустнѣйшимъ изъ эпилоговъ, какіе когда либо были пропѣты художниками слова,—Печоринымъ въ „Героѣ нашего времени“. Ибо что такое, какъ не начало рокового для Лермонтова и еще безсознательнаго примиренія съ человѣчествомъ, есть этотъ романъ съ его героемъ!

> „Герой нашего времени“, милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія въ полномъ ихъ развитіи [1]).

—говоритъ авторъ въ предисловіи къ роману. И мы понимаемъ изъ этихъ словъ, что работа, трудная и непривычная, происходила не тамъ, на высотахъ активнаго, ищущаго генія, а здѣсь, на землѣ. Вотъ почему эта лебединая пѣснь была для страдальца Лермонтова такой, въ сущности, далекой для его необыкновенной души.

Холодной насмѣшкой, подчасъ даже небрежно и фатовато, будутъ звучать для насъ многія и многія страницы романа; съ тонкимъ юморомъ, даже лукаво, написано предисловіе къ нему; но не примемъ всего этого слишкомъ просто, довѣрчиво, постараемся вчитаться внимательно и безстрастно въ рѣчи Печорина,—и мы увидимъ, какая глубокая и огромная драма,—притомъ своя, личная, слѣдовательно прочувствованная до конца,—скрывается въ этомъ образѣ—шедеврѣ литературы 19-го вѣка. Слишкомъ часто и слишкомъ много приходилось Лермонтову улыбаться и шутить тамъ, гдѣ душа ныла по чему то своему, родному, интимному,—такому, чего нельзя было показать всѣмъ этимъ глупо ухмылявшимся обывателямъ. И оттого ядовитой выходила улыбка и больно, но насмѣшливо и красиво—словно тяжелымъ золотымъ молоткомъ—ударяли слова...

И вотъ, эта лебединая пѣснь важна для насъ какъ фокусъ, въ которомъ—съ одной стороны—собрались важнѣйшія отрицательныя черты русскаго общества тридцатыхъ годовъ, съ другой стороны—какъ исповѣдь усталаго „страннаго человѣка“, растерявшагося, не знающаго, куда преклонить голову; исповѣдь быть можетъ недосказанная, но искренняя. Печально видѣть, какъ Лермонтовъ съ глубокой внутренней болью почувствовалъ, наконецъ, потребность смѣло, съ вызовомъ мно-

---

[1]) Сочин. Лерм. V, 189.

гимъ и многимъ, сдернуть покровъ съ того, что еще такъ недавно гордо, съ высоко поднятой главой и сознаніемъ безусловнаго превосходства надъ всѣмъ, безцѣльно влачило жизнь на великолѣпномъ паркетѣ петербургскихъ салоновъ и аллеяхъ пятигорскихъ и кисловодскихъ источниковъ.

Замѣчательно, что при жизни Лермонтовъ ничего не узналъ о томъ, чѣмъ явился для порочнаго общества типъ Печорина, что вызвалъ онъ: слезу ли раскаянія, или только насмѣшливую, равнодушную улыбку надъ тѣмъ, что было плоть отъ плоти и кость отъ костей поэта. Быть можетъ, къ лучшему это было, что большая чуткая душа ушла изъ этого міра, не услышавъ двухъ діаметрально противоположныхъ отзывовъ Бѣлинскаго, послѣдовавшихъ одинъ за другимъ: незадолго до смерти Лермонтова и въ 1844 г. Они, да еще статья Шевырева,—вотъ все, чѣмъ критика почтила только что закрывшуюся могилу; и только черезъ 20 лѣтъ, въ шестидесятые годы, вспомнили о Лермонтовѣ, можетъ быть для того, чтобы найти у него бодрое, освѣжающее слово помощи для молодыхъ энтузіастовъ-работниковъ 60-хъ годовъ. Но слово не было найдено, вмѣсто него прочли какіе-то пламенные, часто прямо болѣзненные вопли одинокой души, совершенно не понятой тѣмъ обществомъ, для котораго теперь работали Писаревъ, Шелгуновъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Рѣшетниковъ и др.,—души, всегда стремившейся уяснить тайну мірозданія *для себя,* облегчать *свои* муки невѣдѣнія; а такія, хотя подчасъ и экстатическія пѣсни не нужны были трезвымъ работникамъ-человѣколюбцамъ.

А потомъ, послѣ маленькаго интервала, наступила реакція; потянулись унылые, полные невысказанной тоски чеховскіе 80-ые и 90-ые годы; то, что 20 лѣтъ назадъ было бы осмѣяно и названо бездарной обломовщиной, теперь удивительно прочно засѣло въ сердцахъ; и побѣдителемъ былъ никто иной, какъ мягкій, слабохарактерный, чахоточный докторъ А. П. Чеховъ. Никто не удивлялся тому, что талантливый, умный Ивановъ долженъ былъ застрѣлиться („Ивановъ“),

что дядя Ваня—человѣкъ съ золотымъ сердцемъ—въ 4 актѣ съ отупѣлой покорностью отсчитываетъ на счетахъ постное масло и гречневую крупу, что докторъ Рагинъ, лучшій человѣкъ въ городѣ, не могъ не сойти съ ума во ввѣренной ему психіатрической больницѣ („Палата № 6"). Все это было страшно, но понятно; все было слабо, забито, неразвито, но инстинктивно тянулось къ чему-то лучшему, свѣтлому. „Тѣ, которые будутъ жить черезъ сто, двѣсти лѣтъ послѣ насъ и которые будутъ презирать насъ за то, что мы прожили свои жизни такъ глупо и такъ безвкусно,- тѣ, быть можетъ, найдутъ средство, какъ быть счастливыми, а мы... У насъ съ тобой только одна надежда и есть. Надежда, что когда мы будемъ почивать въ своихъ гробахъ, то насъ посѣтятъ видѣнія, быть можетъ даже пріятныя"[1]).—Такъ говоритъ Астровъ дядѣ Ванѣ. И не то же ли самое хотѣлъ сказать Лермонтовъ, когда съ горькой ироніей воскликнулъ:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда[2]).

Такъ роковымъ образомъ сошлись и подали другъ другу руки два чуткихъ, но безотрадныхъ, отчаявшихся міросозерцанія: лермонтовское и чеховское.

И вотъ, соотвѣтственно этимъ тремъ этапамъ лермонтовскаго вопроса въ русской критикѣ, я и постараюсь обозрѣть въ общихъ чертахъ критическую литературу о Печоринѣ.

Прежде всего, конечно, критика *В. Г. Бѣлинскаго.* Имъ о „Героѣ нашего времени" напечатаны въ три различныхъ года въ двухъ журналахъ три отзыва, изъ которыхъ два—восторженныхъ, а одинъ—глубоко отрицательный. Извѣстная эволюція философскаго міровоззрѣнія Бѣлинскаго объясняетъ намъ, почему въ 41 году онъ преклоняется передъ романомъ, а въ

---

[1]) А. Чеховъ. Полн. собр. сочиненій, т. XIV, ст. 42, изд. А. Ф. Маркса.
[2]) Соч. Лерм. I, 273.

44 г. называетъ его ученическимъ эскизомъ. Первая огромная статья („Отеч. Записки“, 1840, 6 и 7) о романѣ заключаетъ слѣдующую — въ главныхъ чертахъ — характеристику героя. Авторъ, т. е. Лермонтовъ, сильно симпатизируетъ герою; „Герой нашего времени“ — вотъ основная мысль романа. Душа Печорина — не каменная почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля; онъ радъ повѣрить чему-нибудь, но не можетъ, такъ какъ слишкомъ аналитикъ; свой эгоизмъ онъ презираетъ и ненавидитъ; свои хорошія чувства онъ только скрываетъ, но они несомнѣнно есть въ немъ; „въ человѣкѣ — говоритъ Бѣлинскій — должно видѣть человѣка, и идеалы нравственности существуютъ въ однѣхъ классическихъ трагедіяхъ, во многихъ отношеніяхъ дурное настоящее обѣщаетъ прекрасное будущее“. И этотъ оптимизмъ Бѣлинскаго, эта его вѣра въ воскресеніе Печорина — глубока и непоколебима и въ концѣ статьи, гдѣ онъ навсегда прощается съ *такимъ* Печоринымъ и надѣется встрѣтиться съ *новымъ*, преображеннымъ. Неразгаданность и неясность характера героя, отмѣчаемая Бѣлинскимъ, также какъ будто утверждаетъ его въ мысли, что Печоринъ таитъ, быть можетъ, въ себѣ лучшія силы. Въ концѣ концовъ, Печоринъ, это — Онѣгинъ нашего времени (т. е. времени Б-го), и „несходство ихъ между собою гораздо меньше разстоянія между Онѣгою и Печорою“, причемъ существенная разница только лишь въ апатичности Онѣгина и рефлектирующемъ безпокойномъ анализѣ и исканіи жизни Печорина.

А въ 1844 г. мы съ удивленіемъ, съ какой-то скорбью читаемъ два противорѣчивыхъ признанія Бѣлинскаго. Вотъ что пишетъ онъ въ „Библіотекѣ для чтенія“: „Ну, такъ откровенно сказать — „Герой нашего времени“ — просто неудавшійся опытъ юнаго писателя, который до сихъ поръ не умѣлъ писать книгъ, учился писать“, и въ авторѣ виденъ человѣкъ, думающій, „будто понялъ сердце человѣка изъ разговора въ мазуркѣ“. А рядомъ, въ „Отечеств. Запискахъ“: „Вотъ книга, которой суждено никогда не старѣться“... и т. д.

Въ томъ же году появилась уничтожающая статья, высмѣивавшая суровый отзывъ Бѣлинскаго въ „Библіот. для чтенія". Она настолько типична для характеристики беззастѣнчивой литературной полемики враговъ Бѣлинскаго, что я цѣликомъ приведу эти ядовитыя слова: „Развѣ не странно казнить общественное мнѣніе подобныя отступленія отъ общепринятаго порядка, когда они случаются въ жизни (т. е. типъ Печорина)? Развѣ дурно платимъ мы (т. е. буржуазное общество) карточные долги? Развѣ водятся за нами такіе грѣшки, какъ за Печоринымъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Мы—прекрасные люди, а Печоринъ—вздоръ, миѳъ, клевета на современнаго человѣка. Да и весь то романъ—что много толковать—дрянь! То ли дѣло „Идеальная красавица", „Абаддона", „Блаженство безумія",—вотъ настоящіе романы, вотъ великія произведенія! Молодымъ умеръ Лермонтовъ, не успѣлъ онъ поучиться у старыхъ писателей, не дождался „Идеальной красавицы". Отъ этого-то, вотъ именно отъ этого-то нѣтъ въ его произведеніяхъ ни наблюдательности, ни знанія жизни, ни остроумія, ни слога!"[1]) Бѣлинскій грубо названъ здѣсь „критиканомъ", и вообще статья производитъ отталкивающее впечатлѣніе.

30 лѣтъ спустя *Скабичевскій* въ „Очеркахъ умственнаго развитія нашего общества" пишетъ по поводу первой статьи Бѣлинскаго о романѣ и въ концѣ замѣчаетъ: „Во всемъ этомъ много романтическаго; типъ Печорина былъ разобранъ впослѣдствіи на болѣе реальныхъ и объективныхъ основаніяхъ, и въ глазахъ публики сталъ на одну доску съ Обломовымъ, но въ это время (т. е. Бѣлинскаго) сочувственное отношеніе ко всему, выходящему изъ предѣловъ этой морали, было въ высшей степени полезно въ томъ отношеніи, что подкапывалось подъ гнилую, отжившую мораль и расшатывало ея господство".

Прекраснымъ показателемъ идеологіи нашего славянофильства въ 40-хъ годахъ, въ частности его отношенія къ типу Печорина, можетъ служить статья *С. Шевырева*, напеча-

---

[1]) „Литературная Газета", 1844, № 11.

анная въ „Москвитянинѣ“ въ 1841 году. По словамъ автора я, глубоко отрицательнымъ и выдуманнымъ типомъ является Печоринъ, этотъ „мальчикъ съ морщинами старости“; болѣзнь его, которую авторъ статьи сравниваетъ съ собачьей старостью, не что иное, какъ голодъ развратной души; далѣе отмѣчается его гордость духа, врожденная страсть противорѣчить; 25-лѣтній сластолюбецъ, забавляющійся и развращающій Бэлу и Мери,—Печоринъ не можетъ реагировать на прошлое: „такіе эгоисты берегутъ себя“, слѣдовательно, не могъ и вести психологическаго дневника. Здѣсь авторъ статьи впадаетъ въ сильное противорѣчіе: именно, назвавъ раньше романъ замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ, онъ теперь явно обличаетъ Лермонтова въ непониманіи своего же героя и надѣленіи его способностью, которой онъ обладать не могъ. Корень зла въ жизни Печорина Шевыревъ видитъ въ западномъ воспитаніи; тогда какъ „зло вообще можетъ быть допущено въ міръ изящнаго только при условіи глубокаго нравственнаго значенія, изображаемо только крупными чертами идеальнаго типа“,— Печоринъ является „пигмеемъ зла“, призракомъ, отброшеннымъ на насъ западомъ, тѣнью его недуга.

Наконецъ, *В. Плаксинъ* впервые отмѣтилъ явно сатирическое направленіе романа. „Изображеніе Печорина такъ полно и всесторонне, что не оставляетъ ничего болѣе желать“ [1]). Однако, присутствіе Печорина въ разсказахъ „Тамань“ и „Бэла“, какъ имѣющихъ свои завязки и интересы, авторъ статьи считаетъ лишнимъ. Въ послѣднемъ онъ не правъ, такъ какъ еще по мѣткому замѣчанію Бѣлинскаго „изъ-за отношенія Печорина къ Бэлѣ вы невольно догадываетесь о какой то другой повѣсти, заманчивой, таинственной и мрачной“ [2]).

Этой статьей можно закончить обзоръ критики 40-хъ годовъ. Что же сказать о ней? Всегда искренняя, внимательная къ роману, часто блестящая по внѣшности, какъ, напр.,

---

[1]) „Сѣверное Обозрѣніе“, 1848.

[2]) „Отеч. Зап.“, 1840, 6 и 7.

статья Бѣлинскаго, она однако не можетъ претендовать на глубокое проникновеніе въ сущность характера Печорина; оттѣняя преимущественно естественность романа, живость изложенія и т. д., эта критика разсматривала характеры въ отдѣльности, какъ болѣе или менѣе удавшіеся автору образы, но не какъ носителей извѣстной общественной идеи, или, по крайней мѣрѣ, настроенія; понятно, почему она не могла выяснить коренного вопроса, поскольку Печоринъ былъ нуженъ и полезенъ въ исторіи общаго прогресса мысли и этики. Эта задача выпала на долю молодыхъ 60-хъ годовъ, годовъ усиленной общественной дѣятельности и переоцѣнки всѣхъ цѣнностей. Къ критикѣ этихъ годовъ, развѣнчавшей Печорина и насмѣявшейся надъ нимъ, я и приступаю.

И. Галаховъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1858 г. (8 и 9 к.) и *Ап. Григорьевъ* въ статьѣ, помѣщенной въ „Русскомъ Словѣ" за 1859 г. (II и III)—спокойно, увѣренно и строго-послѣдовательно показали всѣмъ, что такое, въ сущности, Печоринъ, и терпимъ ли онъ въ жизни, какъ дѣятельный членъ ея. Впервые примѣнивъ къ Печорину сравнительный методъ, они показали, что всѣ герои Лермонтова—болѣзненныя, экзальтированныя натуры—одно и то же лицо, въ сущности. И, установивъ родство Печорина съ Арбенинымъ и кн. Звѣздичемъ, они тѣмъ самымъ установили необузданную страстность, безумную силу и дикія понятія Печорина, вопіющія противъ общественныхъ понятій; столкновеніе такихъ стремленій со свѣтомъ ужасно, и, если они искренни, то противообщественны, если съ натяжкой, то закрадется сомнѣніе въ силѣ личности Печориныхъ и ея средствахъ. Въ своей статьѣ Галаховъ развернулъ вопросъ еще шире; именно—черты будущаго Печорина онъ находитъ уже въ 10-лѣтнемъ Арбенинѣ и 6-лѣтнемъ Мцыри, имѣя въ виду ихъ болѣзни, развившія могучій духъ, а также въ Александрѣ Радинѣ („Два брата"); онъ же впервые опредѣлилъ фатализмъ Печорина, какъ соединеніе двухъ элементовъ: судьбы и личной природы: далѣе Галаховъ, путемъ сопоставленія романа съ нѣкоторыми

тихотвореніями Лермонтова а также поэмами Байрона, приходитъ къ заключенію, что 1) въ Печоринѣ Лермонтовъ въ начительной степени изобразилъ себя и 2) въ Печоринѣ много ходства съ героями Байрона. Выяснивъ далѣе возможность даже необходимость появленія Печорина въ началѣ 19-го вѣка, акъ—хотя и безпочвеннаго—протестанта противъ уродливой дѣйствительности, Галаховъ перечисляетъ литературныхъ редтечей Печорина и отмѣчаетъ вліяніе Гюго и Бальзака на азвитіе у Лермонтова въ романѣ психологическаго анализа жизни и характеровъ. Итакъ, А. Григорьевъ и И. Галаховъ становили полную непригодность и даже вредъ Печорина, акъ общественнаго работника и двигателя жизни.

А отсюда былъ уже шагъ до причисленія его *Н. Добролюбовымъ* къ сонму обломовцевъ въ знаменитой статьѣ „Что акое обломовщина?“ [1]) Путемъ сопоставленія отдѣльныхъ потупковъ и фразъ Печорина съ таковыми Обломова, Онѣгина, Бельтова и Рудина, Добролюбовъ приходитъ къ заключенію, что всѣ они—одного поля ягоды, и что, если Печоринъ отличается отъ нихъ чѣмъ-либо, то это—отдѣльными свойствами атуры, какъ-то: болѣе страстной душой, сильнымъ самолюіемъ, остроуміемъ и т. д., что все однако обращается у него ъ пустую, и, въ концѣ концовъ, „самая его дѣятельность—почетный халатъ“. Добролюбовъ прочно прибиваетъ крышку надъ гробомъ, сколоченнымъ для Печорина Ап. Григорьевымъ Галаховымъ, когда говоритъ: „Теперь уже всѣ эти герои отодвинулись на второй планъ, потеряли прежнее значеніе, перестали сбивать насъ съ толку“.

Въ своемъ введеніи я подробно остановился на вопросѣ преемствѣ лермонтовскихъ типовъ въ чеховской литературѣ 90-хъ годовъ. Здѣсь мнѣ придется вкратцѣ прослѣдить это постепенное повышеніе интереса къ лермонтовской поэзіи, въ частности, къ типу Печорина, въ наиболѣе характерныхъ тру-

[1]) Добролюбовъ. Сочиненія, т. II, гл. VIII.

дахъ критиковъ 90-хъ и 900-хъ годовъ, такъ какъ 70-е и 80-е годы въ этомъ отношеніи представляютъ пустое мѣсто.

Въ 5-ой главѣ труда *К. Головина* „Русскій романъ и общество“ говорится о русскомъ романтизмѣ и Лермонтовѣ, какъ яркомъ его представителѣ. Отличіе Печорина отъ западныхъ романтиковъ Головинъ видитъ въ большемъ эгоизмѣ перваго, въ поклоненіи исключительно самому себѣ; такіе люди, какъ Печоринъ, „живутъ и дышатъ общимъ поклоненіемъ себѣ, женской преданной любовью и боязливой угодливостью мужчинъ“ [1]). Далѣе авторъ отмѣчаетъ скрытую гордость Печорина, его одинокое гордое страданіе, совершенно отрицаетъ въ немъ „протестующаго либерала“, называя его протестъ—протестомъ аристократа; отмѣтивъ, что Лермонтовъ всецѣло находился подъ обаяніемъ своего героя, Головинъ заканчиваетъ свою статью сравненіемъ Печорина съ блестящимъ метеоромъ, ненужнымъ, величавымъ и проходящимъ въ жизни, не давъ счастья никому.

Наиболѣе полное и исчерпывающее почти всѣ мотивы романа изслѣдованіе представляетъ монографія *Н. Котляревскаго.* Въ ней добросовѣстное отношеніе къ дѣлу и обстоятельность соединены со многими оригинальными мыслями. Самый романъ изслѣдователь называетъ „скорѣе простымъ дневникомъ, чѣмъ обдуманной сатирой“ [2]) и въ Печоринѣ видитъ отраженіе *одного* момента въ духовномъ развитіи самого Лермонтова, когда онъ рѣшилъ дать полную волю гнѣздившимся въ немъ противорѣчіямъ. Причисляя Печорина къ семьѣ демоническихъ натуръ Лермонтова и констатируя въ немъ больше правды, чѣмъ въ тѣхъ, Котляревскій все же называетъ его типомъ неяснымъ и полнымъ противорѣчій, и „въ противорѣчіи принятаго рѣшенія съ природными свойствами человѣка заключается ключъ къ пониманію этого темнаго характера, въ которомъ безспорно много жизненной правды,

---

[1]) К. Головинъ. „Русскій романъ и общество“, 49.

[2]) Н. Котляревскій, Лермонтовъ, 187.

но много и поэтическаго вымысла" [1]). Нервность и капризность отмѣчаются какъ основныя черты характера Печорина; отрицая въ немъ вообще нравственный законъ, изслѣдователь признаетъ однако нѣкоторыя нравственныя черты, какъ: способность къ любви и нѣжное чувство къ природѣ, способность къ благороднымъ порывамъ вообще. Но вѣдь послѣднее—скажемъ мы—нисколько не уменьшаетъ обломовщины Печорина; обломовцы тоже способны къ порывамъ. Наиболѣе оригинальное мѣсто въ статьѣ—8-я глава, гдѣ изслѣдователь блестяще доказываетъ полную разнородность типовъ Онѣгина и Печорина.

Къ старому взгляду на Печорина, какъ на сильную, созданную для великой жизни натуру, возвращается *В. Спасовичъ*; вотъ что говоритъ онъ о немъ: „Печоринъ безконечно сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе, нежели кипучій, но мягкій Онѣгинъ. Печоринъ есть 1-ый экземпляръ непереводящагося до сихъ поръ рода людей изъ закаленной стали, большей частью пропадающихъ безцѣльно и безславно, по полному ихъ неумѣнью или нежеланью справляться съ мелкими, будничными задачами обыкновенной жизни, и порывающихся на нѣчто болѣе великое" [2]).

Ю. Елагинъ [3]) вполнѣ согласенъ съ Котляревскимъ въ томъ, что Печоринъ—отраженіе иныхъ чертъ характера Лермонтова, главнымъ образомъ, иныхъ его настроеній; называя душу Печорина пустой, авторъ статьи ставитъ Лермонтова выше его героя.

Приблизительно ту же мысль объ автобіографическомъ элементѣ въ Печоринѣ высказываетъ *Ив. Ивановъ* въ своей біографіи Лермонтова [4]) въ словахъ: „характеристика Печорина связана для Лермонтова съ дѣломъ самопознанія и самокри-

---

[1]) Ibid, 191.

[2]) В. Спасовичъ. Сочиненія, II, 396—7.

[3]) Ю. Елагинъ. Лермонтовъ, „Русск. Вѣстн.", 1891, VIII.

[4]) „Энциклопед. словарь". изд. Брокгауза и Ефрона.

тики“; на ряду со многими отрицательными чертами Печоринъ обладаетъ искреннимъ отношеніемъ къ самому себѣ; организмъ сильный, онъ только непримѣнимъ въ русской жизни; „великое и ничтожное уживаются въ немъ рядомъ, и, если-бы потребовалось разграничить то и другое, великое пришлось бы отнести къ личности, а ничтожное—къ обществу“. Примыкая въ основѣ къ Спасовичу, Ив. Ивановъ, т. обр., впервые послѣ долгаго времени открыто высказалъ мысль о томъ, что Печоринъ—жертва общества; и въ этомъ мы опять-таки видимъ реакцію противъ 60-хъ годовъ; жалостливая нотка все сильнѣе проступаетъ въ критикѣ.

Тотъ же взглядъ о трагизмѣ положенія Печорина на русской почвѣ начала 19-го вѣка высказываетъ и *Морозовъ*, считая Печорина „дальнѣйшимъ развитіемъ Онѣгина“ [1]); въ противоположность Елагину, Морозовъ называетъ Печорина отрицателемъ общественной пустоты, породившей его, „демоническимъ протестомъ противъ мелочности и ничтожества свѣта“, безсильнымъ однако противопоставить этому что-либо, кромѣ презрѣнія.

А. Пыпинъ, подобно Иванову и Котляревскому, прямо говоритъ объ автобіографическихъ чертахъ Печорина и называетъ его „видоизмѣненіемъ того общаго типа, въ которомъ Лермонтовъ старается осмыслить и оправдать различные фазисы своего личнаго настроенія“ [2]).

Вотъ къ какимъ пестрымъ выводамъ пришла критика 90-хъ годовъ. Начиная умѣренной, безстрастной оцѣнкой Котляревскаго и кончая идеализаціей Печорина Морозовымъ и Спасовичемъ, всѣ эти отзывы—кромѣ развѣ Елагина—поражаютъ удивительно терпимымъ, часто даже жалостливымъ, любовнымъ отношеніемъ къ Печорину; и въ этомъ взглядѣ, такомъ далекомъ отъ сарказма 60-хъ годовъ, мы замѣчаемъ посте-

---

[1]) П. Морозовъ. Минувшій вѣкъ, 146.

[2]) А. Пыпинъ. Исторія русской литературы, IV.

пенно назрѣвающее признаніе въ Печоринѣ выразителя трагедіи души современнаго интеллигента, его недуга. Значеніе это, не вполнѣ понятое въ 90-хъ годахъ, нѣсколько лѣтъ назадъ прекрасно разъяснилъ *г. Ивановъ-Разумникъ* въ своей „Исторіи русской общественной мысли"; эту общую двумъ поколѣніямъ неудовлетворенность и тоску онъ опредѣляетъ какъ „анти-мѣщанство"; оно у Лермонтова—„основа содержанія его творчества, та его сторона, которая объясняетъ намъ его съ головы до ногъ... Лермонтовъ боролся съ мѣщанствомъ самой жизни" [1]). Отмѣчая далѣе любовь Лермонтова къ землѣ, Ив.-Разумникъ говоритъ, что „возможность разрыва настоящей жизни съ мѣщанствомъ Лермонтовъ видѣлъ въ полномъ соціологическомъ и эстетическомъ одиночествѣ" [2]); и далѣе: „Печоринъ на первый взглядъ—сила великая, онъ дѣйствительно „герой". Но сейчасъ же надо прибавить, что „сила эта находится отчасти въ потенціальномъ состояніи, отчасти невѣрно направлена: и въ этой невѣрно направленной силѣ—вся слабость Печорина и причина того, что онъ и въ дѣйствительности былъ „лишнимъ человѣкомъ" [3]).

Съ не менѣе новой, оригинальной точки зрѣнія взглянулъ на романъ на рубежѣ 19-го и 20-го вѣковъ *Вл. Соловьевъ* въ своей замѣчательной философской статьѣ о Лермонтовѣ [4]). Считая его прямымъ родоначальникомъ русскаго ницшеанства, Соловьевъ особенности поэта видитъ въ: 1) страшной напряженности и сосредоточенности мысли на своемъ „я", 2) способности переступать въ чувствѣ и созерцаніи черезъ границы обычнаго порядка явленій: „человѣку естественно хотѣть быть больше и лучше, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, и путь къ сверхчеловѣчеству—не въ измѣненіи формы, а въ лучшемъ функціонированіи старыхъ формъ"; тутъ, въ

---

[1]) Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской обществен. мысли, I, 153.

[2]) Ibid. 165.

[3]) Ibid.

[4]) В. Соловьевъ. Лермонтовъ. „Вѣст. Евр.", 1901, т. I.

этой формулѣ, кроется абсолютное оправданіе думъ и поступковъ Печорина; онъ является сверхчеловѣкомъ,—ему не надо передѣлывать себя, вся суть—оказывается—только въ „лучшемъ функціонированіи старыхъ формъ". И вотъ Соловьевъ приходитъ къ выводу, что въ „Героѣ Нашего Времени" окончательное торжество эгоизма надъ неудачной попыткой любви есть намѣренная тема", а „одиночество и пустынность напряженной и въ себѣ сосредоточенной личной силы, не находящей себѣ достаточно удовлетворяющаго ее примѣненія, есть первая основная черта Лермонтовской поэзіи и жизни", слѣдовательно -и Печорина.

Рѣзкимъ и страннымъ диссонансомъ въ этой постепенно наростающей гаммѣ доброжелательнаго отношенія къ Печорину является отзывъ *Бороздина*. „Иногда—говоритъ онъ—холодные люди начинаютъ дѣйствовать, но дѣйствіе ихъ еще хуже, чѣмъ бездѣйствіе: оно влечетъ за собою горе для всѣхъ окружающихъ, такъ какъ проникнуто исключительно однимъ эгоизмомъ и самообожаніемъ. Таковы Печоринъ и Арбенинъ" [1]); и далѣе: „Лермонтовъ осудилъ этотъ (т. е. Печорина) типъ", который „развѣнчивается чуть ли не съ самаго начала романа" [2]); правда, Бороздинъ не разъясняетъ, въ чемъ состоялъ вѣнецъ героя; и этому изломанному вредному фату Лермонтовъ противопоставляетъ—по словамъ Бороздина—глубоко жизненные типы Максима Максимыча, Казбича и Азамата, и въ этомъ противопоставленіи Печорина Ма́ксиму Максимычу заключается задатокъ идеи, на которой построены многіе романы Достоевскаго, идеи противопоставленія людямъ рефлексіи людей простыхъ, но съ чуткимъ сердцемъ и богатыхъ тѣмъ, что Достоевскій въ „Идіотѣ" называетъ „главнымъ умомъ".—Такимъ образомъ, Бороздинъ ясно полагаетъ въ „Героѣ нашего времени" начало психо-патологическаго романа: это очень важно въ томъ смыслѣ, что открываетъ новую

---

[1]) А. Бороздинъ. Литератур. характеристики 19-го вѣка, I, 243.
[2]) Ibid., 255.

точку зрѣнія на Печорина, какъ на отчасти ненормальнаго въ душевномъ отношеніи человѣка.

Свой обзоръ критической литературы я закончу указаніемъ на трудъ нѣмецкаго профессора *Брюкнера* „Исторія русской литературы". Онъ впервые указалъ на политическое значеніе поэзіи Лермонтова, назвавъ ее „продуктомъ николаевскаго режима" [1]), на то, что „Лермонтовъ—самый антисоціальный русскій поэтъ, а его пессимизмъ—самый безнадежный", и что „даже возможность жизни для другихъ людей, для гуманныхъ цѣлей никогда не приходитъ ему въ голову" [2]) Такъ и хочется эти мѣткія слова перенести на Печорина, о которомъ Брюкнеръ говоритъ, что „это—Лермонтовъ, какимъ онъ былъ въ 1839 году" [3]).

Передъ нами только что прошелъ цѣлый калейдоскопъ критическихъ отзывовъ, носящихъ печать опредѣленной эпохи, опредѣленнаго общественнаго міровоззрѣнія. Въ 60-хъ годахъ критика развѣнчала Печорина, въ 90-хъ годахъ она вознесла его на пьедесталъ всѣмъ близкаго по духу, а, главное, какъ будто уже давно знакомаго человѣка.

Такимъ образомъ, передъ нами—важный вопросъ: былъ ли Печоринъ великимъ бѣсомъ, или просто—капризнымъ, избалованнымъ, нервнымъ бѣсенкомъ сомнительнаго происхожденія, для котораго только не нашлось хорошей палки, чтобы загнать въ подворотню, откуда бы онъ не могъ смущать и злить публику.

Мы перечитываемъ романъ, и, какъ всегда, у насъ остается гладенькое, чистенькое, но неопредѣленное впечатлѣніе: не думаю, чтобы кто-либо по прочтеніи этого романа могъ опредѣленно сказать что-либо законченное, точное на основаніи

---

1) Брюкнеръ. Исторія русск. литературы, I, 134.

2) Ibidem.

3) Ibidem, 139.

того, что говоритъ о себѣ самъ герой. А вѣдь онъ такъ заботится о впечатлѣніи, которое произведетъ на другихъ! Вездѣ, гдѣ хоть немного могутъ усомниться въ порядочности и цѣлесообразности его мыслей, онъ съ невинной улыбкой говоритъ, что его жизнь несчастна, что самъ онъ достоинъ сожалѣнія, и—доброжелательство читателя возвращено! Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Не поражаетъ ли то обстоятельство, что Печоринъ *никогда* не хвалитъ или порицаетъ себя до конца, такъ, чтобы можно было сказать о немъ: да, это въ немъ дѣйствительно скверно, а это—идеально хорошо. Потому что въ этомъ случаѣ очень легко было бы сдѣлать его оцѣнку, чего страшно боится Печоринъ. Правда, онъ презираетъ людей, большинство ихъ для него—дураки; но все это не мѣшаетъ ему отдергивать руку отъ Мери, когда могутъ замѣтить другіе, и цѣловать эту же руку, когда этого не могутъ замѣтить. Если же Печоринъ очень часто и утверждаетъ или отрицаетъ что-либо твердо, то передъ его фразами всегда надо ставить частицу „не“, особенно когда онъ говоритъ что-нибудь хотя бы княжнѣ Мери или Грушницкому, который—бѣдный!—на протяженіи всей повѣсти выводится какой-то дурацкой персоной, хотя вовсе не всегда заслуживаетъ этого. Съ умными людьми Печоринъ усваиваетъ совершенно другую манеру разговора: тутъ не надо ставить частицы „не“, потому что *тутъ* раскусятъ, въ чемъ дѣло; тутъ можно прямо сказать, въ чемъ дѣло; тутъ можно прямо сказать: ну, братъ, дураки-дураками, а мы поговоримъ дѣльно. Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что съ умнымъ докторомъ Вернеромъ, передъ которымъ надо снять маску, осторожный Печоринъ или говоритъ лаконично, или предоставляетъ угадывать свои мысли,—пріемъ очень удобный и въ высшей степени напоминающій квартиру съ двумя выходами.

Теперь намъ ясна та основная точка зрѣнія, или тезисъ печоринской души, отъ котораго мы и будемъ отправляться при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи его личности: это—необыкновенное умѣніе мѣнять свое внѣшнее „я“, смотря по тому, съ

рымъ приходится имѣть дѣло. Припомнимъ, что самъ Лермонтовъ былъ въ высшей степени неодинаковъ въ различные моменты и настроенія, Печоринъ же—хамелеонъ по отношенію къ различнымъ лицамъ и событіямъ; и въ этомъ уже намѣчается первое глубокое различіе между ними; насколько, т. обр., Лермонтовъ могъ быть непріятнымъ, но искреннимъ,—настолько Печоринъ могъ быть пріятнымъ и неискреннимъ. И вотъ, чтобы покончить съ вопросомъ о духовномъ родствѣ и взаимныхъ симпатіяхъ Лермонтова и Печорина,—напомню еще разъ предисловіе романа; Лермонтовъ прямо говоритъ о портретѣ, составленномъ изъ пороковъ поколѣнія, ничѣмъ не смягчая этой холодной, жестокой фразы; и мы съ психологической точки зрѣнія не можемъ допустить, чтобы авторъ, серьезно говоря такъ о своемъ героѣ, могъ допустить свое родство съ нимъ. Вѣдь, уже изъ образа Арбенина видно, какъ мучительно сталъ колебаться Лермонтовъ въ своей вѣчной проблемѣ необыкновеннаго человѣка, какъ онъ все больше и больше терялъ нити побѣднаго шествія своего героя въ жизни, и, наконецъ, долженъ былъ капитулировать!

Намъ необходимо было выяснить все это для того, чтобы знать, съ какимъ Печоринымъ мы имѣемъ дѣло въ томъ или другомъ случаѣ, а ихъ, какъ увидимъ, будетъ не менѣе четырехъ.

Первый Печоринъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло больше всего и чаще всего, это—Печоринъ въ обществѣ людей обыденныхъ: водяного общества, офицеровъ, Грушницкаго, Мери, Бэлы, Максима Максимыча, наконецъ—собственнаго камердинера въ венгеркѣ съ большими усами; тутъ онъ обольстительнѣе и въ то же время лживѣе всего; тутъ онъ великій фокусникъ на малыя дѣла, стратегъ, психологъ, иногда страдалецъ, иногда острякъ, иногда нахалъ,—все это въ зависимости отъ обстоятельствъ и аудиторіи.

Второй Печоринъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло довольно рѣдко, это—Печоринъ въ обществѣ умныхъ людей, которыхъ всѣхъ въ данномъ случаѣ представляетъ почему то докторъ

Вернеръ:—Лермонтовъ не показалъ намъ убѣдительно его ума, и намъ остается вѣрить ему на слово; тутъ герой—остороженъ, сдержанъ, молчаливъ, умѣренно остроуменъ и, я бы сказалъ, выжидательно настроенъ: онъ знаетъ, что, не обладая положительными знаніями, онъ легко можетъ попасть въ просакъ; и потому оба они чаще всего изображаютъ мудрыхъ римскихъ авгуровъ, не понимавшихъ другъ друга, хотя Печоринъ и твердитъ постоянно, что они думаютъ одинаково; на дѣлѣ это доказано только въ одномъ случаѣ, да и то въ такомъ, гдѣ не требовалось особаго ясновидѣнія: докторъ просто догадался, что Печоринъ интересуется мѣстнымъ обществомъ, что очень естественно, если принять во вниманіе, что Печоринъ два дня какъ пріѣхалъ и скучаетъ; въ концѣ же концовъ, передъ дуэлью, Печоринъ все же *разсказываетъ* о себѣ Вернеру.

Третій Печоринъ, съ которымъ мы встрѣчаемся, когда онъ не изводитъ Грушницкаго и не мучитъ Мэри и Вѣру, это—Печоринъ наединѣ съ самимъ собой въ обыкновенномъ настроеніи; и вотъ это-то состояніе, наиболѣе интересное, въ то же время и наиболѣе сложно и трудно для пониманія и анализа; тотъ, кто всю жизнь на людяхъ былъ не тѣмъ, что есть, говоря одно—думалъ другое,—тотъ и въ своихъ будничныхъ думахъ всегда носитъ въ себѣ элементы какъ бы невольнаго, но привычнаго разлада, разлада—незамѣчаемаго имъ самимъ все чаще и чаще, чѣмъ дальше къ концу подвигается его лживая, неестественная жизнь. Печоринъ наединѣ, какъ человѣкъ рефлексовъ и обладающій природнымъ умомъ, очень и очень любитъ если не разсуждать, то отрывисто думать. Признавая всегда значительный интересъ этихъ думъ-афоризмовъ какъ по затрагиваемому матеріалу, такъ и по оригинальности ихъ постановки,—мы, однако, затруднимся съ увѣренностью опредѣлить, что въ нихъ—истина, что—притворство; и, мнѣ кажется, менѣе всего могъ бы это опредѣлить самъ герой, невольно переносящій элементы своего ежедневнаго кривлянья и позерства передъ водяной публикой

въ интимнѣйшіе уголки своей внутренней думы. Причудливымъ, иногда пышнымъ, но всегда какимъ-то неестественно гибкимъ, змѣинымъ узоромъ переплетаются эти то тусклыя и скучныя, то блестящія и коварныя мысли; и кажется порой, что герою пріятно запутать самого себя въ невидимыхъ сѣтяхъ искреннихъ и фальшивыхъ мыслей, остановиться надъ этой путаницей, долго созерцать и, наконецъ, самодовольно вынести убѣжденіе въ сложности и интересности своей натуры. Прекраснымъ примѣромъ подобнаго безсознательнаго винегрета изъ правды и неправды въ собственной головѣ, о которомъ герой даже не догадывается, можетъ служить хотя бы слѣдующая тирада:

> Да, я ужъ прошелъ тотъ періодъ жизни душевной, когда ищутъ только счастья, когда сердце чувствуетъ необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь; теперь я только хочу быть любимымъ, и то очень немногими; даже мнѣ кажется, одной постоянной привязанности мнѣ было бы довольно: жалкая привычка сердца [1]).

Такъ думалъ Печоринъ послѣ страстной, неожиданной встрѣчи съ Вѣрой. Принимая во вниманіе подъемъ сердечнаго чувства, мы имѣемъ, слѣдовательно, основаніе думать, что это сказано искренно; и мы совершенно согласны съ тѣмъ, что онъ не можетъ сильно и страстно теперь любить; но Печоринъ обманываетъ себя, когда вслѣдъ за тѣмъ толкуетъ о желаніи одной любви, одной привязанности: вѣдь и то и другое въ чистомъ, дѣвственномъ видѣ онъ вскорѣ могъ имѣть въ лицѣ Бэлы и Максима Максимыча, и онъ отказался отъ нихъ... То же противорѣчіе съ собой найдемъ въ отрывкѣ:

> Я вернулся домой волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть. „За что они всѣ меня ненавидятъ?"—думалъ я —„за что? обидѣлъ ли я кого нибудь? Нѣтъ. Неужели я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ одинъ

[1]) Соч. Лермонтова, V, 268.

> видъ уже порождаетъ недоброжелательство!“ И я чувствовалъ, что ядовитая злость мало по малу наполняла мою душу. „Берегитесь, господинъ Грушницкій!“ [1])

Мы великолѣпно понимаемъ наростающую въ гордомъ, великолѣпномъ Печоринѣ злость при мысли о каверзахъ Грушницкаго и К⁰; но мы не понимаемъ, какъ онъ могъ грустить о томъ, что его ненавидятъ, какъ могъ не понимать этого, онъ, который постоянно издѣвался надъ тѣмъ же Грушницкимъ и брезгливо посматривалъ на пьянаго капитана и его товарищей! Не иначе, какъ безсознательнымъ лицемѣріемъ къ самому себѣ, назовемъ мы это.—Наконецъ, еще чаще у Печорина случаи, когда онъ, увѣренно проводя какую либо мысль, защищая ее пламенно—такъ что читатель совершенно увѣренъ въ томъ, что онъ именно такъ и сдѣлаетъ,—въ концѣ концовъ, какъ будто допускаетъ совершенно другой исходъ; таково его разсужденіе о женитьбѣ, къ которой онъ питаетъ непреодолимое отвращеніе:

> Это какой то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе... Вѣдь есть люди, которые безотчетно боятся пауковъ, таракановъ, мышей [2]).

И что же! Оказывается, старуха предсказала ему смерть отъ злой жены, и онъ думаетъ только о томъ, чтобы предсказаніе сбылось какъ можно позже. Таковъ въ общей схемѣ Печоринъ въ своемъ одинокомъ, нормальномъ бытіи.

Но есть, наконецъ, четвертый Печоринъ, Печоринъ растерянный, выбитый изъ своей удобной обычной колеи олимпійства и презрѣнія къ людямъ, вдругъ обнаружившій общечеловѣческія слабости. И—странно—такіе моменты, очень рѣдкіе въ его жизни, наступаютъ, какъ слѣдствіе сильнаго женскаго чувства къ нему, въ чемъ бы оно ни проявлялось. Умираетъ Бэла; дрожащими тоненькими руками обнимаетъ она шею своего дорогого гуяра, проситъ его дать воды, и...

---

[1]) Ibid., 301.
[2]) Ibid., 302.

> ...онъ сдѣлался блѣденъ какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей [1]).

а когда Бэла скончалась и добрый Максимъ Максимычъ хотѣлъ утѣшить Печорина,

> онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха [2]).

—говоритъ Максимъ Максимычъ. Вотъ что могла сдѣлать съ Печоринымъ 16-лѣтняя дикарка! Но послушаемъ, что было съ нимъ послѣ полученія прощальнаго письма отъ Вѣры, больной, экзальтированной женщины, надъ которой онъ по ея собственному выраженію имѣлъ „власть непобѣдимую“:

> Я, какъ безумный... прыгнулъ на Черкесса... и пустился во весь духъ по дорогѣ въ Пятигорскъ. Я скакалъ, задыхаясь отъ нетерпѣнія. Мысль не застать ее въ Пятигорскѣ молоткомъ ударяла мнѣ въ сердце... Я молился, плакалъ, проклиналъ, смѣялся... Вѣра стала для меня дороже всего на свѣтѣ, дороже жизни, чести, счастья! [3]).

Все это хорошо,—скажемъ мы,—всѣ эти вопли, быть можетъ, объясняются досадой и оскорбленнымъ самолюбіемъ самца, отъ котораго ушла его собственность. Но, вотъ, конь Печорина издохъ, и послѣдній

> упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ. И долго я лежалъ неподвижно и плакалъ горько, не стараясь удерживать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли какъ дымъ; душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ, и если бъ въ эту минуту кто нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся [4]).

Мнѣ думается, что такія признанія въ устахъ Печорина поразительны, почти страшны; вѣдь человѣкъ говоритъ,

---

[1]) Ibid., 223.
[2]) Ibid., 224.
[3]) Ibid., II, 323.
[4]) Ibid., 324.

что онъ старался не удерживать рыданій, что онъ потерялъ твердость и хладнокровіе —свои драгоцѣнныя качества предъ глупыми людьми; душа его теперь почти открыта для хорошихъ людей, и все же въ концѣ ядовитой змѣей вползетъ мысль надменнаго Печорина о томъ, что увидѣвшіе его теперь посмѣялись бы надъ его слабостью!

Такъ, четыхрехгранной фигурой, неясной въ деталяхъ, но понятной уже въ общемъ предсталъ предъ нами образъ Печорина: Мы знаемъ теперь его отношенія къ людямъ, къ самому себѣ,—послѣднее, впрочемъ, еще не совсѣмъ ясно. И вотъ передъ нами назойливо встаетъ вопросъ—не могъ ли Печоринъ быть другимъ, если уже не къ себѣ, то къ простодушнымъ людямъ,—вопросъ о томъ, почему и по какому праву онъ позволяетъ себѣ смѣяться надъ ними, часто губить ихъ жизнь. Этотъ вопросъ, весьма важный, приводитъ къ кардинальному вопросу о мефистофелизмѣ Печорина, его причинахъ, силѣ и значеніи въ собственной жизни и жизни другихъ. Этотъ мефистофелизмъ прежде всего не принялъ у него какихъ-либо сильныхъ, угрожающихъ, или даже просто интересныхъ размѣровъ. Это съ одной стороны—неизбѣжный результатъ наблюденій неглупаго отъ природы человѣка надъ пошлой, мелкой дѣйствительностью; тутъ мефистофелизмъ находится еще въ своемъ возвышенномъ фазисѣ одиночества, гордой думы, иногда скорби о человѣкѣ и его смѣшной жизни: таковъ онъ у Лермонтова, такимъ онъ былъ и у юнаго Печорина, когда онъ только что получилъ отъ людей всѣ удары и удалился отъ нихъ; съ другой стороны—такой, первоначально чистый, самодовлѣющій мефистофелизмъ могъ обратиться въ злое желанье постоянно мстить людямъ, гдѣ только можно, мстить большей частью мелко, шутки ради, не объяснивъ ни поводовъ, ни указавъ жертвѣ основаній въ собственной разбитой жизни.

—Я вамъ скажу всю истину,—отвѣчалъ я княжнѣ:—не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ: я васъ не люблю.

Ея губы слегка поблѣднѣли.

—Оставьте меня,—сказала она едва внятно.

Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ [1]).

Таковъ Печоринъ въ зрѣломъ возрастѣ, *такимъ* не былъ ермонтовъ, но невольно припоминаются слѣдующія слова зъ письма Лермонтова къ М. А. Лопухиной отъ 1833 г.:

—Я, право, не знаю, какимъ путемъ итти мнѣ, путемъ ли порока, или пошлости?

Печоринъ, видите-ли, не оправдывается, не объясняетъ, пожимаетъ плечами и уходитъ,—очень просто и удобно, а ля Мери—эффектъ, пожалуй, даже уничтожающій. А вотъ римѣръ уже въ другомъ духѣ. Княжна говоритъ Печорину, то сѣрая шинель идетъ гораздо больше Грушницкому, чѣмъ ундиръ, и герой отвѣчаетъ:

—Я съ вами не согласенъ: въ мундирѣ онъ еще моложавѣе.

Грушницкій не вынесъ этого удара... топнулъ ногою и отошелъ прочь. [2])

А нашъ Мефистофель злорадно усмѣхался. Замѣтивъ, что кольцѣ Грушницкаго вырѣзано имя „Мери", Печоринъ оворитъ:

Я утаилъ свое открытіе, я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренные — и тутъ то я буду наслаждаться! [3])

оследнія слова удивительно напоминаютъ мысли гетевскаго ефистофеля о Фаустѣ; только тамъ дѣйствительно было чѣмъ асладиться злому духу! Въ то время какъ здѣсь, это—не стрѣчающій отпора мелкій бѣсъ скуки и нелѣпой мести за вою неудавшуюся жизнь. Но бываютъ моменты, когда этотъ елкій бѣсъ неожиданно принимаетъ крупные размѣры, и огда намъ дѣлается жутко отъ его мыслей и словъ. Вспомнимъ

---

[1]) Ibid., 302.

[2]) Ibid., 290—1.

[3]) Ibid., 266.

хотя бы, какъ княжна, послѣ неудачнаго объясненія съ Печоринымъ, неестественно, судорожно веселится, и Печоринъ заноситъ по этому поводу въ свой журналъ:

> Княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю вампира... [1])

Когда Печоринъ завязываетъ романъ съ Мери, онъ съ ледянымъ хладнокровіемъ такъ объясняетъ причину:

> А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она, какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его *надо сорвать* въ эти минуты и, подышавъ имъ досыта, бросить на дорогѣ: авось кто нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; Я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. [2])

Сопоставимъ эти разсужденія съ аналогичными надменными и властными мѣстами въ письмахъ Лермонтова; такъ, въ письмѣ къ М. Лопухиной отъ 1832 г. читаемъ:

> Я—та особа, у коей бываю съ наибольшимъ удовольствіемъ;

или въ письмѣ къ С. А. Бахметевой (1832):

> Не имѣю слишкомъ большого влеченія къ обществу: надоѣло! Все люди, такая тоска: хоть бы черти для смѣха попадались!

Нетрудно замѣтить, что мефистофелизмъ Печорина, принимающій иногда дѣйствительно неподдѣльную форму, вовсе не универсаленъ; онъ не задается мыслями отвлеченнаго порядка, не стремится разгадать что-либо дѣйствительно

---

[1]) Ibid., 299.
[2]) Ibid., 282.

важное или имѣющее общее значеніе, равнодушенъ къ жизни, какъ извѣстной реальной силѣ, и врядъ ли когда либо рѣшится систематически мстить искалѣчившимъ его въ молодости людямъ. Онъ иногда лѣниво, небрежно копается въ своихъ минутныхъ думахъ, впечатлѣніяхъ и чаще всего преслѣдуетъ своей желчностью совершенно невинныхъ дѣвушекъ, нимало не заботясь, какъ мы видѣли, о томъ, что съ ними будетъ. Не все ли равно? Завянетъ цвѣтокъ, и все тутъ. А, между тѣмъ, Печоринъ богатъ, можетъ быть настойчивъ, и по своему уменъ; ему открыто много путей, а онъ ѣдетъ по самому странному и ненужному—въ Персію.

Что же онъ такое? Или все то, что онъ о себѣ пишетъ,—неправда, и тогда онъ, какъ типъ, для насъ не существуетъ, или это—правда, и онъ только не можетъ рѣшиться на что либо активно: добро или зло. Правда, въ своей исповѣди Мери—которой мы впрочемъ не придадимъ рѣшающаго значенія, такъ какъ она была произнесена какъ разъ въ эпоху завлеченія имъ Мери въ мышеловку, и передъ тѣмъ, какъ начать ее, онъ

> задумался на минуту и потомъ сказалъ, принявъ глубоко тронутый видъ [1])

—онъ признаетъ себя нравственнымъ калѣкой, но, выдавъ такое testimonium paupertatis, онъ этимъ вовсе не обрекаетъ себя на абсолютную бездѣятельность; конечно, его послѣдующая дѣятельность можетъ быть вредна во всѣхъ отношеніяхъ; важно то, что она можетъ быть, а при его твердости и силѣ воли должна бы быть; но ея нѣтъ, и мы начинаемъ понимать, что въ дѣйствительности предъ нами только озлобленный невозможностью—съ его точки зрѣнія—для себя лучшей жизни и вымещающій это на другихъ обломовецъ. На Печоринѣ, конечно, лежитъ своя строго индивидуальная печать, но, вѣдь, онъ самъ признается въ томъ, что калѣка, что ему надо под-

---

[1]) Ibid., 285.

держивать искусственно свои душевныя силы, и мы устанавливаемъ его родство съ семьей обломовцевъ.

И вотъ это-то причудливое смѣшеніе такихъ элементовъ, какъ: душевная слабость, скука, отчаяніе, бездѣліе—съ большой энергіей на малыя дѣла, лихорадочными подъемами духа, внезапнымъ магическимъ вліяніемъ на другихъ и пр.,—такое смѣшеніе дѣлаетъ его, по крайней мѣрѣ въ глазахъ пятигорскаго общества, таинственнымъ, значительнымъ и уже во всякомъ случаѣ необыкновеннымъ и опаснымъ человѣкомъ.

Итакъ, въ общей схемѣ вопросъ о силѣ и значеніи Печорина сводится къ слѣдующему: по отношенію къ людямъ Печоринъ—такъ, какъ онъ есть—ничего серьезнаго представлять не можетъ; тѣмъ менѣе содержательно его отношеніе къ жизни въ широкомъ смыслѣ слова; но попадающіяся ему на пути несформировавшіяся духовно, слабыя натуры онъ не пощадитъ,—самъ въ глубинѣ души неудавшійся „странный человѣкъ", но уже безъ надежды на исправленіе, онъ будетъ мелко, недостойно, подчасъ съ тонкой усмѣшкой инквизитора, подчасъ съ грубостью уставшаго палача, играть своими жертвами; онъ скоро броситъ ихъ, какъ бросилъ Мери, но онъ безжалостно уничтожитъ ихъ, или погибнетъ самъ, если только онѣ осмѣлятся затронуть его, какъ напр. недальновидный Грушницкій; вспомнимъ, какъ вскипѣлъ Печоринъ, когда замѣтилъ, что Грушницкій, имѣя къ тому всѣ причины, посмотрѣлъ на него „довольно дерзко": онъ забылъ, что недавно систематически дурачилъ его передъ княжной, которая для Грушницкаго была—все въ то время.

Не буду останавливаться на вопросѣ о томъ, какимъ образомъ Печоринъ дошелъ до своего гордаго, презрительнаго, чаще всего равнодушнаго, а иногда и злого отношенія къ людямъ. Лермонтовъ вообще представилъ намъ героя гораздо больше въ состояніи статики, чѣмъ динамики; и то немногое, что мы узнаемъ о юныхъ годахъ Печорина,—мы узнаемъ невзначай отъ него самого, главнымъ образомъ изъ его исповѣди Мери, въ которой онъ всю причину своего уродливаго нрав-

ственнаго образа слагаетъ на недоброжелательныхъ къ нему съ дѣтства людей; затѣмъ, изъ его ночныхъ думъ передъ дуэлью, гдѣ говоритъ о своемъ высокомъ назначеніи, которое промѣнялъ на пустыя и неблагодарныя страсти, вслѣдствіе чего утратилъ на вѣки „пылъ благородныхъ стремленій“. Сравнимъ эти слова съ аналогичными строками изъ стихотворенія Лермонтова „Раскаяніе“ (1830):

Безсмысленный! Ты обладалъ
Душою чистой, откровенной,
Всеобщимъ Зломъ не зараженной—
И этотъ кладъ ты потерялъ! [1])

—и мы почувствуемъ нотку раскаянія. Наконецъ, отзвукъ далекаго радостнаго счастья слышенъ въ его размышленіи въ очеркѣ „Фаталистъ“; здѣсь имъ констатируется присущая молодости мечтательность, отъ которой осталась усталость; прекрасной иллюстраціей къ этимъ мыслямъ могутъ послужить строки изъ лермонтовской „Элегіи“ (1829):

Но для меня весь міръ и пустъ и скученъ,
Любовь твоя не льститъ душѣ моей:
Ищу измѣнъ и новыхъ чувствованій,
Которыя живятъ хоть колкостью своей
Мнѣ кровь угасшую отъ грусти, отъ страданій,
Отъ преждевременныхъ страстей! [2])

Или изъ поэмы „Преступникъ“ (1828):

Бѣгутъ года, умчалась младость,
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчитъ въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей.
Одни холодные остатки,
Несчастной жизни отпечатки:
Любовь къ свободѣ золотой
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный. [3])

---

[1]) Сочин. Лерм. I. 137.

[2]) Ibid., 9.

[3]) Ibid. 16.

Новыхъ чувствованій искалъ и Печоринъ, когда бурной ночью садился въ лодку съ контрабандисткой-дѣвушкой, или бросился черезъ окно къ озвѣрѣвшему козаку („Фаталистъ“); колкостей искалъ онъ, когда заводилъ ссору съ Грушницкимъ; онъ же сохранилъ и инстинктивную любовь къ свободѣ и даже не къ ней, а къ чему-то неопредѣленному, не имѣющему рамокъ и, главное, не подчиненному человѣку: поэтому онъ любилъ скакать часами на горячей лошади противъ вѣтра, поэтому въ концѣ концовъ отправляется въ Персію, и зачѣмъ? Умирать.

> Мнѣ осталось только одно средство: путешествовать. Какъ только можно будетъ, отправлюсь— только не въ Европу, избави Боже!—поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію—авось умру гдѣ нибудь на дорогѣ. [1])

Сопоставимъ эти слова съ письмомъ Лермонтова къ С. А. Бахметевой (1832), гдѣ пишетъ:

> Мнѣ необходимо путешествовать: я—цыганъ!

Такъ, примиряющими, мягкими бликами ложатся на суровый образъ Печорина немногія отрывистыя воспоминанія, прорывающіяся въ его журналѣ въ минуты беззаботнаго отдыха отъ напряженной, навязанной имъ самому себѣ и ненужной игры съ окружающими ничтожными обстоятельствами. Намъ даже какъ будто пріятно оттого, что авторъ сразу перенесъ юношу Печорина въ зрѣлый возрастъ мелко-озлобленнымъ, равнодушнымъ человѣкомъ; насъ интригуютъ и занимаютъ эти въ высокой степени интересные контрасты между двумя столь различными состояніями его духовной жизни. А насколько они разнятся между собою, насколько велика пропасть, которую уже нельзя перейти обратно,—показываютъ слѣдующія сильныя слова, сказанныя имъ Мери и почти цѣликомъ перенесенныя въ романъ изъ драмы „Два брата“:

> —Да, такова была моя участь съ самаго дѣтства! всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ

---

[1]) Сочин. Лермонт. V, 219.

свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали —и они родились. Я былъ скроменъ; меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло—никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ—меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ—меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду—мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе—не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой...[1]).

За этой пропастью „холоднаго отчаянія“ нѣтъ ничего, ромѣ обширныхъ, какъ уходящая въ даль мгла, одинокихъ, акъ онъ самъ, и медленныхъ и тоскливыхъ, какъ его будуцая жизнь, думъ; какъ и въ стихотвореніи „1830 г. 15-го іюля“, дѣ Лермонтовъ, какъ бы предчувствуя будущій жалкій эпиогъ разбитой души, воскликнулъ:

Что жъ? Нынѣ жалкій, грустный я живу
Безъ дружбы, безъ надеждъ, безъ думъ, безъ силъ,
Блѣднѣй, чѣмъ лучъ безчувственный луны,
Когда въ окно скользитъ онъ вдоль стѣны[2]).

Слова „безъ дружбы“ вполнѣ подтверждаются тѣмъ почти нничнымъ опредѣленіемъ ея, которое Печоринъ даетъ при

---

[1]) Ibid., 285.
[2]) Соч. Лерм. I, 118.

опредѣленіи своихъ отношеній къ Вернеру; вотъ что говоритъ онъ:

> Мы другъ друга скоро поняли и сдѣлались пріятелями, п. ч. я къ дружбѣ неспособенъ; изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другого, хотя часто ни одинъ въ этомъ себѣ не признается; рабомъ я быть не могу, а повелѣвать въ этомъ случаѣ—трудъ утомительный, п. ч. надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать; да, притомъ, у меня есть лакей и деньги [1]).

Наконецъ, послѣдней существенной для характеристики внутренняго міра Печорина чертой являются его отношенія къ женщинамъ, отношенія болѣе всего носящія отпечатокъ его личнаго „я“ и выясняющія подчасъ самыя необъяснимыя настроенія его души. Если присмотрѣться къ внѣшней канвѣ жизни Печорина, то бросится въ глаза его инстинктивное, безошибочное чутье, съ которымъ онъ дѣлитъ разговоры и событія внѣшней жизни на нужные ему и ненужные; Печоринъ равнодушно или совсѣмъ не слушаетъ, или не видитъ того, что ему не нравится или безполезно; но тотъ же Печоринъ съ болѣзненной настойчивостью, даже надоѣдливостью будетъ преслѣдовать пришедшую ему въ голову прихоть; таковы же и его чувства: нѣкоторыя изъ нихъ скользятъ по его душѣ, но нѣкоторыя разрабатываются имъ тщательно, даже любовно, и женскій вопросъ въ освѣщеніи Печорина принадлежитъ къ послѣднимъ. Въ одномъ мѣстѣ романа Печоринъ прямо признается, что, если и любитъ еще кого либо, то только женщинъ, и содержаніе романа вполнѣ подтверждаетъ эту мысль. Дѣйствительно, въ „Бэлѣ“ центръ сюжета—любовь, въ „Тамани“—авантюра съ дѣвушкой, въ „княжнѣ Мери“—интрига съ двумя—дѣвушкой и женщиной—сразу, и даже въ „Фаталистѣ“ Печорина, возвращающагося поздней ночью, поджидаетъ у калитки хорошенькая урядникова дочка Настя съ посинѣвшими отъ холода губами.

---

[1]) Соч. Лерм. V, 258.

Цѣлая галлерея женщинъ, и притомъ самыхъ разнообразныхъ и по соціальному положенію и по характеру. Мы представляемъ себѣ и дѣвственницу Бэлу, гордую, полную своей особой думой, и потомъ такъ нелѣпо узрѣвшей своего Бога въ Печоринѣ, и наивную, но уже испорченную мамашкимъ „воспитаніемъ" и романами княжну Мери, и прекрасную своей жаждой свободы и силой своихъ чаръ дѣвушку-контрабандистку; и, наконецъ, глупенькую Настю, навѣрное, „лускающую" по воскресеньямъ сѣмечки и совершенно не задумывающуюся надъ тѣмъ, что такое любовь.

И вотъ, женщины, игравшія въ жизни Печорина такую большую роль, разсматриваются имъ всегда съ точки зрѣнія холоднаго анатома надъ трупомъ; не говоря уже о томъ, что онъ не можетъ испытывать любви, онъ просто разсматриваетъ внимательно каждую изъ нихъ, какъ интересный экземпляръ. И такая, сказалъ бы я, черезчуръ зоологическая точка зрѣнія, при присущей Печорину сардонической наклонности, превращается въ глубоко оскорбительное для женщины представленіе. „Погоня за все новою и новою любовью съ цѣлью насладиться душевными движеніями, еще не испытанными,—такъ разрѣшилась активная энергія Печорина, т. е. въ направленіи донъжуанства" [1]).

Эгоизмъ Печорина въ полной своей силѣ сказывается именно въ примѣненіи къ женщинамъ, и даже тогда, когда Печоринъ серьезно увлеченъ; здѣсь онъ, найдя благодатную, податливую почву, цвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ, здѣсь Печоринъ довольно цинично даже не скрываетъ его; вѣдь онъ насильно привозитъ Бэлу въ крѣпость, настойчиво задариваетъ ее, грозитъ и, въ концѣ концовъ, говоритъ Максиму Максимычу:

> ...дьяволъ, а не женщина!... только я вамъ даю мое честное слово, что она будетъ моя... [2])

---

[1]) С. Южаковъ. Любовь и счастье въ произведеніяхъ русск. поэзіи. („Сѣвер. Вѣстникъ", 1887, II, ст. 172).

[2]) Соч. Лермонтова, V, 207.

И онъ добился своего. Такимъ образомъ, едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ г. Южакова, будто „Бэла“ представляетъ отчасти разработку темы о возрожденіи черезъ любовь. Самъ Печоринъ думалъ воскреснуть душевно; онъ, какъ и Демонъ, искренно вступилъ на этотъ путь, но путь оказался ведущимъ къ призраку. И Печоринъ, какъ и Демонъ, еще ниже опустился.[1]) Но если со стороны пугливой, первобытной Бэлы Печорину и было оказано продолжительное сопротивленіе, то насколько легка была задача съ неопытной, завлеченной демонизмомъ героя княжной Мери! Вотъ ужъ доподлинно, гдѣ стоило только наклониться—и цвѣтокъ былъ бы сорванъ! Но нашъ герой этого не сдѣлалъ: отчасти потому, что ему, пожившему сластолюбцу, не очень то нужно было давно знакомое женское тѣло—„онъ про себя глумится надъ Мери въ ту минуту, когда цѣлуетъ ее“;[2])—отчасти и потому, что онъ боялся женитьбы, въ чемъ откровенно признается. Что касается сластолюбія Печорина, то оно явствуетъ вполнѣ и изъ сцены подсматриванія имъ въ окно спальни княжны, и изъ его неудержимаго влеченія самца къ соблазнительному горному цвѣтку—Бэлѣ, и, наконецъ, изъ его отзыва о фигурѣ Мери во время танцевъ:

> я не знаю болѣе сладострастной и гибкой таліи[3]);

или при возвращеніи съ пикника:

> Кисейный рукавъ—слабая защита, и электрическая искра пробѣжала изъ моей руки въ ея руку; всѣ почти страсти начинаются такъ... первое прикосновеніе рѣшаетъ дѣло.[4])

Въ отношеніяхъ Печорина къ Вѣрѣ, замужней женщинѣ, видимъ наиболѣе сильное проявленіе чувства, на какое только онъ былъ способенъ; тутъ онъ, которому было скучно оттого,

---

[1]) С. Южаковъ. Любовь и счастье, стр. 174.

[2]) Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей.

[3]) Соч. Лермонтова, V, 274.

[4]) Ibid., 286.

что наизусть зналъ „науку страсти нѣжной“,—совершенно преображается: является живость, свѣжесть, даже нѣкоторая серьезность чувства:

> она—единственная женщина въ мірѣ, которую я не въ силахъ былъ бы обмануть [1])

—признаніе цѣнное въ устахъ Печорина и притомъ сдѣланное самому себѣ. Къ сожалѣнію, авторъ совершенно не освѣтилъ исторіи этого глубокаго, взаимнаго чувства, и передъ нами только случайная мимолетная встрѣча двухъ давно знающихъ другъ друга любовниковъ.

Если въ лицѣ Вѣры мы имѣемъ опытъ моральной власти или—по крайней мѣрѣ—вліянія женщины на Печорина, то въ лицѣ дѣвушки-контрабандистки мы имѣемъ уже вполнѣ реальную побѣду надъ мужскимъ самолюбіемъ и превосходствомъ: тутъ онъ прямо одураченъ силой, ловкостью и хитростью этой ундины, едва не потопившей его. Вообще же Печоринъ не любитъ женщинъ „съ характеромъ“ и при завлеченіи ихъ прибѣгаетъ къ цѣлой сложной системѣ то разочарованныхъ разговоровъ, то невниманія, то ожиданія и пр. Таковы его записи въ дневникѣ:

> Всѣ эти дни ни разу не отступилъ отъ своей системы [2]);

или:

> Еще два дня не буду съ ней говорить [3]).

Я остановился такъ подробно на этомъ вопросѣ вслѣдствіе того, что онъ вытекаетъ изъ самой глубины печоринской души,—эгоистичной, усталой, привыкшей отъ времени до времени испытывать небольшія волненія, встрѣчать шероховатости, которыя не дали бы окончательно заснуть ей; и вотъ онъ порою позволяетъ себѣ такія непродолжительныя, безопасныя для него и, главное, убѣждающія его въ своихъ си-

---

[1]) Ibid., 268.
[2]) Ibid., 280.
[3]) Ibid., 281.

лахъ встрѣски.—По вопросу объ отношеніяхъ Печорина къ женщинамъ хорошо и образно выразился Ю. Айхенвальдъ: „онъ (т. е. Печоринъ) самъ не живъ, и отъ его приближенія умираетъ все живое, умираетъ Бэла, Вѣра, чахнетъ княжна Мери, и даже своего коня онъ замучилъ, когда запоздало мчался на потерянное свиданіе" [1]).—Эти же отношенія къ женщинѣ находятъ откликъ и въ письмѣ самого Лермонтова къ М. Ал. Лопухиной отъ 1834 года, гдѣ онъ между прочимъ пишетъ:

> Я волочусь и, вслѣдъ за объясненіемъ въ любви, говорю дерзости... Ничто меня не трогаетъ, ни гнѣвъ, ни нѣжность, я всегда искателенъ и горячъ, но сердце у меня довольно холодное и способно забиться только въ необычайныхъ случаяхъ [2]).

Но, любя „такъ" женщинъ, Печоринъ зато глубоко и искренно любитъ природу, понимаетъ ее, какъ начало, стоящее неизмѣримо выше его крохотнаго, несовершеннаго „я". И здѣсь онъ очень близко подойдетъ къ здоровой, какъ сама жизнь, пламенной любви и привязанности къ природѣ Измаилъ-Бея и Мцыри. Припомнимъ его яркое описаніе окрестностей Пятигорска съ бодрыми, заключительными словами:

> Солнце ярко, небо синё—чего бы кажется больше?
> Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія? [3])

или слѣдующее мѣсто:

> Нѣтъ женскаго взора, котораго бы я не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубого неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ [4]).

Въ этомъ любовномъ, искреннемъ отношеніи къ природѣ кроется невысказанное, правда, гордымъ Печоринымъ даже

---

[1]) Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей.

[2]) Соч. Лермонтова, V, 403.

[3]) Ibid., 249.

[4]) Ibid., 269.

въ своемъ дневникѣ преклоненіе передъ ней, какъ началомъ могучимъ, вѣчнымъ, неуклонно развивающимся по невѣдомымъ законамъ. Это начало инстинктивно противопоставляется имъ собственной сумбурной натурѣ, постоянно колебавшейся между противоположными контрастами. Возникаетъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что человѣкъ своей волей не можетъ направлять собственную жизнь, что есть какая то мiровая, лежащая внѣ насъ и, въ то же время, въ каждомъ изъ насъ необъятная, непонятая нами сила, противъ которой безплодны всѣ ухищренія человѣческаго ума, всѣ напряженія сильной воли, которая посмѣется надъ Вуличемъ („Фаталистъ"), когда онъ направитъ пистолетъ на свою голову; и пистолетъ дастъ осѣчку, а самъ Вуличъ черезъ полчаса будетъ зарубленъ на улицѣ пьянымъ казакомъ. *Въ этой потерѣ своей гордой, руководящей воли и кроется главная причина полной идейной капитуляціи Печорина, какъ „страннаго человѣка"*. Эту странную силу Лермонтовъ назвалъ фатумомъ, рокомъ, а людей, исповѣдующихъ, если можно такъ выразиться, силу этой силы—фаталистами; тутъ, какъ видимъ, онъ очень близко подходитъ къ античному ученію о „μοῖρα" въ его чистомъ видѣ; и весьма возможно, что именно непосредственность, наивность и полная увѣренность въ необходимости рока у античнаго грека подкупили во многомъ мистически-настроенную душу нашего поэта; а его душа была именно душой безсознательнаго мистика; возьмемъ хотя бы его дивное стихотвореніе „Сонъ", написанное въ предчувствіи близкой смерти и несомнѣнно выражающее вѣру автора въ сродство, пониманіе и таинственную связь душъ на разстояніи и въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Что же касается внѣшнихъ формъ, въ которыя Лермонтовъ облекъ свою жуткую вѣру въ фатумъ,—то она прекрасна; трудно указать произведеніе, которое бы захватывало такъ сильно мощью сгущеннаго до болѣзненности настроенія и торжественнаго ощущенія чего-то незримо стоящаго за спиной кавказскихъ офицеровъ, ставящихъ въ закладъ жизнь товарища! Дѣлается почти страшно!

Не буду останавливаться на выясненіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертъ характера Печорина, прямо вытекающихъ изъ предыдущаго анализа его личности. Намъ было важно фиксировать его психологически, какъ возможный и понятный типъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя черты извѣстнаго общественнаго типа. Цѣлаго Печорина мы, конечно, возстановить не можемъ по тому случайному—сказалъ бы я—матеріалу, которымъ мы располагаемъ; ибо повѣсть „Княгиня Лиговская" ничего не даетъ намъ для болѣе полной картины его душевнаго міра. Если бы Печоринъ волею автора былъ героемъ гдѣ-нибудь въ умственномъ центрѣ, то весьма возможно, что раскрылись бы нѣкоторыя новыя, теперь невѣдомыя черты его характера и души; такъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго представленія о политическомъ и общественномъ міровоззрѣніи героя, а тотъ романъ В. Скотта, который онъ читаетъ въ ночь передъ дуэлью, уже никакъ не можетъ стать для насъ путеводной нитью при разсмотрѣніи вопроса о литературныхъ вкусахъ Печорина; и на протяженіи всего романа мы не найдемъ ни одного мѣста, которое показало бы интересъ героя къ умственнымъ запросамъ внѣ своихъ личныхъ думъ; не говоря уже объ интересѣ къ теченіямъ философской мысли, столь сильнымъ тогда въ Россіи. Точно также совершенно открытымъ остается вопросъ объ образованіи Печорина:

я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни

—говоритъ онъ, но ни однимъ словомъ не упоминаетъ о годахъ ученія. Самъ офицеръ—онъ нигдѣ не обмолвится словомъ о смыслѣ и интересѣ своего военнаго званія. Такъ, глубокимъ равнодушіемъ къ благамъ и даяніямъ окружающей жизни вѣетъ отъ образа Печорина. И это самоуглубленіе, этотъ культъ своихъ чувствъ, мыслей, капризовъ, кризисовъ, наряду съ полнымъ игнорированіемъ внѣшнихъ воздѣйствующихъ причинъ—и дали основаніе критикѣ послѣднихъ лѣтъ провозгласить „Героя нашего времени" первымъ русскимъ психологическимъ романомъ. Припоминаются прекрасныя слова г. Андреевича: „Безмѣрно и могуче сознаніе своей личности

у Лермонтова. Оно не мирится ни съ обществомъ, ни съ землей, ни съ самой смертью... Изъ всей гаммы чувствъ особенно сильно было развито въ немъ чувство человѣческаго достоинства, и на его юную поэзію съ самаго начала легли мрачныя и грозныя тѣни сознаннаго имъ трагизма жизни и жестокой пошлости человѣческихъ дѣлъ" [1]). Въ этихъ немногихъ словахъ, дѣйствительно, вся философія „страннаго человѣка", поскольку онъ вообще тяготѣетъ къ землѣ, людямъ, поскольку онъ подвластенъ нормамъ какой-бы то ни было отвлеченной дисциплины. И съ грустью приходится признать, что эта философія высокаго, надчеловѣческаго духа обезцѣнена и опошлена въ лицѣ Печорина.

Вокругъ анчара земного существованія, вокругъ той страшной чаши хаоса довременнаго —Лермонтовъ совершилъ круговоротъ своей страдальческой жизни. То приближаясь къ этой чудной чашѣ высшаго откровенія въ образахъ могучихъ и свѣтлыхъ: Измаилъ-Бея, Демона и Мцыри—то отдаляясь отъ нея въ болѣзненныхъ образахъ Арбенина, Радина,—Лермонтовъ не смогъ въ концѣ своего краткаго земного существованія смѣло взглянуть вверхъ, въ далекія вѣтви уходящаго въ небесную высь анчара, не могъ постичь глубокой тайны свободнаго, смѣлаго, свѣтлаго человѣческаго существованія,—существованія, осмысленнаго этой вѣчной драгоцѣнной тайной. И гордый, величественный анчаръ навсегда дѣлается смертоноснымъ для придавленнаго скучной, постылой жизнью человѣка, и, угрожающе зашелестѣвъ надъ смятенной, растерянной душой Арбенина, онъ всей своей тяжкой, ядовитой массою низринется на равнодушнаго къ первымъ, высокимъ идеаламъ „страннаго человѣка" Печорина, и ползучимъ, спутаннымъ кустарникомъ мелкихъ, недостойныхъ страстей ляжетъ надъ его сѣрой, ненужной ни небу ни землѣ жизнью...

---

[1]) Андреевичъ. Опытъ философіи русск. литературы, 94.